ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

ГОДЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Статья 1917 года.

С.-Петербургъ.
1918.

„РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ".
Издательство при Центральномъ Комитетѣ Партіи Лѣвыхъ Соціалистовъ-Революціонеровъ (Интернаціоналистовъ).

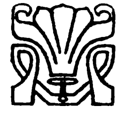
№ 12.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

ГОДЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Статьи 1917 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1918.

Типографія Никол. Воен. Акад. Петроградъ, Суворовскій, 32-б.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА РЕВОЛЮЦІИ.

ЛИТЕРАТУРА И РЕВОЛЮЦІЯ.

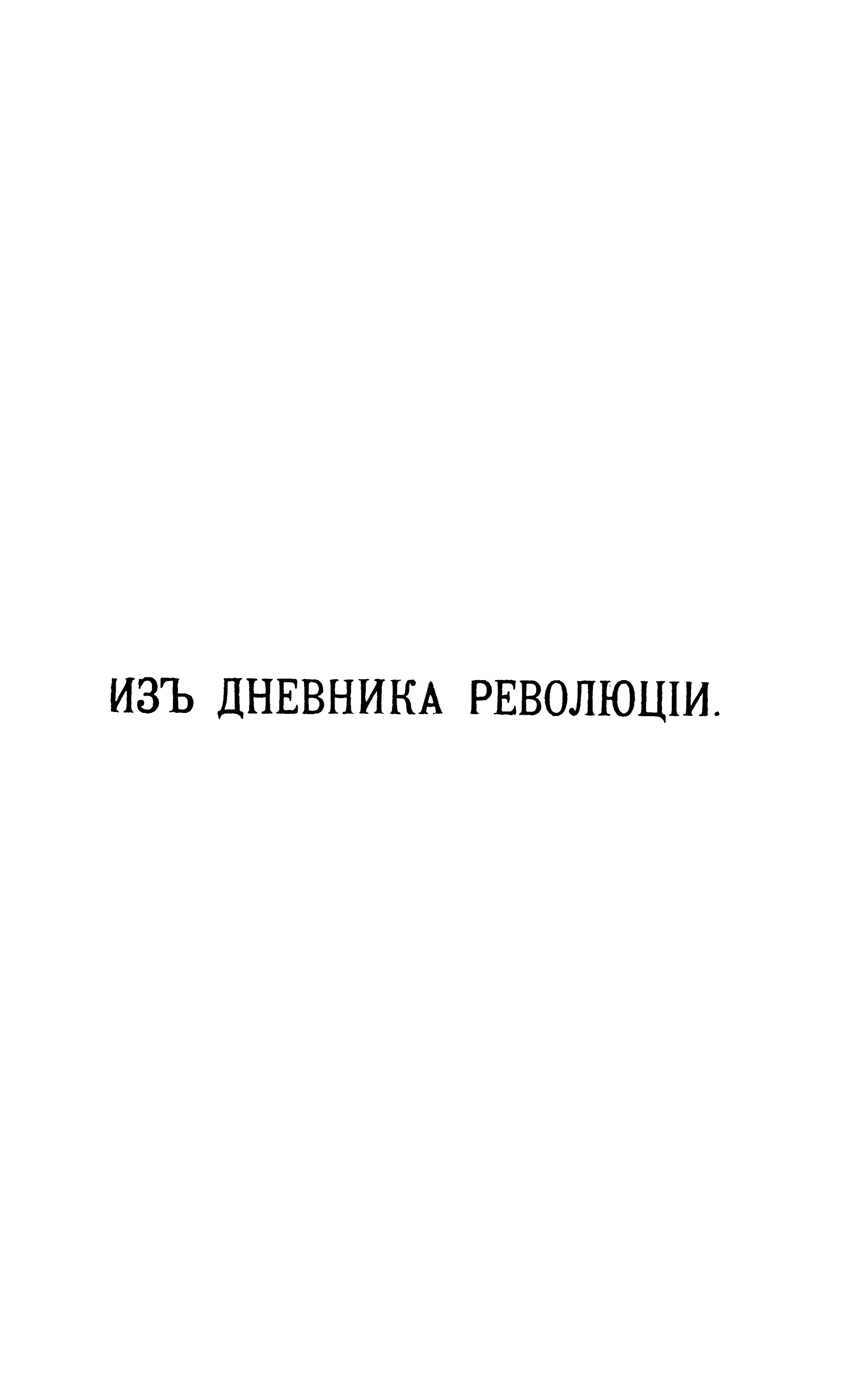
Отъ Автора.

Въ сборникѣ „Годъ Революціи“ соединены статьи, написанныя и, въ большинствѣ, напечатанныя въ 1917 году.

Содержаніе перваго отдѣла, „Изъ дневника революціи“,— неустанная, съ марта по октябрь, борьба противъ двухъ враговъ: политическаго либерализма и мѣщанскаго соціализма. Въ отдѣлъ этотъ не включена серія статей „За что воюютъ великія державы“, такъ какъ статьи эти вышли въ 1917 году отдѣльной брошюрой въ пяти послѣдовательныхъ изданіяхъ. Вышедшая также отдѣльнымъ изданіемъ статья „Испытаніе огнемъ“ (напечатанная сперва въ первомъ сборникѣ „Скиѳы“) является какъ бы введеніемъ ко всѣмъ этимъ статьямъ 1917 года.

Во второмъ отдѣлѣ „Литература и Революція“ собраны статьи болѣе общаго характера; въ него не включена полностью лишь статья „Двѣ Россіи“, хотя и завершающая во многомъ кругъ статей этого отдѣла, но отличающаяся отъ нихъ по захвату темы. Изъ этой статьи помѣщены лишь отрывки; полностью напечатана она во второмъ сборникѣ „Скиѳы“.

Февраль. 1918 г.

ИЗЪ ДНЕВНИКА РЕВОЛЮЦІИ.

28 февраля 1917 года.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Нынѣ отпущаеши!

Такъ хотѣлось бы сказать въ эти удивительные часы и дни свершенія пламенныхъ надеждъ поколѣній и поколѣній русской интеллигенціи.

Такъ хотѣлось бы сказать—и такъ нельзя сказать.

Въ эти на вѣкъ незабываемые часы и дни торжества революціи, надо прямо и твердо сказать себѣ и другимъ: мы—не Симеоны Богопріимцы, не торжество побѣды, а тяжелая борьба за далекую побѣду лежитъ передъ нами. Нѣтъ, не „нынѣ отпущаеши", а упорная борьба со всѣми „богопріимцами" суждена всѣмъ сторонникамъ революціоннаго міровоззрѣнія. Много ихъ, этихъ „богопріимцевъ", восторгающихся завоеванной политической свободой (ибо она уже завоевана) и боязливо отмахивающихся отъ неизбѣжныхъ нынѣ завоеваній революціи соціальной. Много этихъ богопріимцевъ либерализма встрѣтилъ я сегодня за день и безсонную ночь, проведенную въ стѣнахъ Таврическаго дворца.

Нѣтъ, не Симеоны мы и не по пути намъ съ ними. Впереди — упорная борьба съ Симеонами, впереди — Парижъ и Версаль, побѣды и пораженія. Пусть. Но пусть будетъ все это — *до конца,* и пусть будетъ все это—въ міровомъ захватѣ. Великое счастье наше, что дожили мы не до побѣды, а до первыхъ лучей восхода, до первыхъ шаговъ борьбы за нашу правду—правду *міровой соціальной революціи.*

2 марта.

СКАЗКА О СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

Два впечатлѣнія этихъ дней—старикъ въ тяжелой шубѣ, медленно влачащійся черезъ залъ подъ конвоемъ въ министерскую „арестантскую", свистъ и крики толпы, и рѣчь П. Милюкова въ томъ-же Екатерининскомъ залѣ, тоже свистъ и крики. Какое впечатлѣніе тяжелѣе?

Бывшій министръ—жалкое и обидное впечатлѣніе: какъ могли люди годы и годы терпѣть, чтобы *это*, чтобы *такое* управляло судьбами Россіи? Это какъ бы символъ „стараго режима“, гнилого внутри, накрашеннаго снаружи. Но вѣдь *это* самое—невозмутимѣйшимъ образомъ продолжало бы править, если бы на Россію въ эти дни свалилось несчастіе „отвѣтственнаго министерства“ и строгой „конституціонности“, если бы волна политической революціи докатилась только до этой точки. Приказали бы этому старику—и составилъ бы онъ „отвѣтственное министерство“, и пригласилъ бы, конечно, министромъ иностранныхъ дѣлъ того же П. Милюкова.

И въ такомъ министерствѣ—П. Милюковъ былъ бы какъ разъ у мѣста. Онъ у мѣста тамъ, гдѣ „конституція“. Но что дѣлать ему тамъ, гдѣ революція? И сегодняшняя рѣчь его производитъ подлинно гнетущее впечатлѣніе полнымъ непониманіемъ того, что свершается и что свершится, неумѣніемъ оцѣнить размахъ волны. Регентъ Михаилъ! царь Алексѣй! Нѣтъ, ужъ если мы и придемъ къ этому, то лишь совершивъ громадный кругъ, только въ случаѣ полнаго и окончательнаго пораженія революціи и соціальной и политической.

Но даже и не въ этомъ дѣло. Дѣло не въ Михаилахъ, а въ проливахъ, не въ Алексѣяхъ, а въ Дарданелахъ. П. Милюковъ, съ его нескрываемыми „имперіалистическими“ замыслами—министръ иностранныхъ дѣлъ правительства революціонной народной республики! Нѣтъ, или онъ пойметъ, что взгляды его умѣстны лишь для „отвѣтственнаго министерства“ Горемыкина, или волна продолжающейся революціи смоетъ его съ пути. А если революція *на этомъ* остановится—то лучше бы ей еще немного подождать, не начинаться...

Революція покончитъ съ войной, или война покончитъ съ революціей. Средняго пути нѣтъ. А сегодняшнее „Временное Правительство“—попытка „средняго пути“. Но недаромъ же въ народныхъ сказкахъ—кто по среднему пути поѣдетъ, тотъ и самъ пропадетъ, и коня потеряетъ. И если Революція пытается на своемъ конѣ, „Временномъ Правительствѣ“, проѣхать по этому среднему пути, то дни ея сочтены. А такъ какъ это пока слишкомъ невѣроятно (волна революціи лишь приходитъ въ движеніе), то и конецъ будетъ вѣроятно иной. Какъ въ сказкѣ. Поѣхалъ Иванъ-царевичъ по среднему пути—отколь ни возьмись Сѣрый Волкъ, коня на двое разорвалъ, и самъ сталѣ служить за коня Ивану-царевичу. „Сѣрый Волкъ“—очень страшенъ всѣмъ горе-богатырямъ нашихъ дней: конь онъ необъѣзженный, имя ему страшное—„Революціонный Народъ“, но какъ быть! На иномъ конѣ въ тридесятое царство не доѣдешь, золотыхъ яблокъ и Жаръ-Птицы не достанешь. И если революція наша подлинно богатырь, то подвиги свои можетъ свершить она только съ Сѣрымъ Волкомъ...

Сказка—ложь, да въ ней намекъ.
Добрымъ молодцамъ урокъ...

Еще и еще разъ хочется снова сказать—„нынѣ отпущаеши“! Еще и еще разъ сознаешь твердо и безповоротно, что не намъ выпадетъ на долю сказать эти вѣчныя слова. Другія слова писанія скорѣе вспоминаются теперь и всегда, слова про землю Обѣтованную: „и показахъ ю очесемъ твоимъ, и тамо не внидеши“...

Пусть не войдемъ! Но радостно перечитываю я сегодня корявыя слова изъ обращенія русской революціонной демократіи „къ народамъ всего міра“:

„Трудящіеся всѣхъ странъ! Братски протягивая вамъ руку черезъ горы братскихъ труповъ, черезъ рѣки невинной крови и слезъ, черезъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, черезъ погибшія сокровища культуры—мы призываемъ васъ къ возстановленію и укрѣпленію международнаго единства. Въ немъ залогъ нашихъ грядущихъ побѣдъ и полнаго освобожденія человѣчества...“.

„...Обращаясь ко всѣмъ народамъ, истребляемымъ и раззоряемымъ въ чудовищной войнѣ, мы заявляемъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ. Наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ“...

Перечитываю—и невольно вспоминаю маленькій, крошечный личный эпизодъ, имѣвшій мѣсто ровно годъ тому назадъ. Только годъ! Но вѣка и вѣка легли между тѣмъ и сегодняшнимъ днемъ.

6-го марта 1916 года я читалъ въ небольшомъ случайномъ собраніи человѣкъ тридцати свою статью о войнѣ—„Испытаніе огнемъ“, написанную еще въ 1914—1915 г.г. *). Чтеніе происходило „конспиративно“, въ квартирѣ одного изъ большихъ нашихъ поэтовъ, и предсѣдательствовалъ во время „обмѣна мнѣній“—П. Н. Милюковъ, нынѣшній гражданинъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Съ милымъ добродушіемъ иронизировалъ онъ надъ утопическими бреднями „ничтожнаго меньшинства“ европейскихъ соціалистовъ, надъ безпочвенными „интернаціоналистическими мечтаніями“ этого ничтожнаго меншинства представителей подлиннаго революціоннаго соціализма всѣхъ странъ. И онъ былъ правъ—безсмысленными бреднями, безумными мечтаніями были тогда всѣ призывы „ничтожнаго меньшинства“, всѣ наши мысли, чаянія, упованія.

Да, меньшинство—всегда „безумно“, всегда осуждено въ глазахъ благоразумныхъ сыновъ „малаго разума“, закономѣрной либеральной историчности. И всетаки твердо вѣрилъ я тогда въ близкую или далекую, но неизбѣжную побѣду этого „интернаціоналистскаго“ безумія надъ твердымъ историческимъ благоразуміемъ именитыхъ мужей либерализма и мѣщанскаго соціализма.

---

*) Напечатана въ первомъ сборникѣ „Скиѳы“ (1917 г.), вышла и отдѣльными изданіями.

Въ близкую или далекую побѣду... И вотъ —

Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей?..
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ...

Прошло сто лѣтъ—прошелъ всего лишь годъ войны, прошло всего лишь двѣ недѣли революціи. И тѣ „интернаціоналистическія бредни", которыя лишь „подпольно" можно было оглашать, которыя вызывали негодованіе и ненависть „благоразумнаго" громаднаго большинства и либераловъ и мѣщанъ соціализма—онѣ теперь отъ имени большинства революціонной демократіи по безпроволочному телеграфу звучатъ „народамъ всего міра", онѣ теперь побѣдили былое „громадное большинство" благоразумныхъ „сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей"...

Казалось бы—можно торжествовать побѣду, казалось-бы—можно записаться въ станъ Симеоновъ Богопріимцевъ. Нѣтъ—нельзя! Иначе въ самой быстротѣ этой побѣды будетъ величайшее пораженіе.

И во первыхъ—„отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей" осталось далеко не мало. Они верховодятъ еще политикой во Временномъ Правительствѣ, они дадутъ еще не одинъ бой за погибающія и дорогія ихъ сердцу „имперіалистическія" цѣнности. Не такъ-то легко побѣждается „благоразумный" захватный либерализмъ.

А во вторыхъ—второй врагъ еще опаснѣе. Мѣщанскій соціализмъ, „оборонческій" и патріотствующій, перекрасился нынѣ въ защитный „интернаціоналистическій" цвѣтъ. Среди насъ, былого „меньшинства", массами бродятъ волки въ овечьей шкурѣ, мѣщане соціализма—и слѣпъ тотъ, кто не видитъ уже теперь, что между нами и ними—бездна, пропасть, провалъ, съ каждымъ днемъ углубляющійся. Раньше или позже, но идейный „полтавскій бой" между нами и ними—неизбѣженъ, ибо не можетъ совмѣститься на одномъ берегу соціализмъ мѣщанскій и соціализмъ революціонный.

И пусть сегодня—день нашего торжества, пусть радостно перечитываю я корявое „обращеніе къ народамъ всего міра": не успокоительное „нынѣ отпущаеши" слышится мнѣ за нимъ, но тревожное и бодрое—„sentinelle, prenez garde à vous!".

23 марта. **ПОХОРОНЫ**

Сотни тысячъ народу на улицахъ, стройныя колонны, красныя знамена, красные гроба павшихъ въ дни борьбы за политическую революцію.

Такъ-ли? Только-ли за *политическую* революцію вышли на улицы всѣ они, нынѣ плывущіе въ красныхъ ладьяхъ на великое отнынѣ

Марсово поле? Не было-ли среди нихъ, стихійно увлеченныхъ въ борьбу, отдавшихъ жизнь свою—не было-ли среди нихъ, павшихъ сотнями, хоть двухъ-трехъ десятковъ, хоть двухъ-трехъ человѣкъ, сознательно или безсознательно шедшихъ завоевывать революцію *соціальную?* А если были—то ихъ пролитая кровь насъ обязываетъ: не останавливаться на полъ-пути.

Среди сотенъ тысячъ вышедшихъ сегодня на улицы—въ одни колонны внѣшне слиты, но внутренне рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, какъ спиртъ отъ масла, представители революціонной демократіи и примкнувшей къ нимъ всегда реакціонной обывательщины. Раньше или позже—они разойдутся въ разныя стороны. И чѣмъ скорѣе это будетъ—тѣмъ будетъ лучше для каждой изъ сторонъ.

Одно раздѣленіе совершилось уже сегодня: красные гроба—точно символъ отдѣленія государства отъ церкви. Еще много отдѣленій и раздѣленій впереди; не бояться надо ихъ, а твердо ждать, какъ неизбѣжное, новыя и новыя волны идущей на міръ русской революціи. И пусть волны эти похоронятъ все тусклое, дряблое, обывательское, что пытается теперь въ рядахъ революціоннаго народа затормозить его движеніе. Только эти духовныя похороны будутъ подлиннымъ торжествомъ возставшаго изъ гроба Народа.

27 марта.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

I.

Минулъ мѣсяцъ съ перваго дня революціи, только одинъ мѣсяцъ. Но поистинѣ—если на войнѣ мѣсяцъ считается за годъ, то въ революціи долженъ онъ считаться за десять лѣтъ, за десятилѣтія... Въ мартѣ 1917 года съ быстротой, захватывающей духъ, перенеслись мы отъ охраннаго строя къ истокамъ свободы, отъ самодержавія къ народному самоуправленію, отъ департамента полиціи къ Учредительному Собранію. Невѣроятное—свершилось, немыслимое—сдѣлалось.

Духъ захватываетъ отъ быстроты полета исторіи,—и надо за ней поспѣть, ибо непоспѣвающіе—худшій тормазъ на пути движенія. Революція подготовляется столѣтіемъ, а творится однимъ поколѣніемъ; и горе народу, если въ минуту историческаго взрыва „непоспѣвающіе" составятъ большинство въ поколѣніи, призванномъ творить жизнь.

Есть у русскаго народа чудесная былина о пахарѣ Микулѣ. Пашетъ Микула родную землю, пашетъ долгіе годы, „каменья-коренья вывертываетъ, съ краю въ край уѣдетъ—другого не видать..." И наѣзжаетъ на него въ полѣ богатырь Вольга, которому „повладѣлося да много мудростей", упрашиваетъ Микулу ѣхать съ нимъ „во товарищахъ". А когда они „садились на добрыхъ коней, да поѣхали по славному раздольицу по чисту-полю" то—

У Микулы кобылка-то въ рысь пошла.
А Вольгинъ-то конь поскакиваетъ,
Онъ поскакиваетъ да отстается,
Отстается и поспѣть не въ мочь.
А и сталъ Вольга ему покрикивати
И колпачикомъ онъ сталъ помахивати:
Стой-ка, постой, ты, оратаюшко...

Мудрость народная творитъ образы и символы на вѣчныя времена; и теперь, черезъ мѣсяцъ послѣ начала народной революціи мы уже видимъ не мало людей, которые усердно начинаютъ „колпачикомъ помахивати", лишь бы какъ нибудь остановить дальнѣйшее движеніе... Да что черезъ мѣсяцъ! Они были уже на другой день революціи, они были и за мѣсяцъ до нея...

Вотъ, напримѣръ: черезъ мѣсяцъ послѣ революціи происходитъ седьмой съѣздъ партіи народной свободы. Съѣздъ настроенъ очень, очень либерально: единогласно голосуетъ демократическую республику, слегка спотыкается на прилагательномъ „федеративный" всячески стоитъ за „соціальную эволюцію", отвергая лишь „соціальную революцію"... Очень хорошо: но развѣ изъ одного послѣдняго утвержденія вы не видите, какъ напуганный быстрымъ движеніемъ исторіи „кадетъ" начинаетъ „колпачикомъ помахивати" да покрикивать: „стой, постой!.." За ходомъ исторіи не всякому поспѣть. А если вспомнить, что только въ серединѣ февраля, ровно за недѣлю до революціи, лидеръ партіи народной свободы устно, письменно и печатно, на всѣ лады, молилъ, просилъ, предостерегалъ отъ революціи, то-есть помахивалъ своимъ колпачикомъ еще за полчаса до начала движенія исторіи „по славному раздольицу, по чисту полю", то ясно станетъ, до какой степени искренно долженъ онъ теперь кричать свое „стой, постой!" ходу революціи, ходу исторіи.

Это только одинъ примѣръ, но развѣ ихъ мало передъ глазами? Возьмите всю гущу обывательщины—гдѣ она теперь осталась? Докатилась отъ удара исторіи, до идеи „демократической республики" (до нея теперь и октябристы докатились!), но зато какимъ священнымъ негодованіемъ пылаетъ она, напримѣръ, противъ дѣятельности Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ! Почитайте любимую обывательскую газету, невѣроятно либеральную „Русскую Волю", если хотите составить представленіе о настроеніяхъ этой части непоспѣвающихъ. И развѣ одни либеральные обыватели скорбятъ теперь о „двоевластіи", о „розни" между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ Депутатовъ? Сколько этихъ скорбящихъ и негодующихъ и справа, и слѣва! Какъ энергично вопрошаютъ они, помахивая колпачиками: кто далъ право, кто далъ власть Совѣту, кѣмъ онъ уполномоченъ, кѣмъ онъ призванъ?.. Какъ страстно хотѣли бы они имѣть силу остановить теперь дальнѣйшій ходъ революціи, прокричать свое „стой, постой!" исторіи!.. И если вы на ихъ вопросы: „Кто при-

звалъ? Кто уполномочилъ?", съ удивленіемъ къ наивности вопроса отвѣтите: „Революція!"—то они, вѣроятно, тѣмъ ожесточеннѣе вознегодуютъ и замахаютъ колпачиками...

II.

Я не собираюсь подробно обсуждать здѣсь праздный, казалось бы, вопросъ: кто произвелъ революцію? Исторія рѣшитъ его безъ насъ и лучше насъ; отвѣтъ для меня къ тому же слишкомъ ясенъ. Но праздный вопросъ ведетъ къ глубоко важнымъ выводамъ и о настоящей власти, и о будущемъ революціи, и потому на немъ нельзя хоть слегка не остановиться. Къ тому же двѣ стороны рѣшаютъ его односторонне и предвзято. Революцію устроили рабочіе и солдаты, говорятъ одни. Революцію устроила Государственная Дума,—отвѣчаютъ другіе.

Не считайте послѣдняго мнѣнія слишкомъ несерьезнымъ, юмористическимъ: его высказалъ господинъ министръ иностранныхъ дѣлъ Временнаго Правительства въ своей циркулярной радіотелеграммѣ „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ" отъ 3 марта. Тамъ сообщается, что тотчасъ же послѣ начала „волненій, принявшихъ тревожные размѣры", комитетъ Государственной Думы „немедленно выработалъ мѣры для возстановленія порядка", „остановилъ уличные эксцессы и возстановилъ порядокъ"... Къ сожалѣнію, однако, „серьезное осложненіе создалось подъемомъ общественнаго настроенія и энергичной дѣятельностью лѣвыхъ политическихъ организацій"... (Такъ преломляется революція въ пониманіи безнадежно непоспѣвающаго за событіями либерала!). Комитету, однако, „удалось вступить въ сношенія съ наиболѣе вліятельной изъ нихъ—Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ"...

Вы видите: организовалъ революцію Комитетъ Государственной Думы, и если бы только не непріятный „подъемъ общественнаго настроенія" да непріятно энергичныя лѣвыя партіи,—все было бы хорошо. Однако, и съ Совѣтомъ удалось войти въ соглашеніе...—вотъ, кстати, и отвѣтъ на то, *кто* призналъ власть Совѣта...

Такъ пишется исторія непоспѣвающими людьми; басня Крылова о желудяхъ и дубѣ невольно приходитъ на память. И все-таки непоспѣвающіе люди въ одномъ фактѣ правы: фактъ этотъ—организующее и организаторское значеніе Государственной Думы въ первые дни революціи. За эту вольную или невольную заслугу Временное Правительство, вышедшее изъ лона Государственной Думы, и взяло въ свои руки *исполнительную власть.*

А что же взяли въ свои руки тѣ, которые подлинно произвели великую мартовскую революцію? Конечно, это не только „солдаты и рабочіе",—армія революціи неизмѣримо больше: въ нее входитъ весь народъ, вся демократія, вся интеллигенція народная и общественная, столѣтіе боровшаяся за то, что свершилось въ этотъ одинъ мѣсяцъ;

эта великая революція—подлинно народная. Въ результатѣ ея либеральные круги общества изъ Государственной Думы получили въ свои руки исполнительную власть Временнаго Правительства, контроль же надъ этой властью взялъ на себя демократическій и соціалистическій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, съ которымъ Временному Правительству, по его же словамъ, удалось войти въ соглашеніе. Мы привѣтствуемъ это соглашеніе, и тѣмъ болѣе удивляемся тому чрезвычайному недовольству и раздраженію, съ которымъ либеральные обыватели выкрикиваютъ свое „стой, постой": „Кто призналъ? Кто уполномочилъ?" Какъ кто?! Признала—власть исполнительная, уполномочила—революція...

Въ дѣятельности Совѣта Депутатовъ (такъ же, какъ и Временнаго Правительства) могло быть и было много ошибокъ. Пусть такъ. Но развѣ въ этомъ главное дѣло? Дѣло не во Временномъ Правительствѣ и не въ Совѣтѣ Депутатовъ, а въ тѣхъ идеяхъ, которыя они воплощаютъ, въ тѣхъ общественныхъ классахъ, которые они представляютъ. Марксистъ скажетъ, что это классы и идеи, съ одной стороны, либеральной буржуазіи, съ другой—соціалистической демократіи. Мы сказали бы шире—что это идеи революціи политической и революціи соціальной. И въ этой формѣ вопросъ перерастаетъ рамки всякаго Временнаго Правительства, всякаго Совѣта Депутатовъ. Вопросъ идетъ о будущихъ судьбахъ революціи въ Россіи, вопросъ идетъ о будущемъ самой Россіи.

III.

Передъ нами—рядъ лицъ, группъ, партій, которыя хотѣли бы поскорѣе поставить точку за свершившейся революціей. „Sta, viator"! Или, по Фаусту: „Мгновенье—остановись! Прекрасно ты! Постой!" и, ради всѣхъ боговъ, будь ты проклято—ни съ мѣста! Довольно! Хватитъ съ насъ и одной политической революціи! Все это—Вольги хитроумные, которымъ „повладѣлося да много мудростей" (ихъ много и на съѣздѣ к.-д., и лѣвѣе, и правѣе); личные и групповые интересы ихъ стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ возможной и неизбѣжной соціальной революціей. Это они теперь во всѣхъ газетахъ призываютъ къ демократической республикѣ и политическимъ свободамъ, но весьма непріязненно относятся къ возможности дальнѣйшаго движенія революціи. Это они безъ лести преданы Временному Правительству и безъ снисхожденія враждебны Совѣту Депутатовъ. Это они теперь безъ устали колпачиками помахиваютъ, это имъ теперь „отставается и поспѣть не въ мочь", это они теперь до надсады кричатъ Микулѣ-народу: „Стой-ка, постой, ты, оратаюшко!..".

Но, къ счастью, голосъ ихъ пока безсиленъ, ибо пока—движеніе исторіи еще на сторонѣ тѣхъ группъ, лицъ и партій, которые считаютъ великую мартовскую революцію великой только потому, что

за *политическимъ* прологомъ въ ней будетъ, быть можетъ, не только русскій, но и міровой *соціальный* эпилогъ. Въ этомъ—наша вѣра и наша надежда. И въ связи съ ней Совѣтъ Депутатовъ—слишкомъ частный фактъ, чтобы на немъ могли мы основывать наши надежды, чтобы съ нимъ могли мы связывать наши разочарованія. Ибо надежды наши—въ самомъ народѣ, въ удивительномъ началѣ революціи, въ ея стихійномъ продолженіи, въ ея бурномъ движеніи впередъ и впередъ. И вѣрится, что движенія этого непоспѣвающимъ не остановить. Пусть Вольгѣ „отстается и поспѣть не въ мочь", пусть остаются позади цѣлыя группы и партіи, стоящія за одну *политическую революцію*,—Микулѣ незачѣмъ и не для чего останавливаться: путь его лежитъ къ *революціи соціальной*...

А и станутъ тогда меня покликивати:
„А и здравствуй же, Микула Селяниновичъ!".

28 марта.

АКТЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Исторія сильнѣе личной воли: „благоразумные" и умѣреннѣйшіе ка-деты и октябристы оказались вынужденными сегодняшнимъ „Актомъ о войнѣ" примкнуть чуть-ли не къ утопистамъ „интернаціонализма"! Подумать только—граждане-министры Милюковъ и Гучковъ стоятъ за полную свободу Польши, отказываются отъ „войны до побѣднаго конца", готовы возглашать urbi et orbi былыя „бредни": миръ безъ аннексій и контрибуцій!

Временное Правительство торжественно заявляетъ, что „цѣль свободной Россіи—не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ"...

Слова до послѣдней степени „циммервальдскія"... Но долженъ сказать правду: я препочелъ бы видѣть въ „Актѣ" немного больше конкретности, хотя бы и цѣною уменьшенія торжественности. Кстати, о торжественности вообще и о разныхъ „Актахъ" въ частности: была у насъ революція, или не была? Посмотришь на красный флагъ надъ Зимнимъ дворцомъ — была! Развернешь „Вѣстникъ Временнаго Правительства"—никогда ея не было! Все до тошноты прежнее: манифесты указы, приказы, чины, ордена, дѣлопроизводство, табель о рангахъ... „Признали мы за благо". Неужели-же это подлинная революція, которая не стряхнула даже гнилыхъ путъ канцелярскаго міра, а лишь красные флаги на улицахъ вывѣсила? Да, много дренажа требуютъ еще наши quasi-революціонные черноземы.

Но возвращаюсь къ торжественному „Акту": повторяю, поменьше бы торжественности, побольше бы опредѣленности. Россія

не собирается „насильственно захватывать чужія территоріи"—прекрасно! Но очень хотѣлось-бы мнѣ, чтобы гражданинъ министръ иностранныхъ дѣлъ подѣлился бы своими мыслями о дѣлахъ и планахъ дарданельскихъ. Россія противъ отнятія у народовъ „національнаго ихъ достоянія"—очень хорошо! Но что есть „національное достояніе"? Вотъ, напримѣръ, Эльзасъ и Лотарингія: Германія увѣряетъ, что это ея національное достояніе, Франція заявляетъ, что ея. Что-же? Будемъ воевать до полученія Франціей Эльзаса? Въ „Актѣ" туманно говорится о „полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ". Пожалуй что это даже и не туманно, а слишкомъ откровенно и неприкрыто сказано..

И наивные люди, если они есть среди Правительства, полагаютъ, что это—революція, что съ этимъ убогимъ среднимъ путемъ она примирится!

Да, поистинѣ—не побѣду революціи намъ надо торжествовать, а начинать упорную идейную борьбу и съ волками въ овечьихъ шкурахъ и съ подчиняющимися ихъ вліянію мѣщанами соціализма Во Временномъ Правительствѣ есть и тѣ, и другіе.

18 апрѣля (1 мая).

О ЕДИНЕНІИ ВСѢХЪ

„О мирѣ всего міра и единеніи всѣхъ",—никогда эти слова церковной молитвы не казались такими противорѣчивыми, такими внутренне ложными, какъ три года тому назадъ, при началѣ міровой бойни. Началась война всего міра, и—вспомните!—началось сразу же дикое, нелѣпое, невѣроятное „единеніе всѣхъ"—внутри случайныхъ государственныхъ границъ, крѣпкій союзъ всѣхъ „враговъ внутреннихъ" противъ „враговъ внѣшнихъ". Единеніе всѣхъ—и война всего міра: вотъ кошмарныя впечатлѣнія первыхъ дней, первыхъ мѣсяцевъ войны...

...„Единеніе всѣхъ" совпало не съ „миромъ всего міра", а съ братоубійственной міровой войной. И случилось это потому, что „единеніе всѣхъ" пошло по линіи „государственности", по линіи „національзма", потому, что міровыя государства-купцы въ союзѣ съ мѣщанами всѣхъ странъ заполонили, закружили, задурманили подлинную демократію всѣхъ народовъ. „Единеніе всѣхъ" въ заколдованномъ кругу національзма придало міровой войнѣ внутреннюю духовную устойчивость; такъ ясны казались цѣли—всюду „освободительныя"!—такъ твердо спаяны казались внутреннія государственныя ячейки и группы.

Правда, съ самаго начала міровой войны намѣтилась и узкая щель внутренняго расхожденія. Ее безпощадно замазывали, замазывали цензурнымъ терроромъ, тюрьмами и ссылками; но съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждой недѣлей войны щель росла и ширилась.

превращалась въ трещину. Цензура зажимала всѣмъ намъ ротъ, но идея подлиннаго „единенія всѣхъ"—не гибельнаго для дѣла демократіи единенія первыхъ дней и недѣль войны, не единенія всепартійнаго, государственнаго и національнаго, а подлиннаго единенія всей демократіи, единенія международнаго, интернаціональнаго—эта идея шла отъ побѣды къ побѣдѣ. Щель превращалась въ трещину, трещина превращалась въ провалъ...

И наконецъ—насталъ мартъ 1917 г., пришла русская революція. Она смела, какъ карточный домикъ, былое „единеніе всѣхъ" въ узкомъ кругу національизма. Либеральныя Кассандры горько оплакиваютъ это горестное для нихъ событіе,—пусть; я не изъ ихъ числа! Съ ужасомъ видятъ онѣ, что демократія начинаетъ пробуждаться отъ націоналистскаго дурмана, отъ имперіалистскаго наркоза, что еще немного, вотъ-вотъ — и прощай мечта о Дарданеллахъ, о Сиріи, о Бельгіи, объ Аравіи, о Балканахъ!.. Ибо если міровая демократія подлинно проснется до конца, то рухнутъ всѣ эти грубо-захватныя программы, всѣ эти цѣли, твердо и обдуманно поставленныя міровыми купцами-государствами, поставленныя въ твердомъ умѣ и здравой памяти.

И вѣрю я, что раньше или позже—это случится, что русская революція не остановится, что не останется она безъ отклика въ мірѣ. Первомайскій рабочій праздникъ да будетъ новымъ тому напоминаніемъ. Вѣрю, что обновленіе міра неизбѣжно, что побѣда демократіи во всѣхъ странахъ близка, что самый соціализмъ придвинулся къ намъ изъ туманной неясной дали на осязаемое разстояніе. И пусть еще долгъ и труденъ путь, пусть далекъ еще тотъ мигъ, „когда народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся", когда „единеніе всѣхъ" станетъ не государственной регаліей, а фактомъ рожденія новаго и подлиннаго Интернаціонала, пусть еще не приспѣли времена и сроки,—но они уже „при дверяхъ". Двери эти широко распахнула передъ исторіей русская революція.

20 апрѣля.

НА КРИВОЙ ОБЪѢЗЖАЮТЪ.

Случилось то, что должно было случиться: министръ иностранныхъ дѣлъ П. Милюковъ проявилъ истинную свою сущность. Въ актѣ 27 марта она была запрятана подъ увертливыми словами; въ нотѣ союзнымъ державамъ 18 апрѣля она выявляется во всей своей неприкрытой откровенности, хотя и снова хитро слаженной. Въ ней все прежнее, дореволюціонное, традиціонное, „либерально-имперіалистическое". Хитроумный Вольга, которому „повладѣлося да много мудростей" хочетъ въ ней объѣхать на кривой простодушный народъ-Микулу...

Только, полно, удастся-ли? Микула простодушенъ, но не простъ; его на кривой не объѣдешь. И пожалуй что хитро задуманный способъ соединить „самоопредѣленіе народовъ“ со скрытыми „аннексіями и контрибуціями“ кончится тѣмъ же, чѣмъ и въ былинныя времена...

А живутъ мужички тамъ все мошеннички—
Просятъ они грошевъ подорожныихъ...

Слова разныя, сущность одинаковая. „Мужички мошеннички“: мы теперь говоримъ—„міровые имперіалисты“; „гроши подорожные“: мы теперь говоримъ—„контрибуція“.

Нота П. Милюкова твердо стоитъ на точкѣ зрѣнія „грошевъ подорожныихъ“. Всего мѣсяцъ тому назадъ революціонная демократія въ своемъ „обращеніи къ народамъ всего міра“ твердо и безповоротно разорвала съ міровыми, союзными и несоюзными, „мужичками мошенничками“; всего мѣсяцъ тому назадъ Временное Правительство волей-неволей слабо поддакнуло голосу революціонной демократіи въ „актѣ“ 27 марта. И вотъ теперь—торжественная нота министра иностранныхъ дѣлъ къ союзнымъ „мужичкамъ-мошенничкамъ“, объясненіе имъ въ любви, вѣрности и союзѣ для полученія „грошевъ подорожныихъ“!

Хитроумный Вольга смѣло говоритъ за Микулу—и что говоритъ! „...Всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительной побѣды“... Вотъ какъ! Снова воскресаетъ міровая „мошенническая“ формула „войны до побѣднаго конца“! И выдается это за „всенародное стремленіе“! Какъ бы Микула не показалъ этимъ Вольгамъ хитроумнымъ, имѣютъ ли они право такъ искажать истину отъ его имени!

„...Само собой разумѣется, Временное Правительство будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ“... Радуйтесь, союзные „мужички мошеннички“! Революціонная русская демократія будетъ еще лить свою и чужую кровь не только за возстановленіе Бельгіи и Сербіи, но и за захватъ Англіей—африканскихъ колоній, Палестины и Багдада, Франціей—лѣваго берега Рейна, Италіей—Далмаціи и Албаніи: ибо всѣ знаютъ, что таковы „союзныя обязательства“.

„...Продолжая питать полную увѣренность въ побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками, Временное Правительство совершенно увѣрено и въ томъ, что поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительнаго міра и что проникнутыя одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій, которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ“...

Тонко, очень тонко сказано! До того тонко, что даже и рвется. Ибо развѣ только глухой не разслышитъ за „гарантіями и санк-

ціями“ все тѣхъ же „аннексій и контрибуцій“, все тѣхъ же „грошевъ подорожныихъ“...

И это говоритъ министръ *революціоннаго* Временнаго Правительства! и это контръ-ассигнуетъ своимъ согласіемъ министръ-*соціалистъ*, делегированный во Временное Правительство революціонной демократіей!

Ошибаетесь, господа: на этой кривой Микулу не объѣдете! И „всенародное стремленіе“ скоро покажетъ Вольгѣ хитроумному, гдѣ народъ и съ кѣмъ народъ. И для либеральныхъ имперіалистовъ, и для соціалистовъ-мѣщанъ у него можетъ найтись на готовѣ старый былинный отвѣтъ Микулы Вольгѣ:

А живутъ мужички тамъ все мошеннички—
Просятъ они грошевъ подорожныихъ;
А при мнѣ была шалыга подорожная,
А у насъ съ шалыгой съ подорожноей—
Кой стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,
Кой сидя сидѣлъ, тотъ и лежа лежитъ,
А кто лежа лежалъ, той и встать не въ мочь...

26 апрѣля. **ЛИБО—ЛИБО.**

Рушится старое Временное Правительство (Микулу на кривой не объѣхало!), рушится—и издаетъ предсмертный самовосхвалительный манифестъ. И то-то мы сдѣлали, и то-то мы собирались сдѣлать, и не обижали мы никого, и все старались устроить по хорошему, тихо мирно и аккуратно.

И все это—правда. Одна бѣда: манифестъ упорно умалчиваетъ о томъ, чего *не сдѣлало* Временное Правительство. Не сдѣлало же оно пустяка: соціальной революціи.

Правда, соціальную революцію не „дѣлаютъ“—она сама приходитъ; и она еще придетъ, ибо нѣтъ силы, которая могла бы задержать революцію, пока не свершитъ она свой кругъ. Но этой соціальной революціи можно либо способствовать, либо противодѣйствовать,—а надо ли говорить, что умирающее нынѣ Временное Правительство упорно клало камни и бревна на ея пути? И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго—достаточно вспомнить, изъ кого оно состояло.

И вотъ—сметается оно теперь новой волной революціи. На смѣну ему придетъ, теперь это уже ясно, новое правительство—„коалиціонное“, либерально-соціалистическое. Достаточно однако произнести два послѣднихъ слова, чтобы понять всю трудность, если не всю безнадежность, этой новой попытки—попытки впрячь въ одну телѣгу коня и трепетную лань.

Ибо одно изъ двухъ. Либо „конь“ дѣйствительно окажется „конемъ“—соціализмъ, вошедшій въ новое Правительство, окажется подлиннымъ революціоннымъ соціализмомъ. Но тогда—какъ же пойдетъ онъ въ одной упряжкѣ съ либеральной „ланью“? Либо окажется онъ соціализмомъ мѣщанскимъ—но тогда какъ устоять ему, вмѣстѣ съ „ланью“, противъ неизбѣжной новой волны революціоннаго подъема? И въ томъ и въ другомъ случаѣ—революція еще впереди.

Если судить по именамъ большинства соціалистическихъ кандидатовъ на министерскіе портфели—мы стоимъ передъ второй возможностью. А это значитъ, что передъ нами открываются трясины мѣщанскаго соціалистическаго болота, водою котораго всячески будутъ стараться залить пламя подлинной революціи. И тогда—опять таки одно изъ двухъ: либо болотная вода мѣщанскаго соціализма потушитъ огонь, всяческое „оборончество“ погаситъ (хотя бы на время) пламень революціи, либо пламя это вырвется изъ подъ болота, испепелитъ его, зажжетъ міровой пожаръ подлинно революціоннаго соціализма. И въ томъ и въ другомъ случаѣ попытка нынѣшняго выхода изъ кризиса обречена на неудачу, ибо обречено всегда на неудачу и на гибель всякое соглашательство, всякое примиренчество, всякій средній путь.

Такъ или иначе—передъ нами тяжелый крестный путь великой русской революціи. Твердо вѣримъ въ конечную побѣду подлиннаго революціоннаго соціализма, черезъ какія бы болота ни лежалъ его путь. И твердо знаемъ первыя вѣхи этого труднаго пути: борьбу за немедленное прекращеніе проклятой міровой бойни, борьбу за международное братство обманутыхъ народовъ. Ибо теперь яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было: либо революція покончитъ съ войной, либо война покончитъ съ революціей. Средняго пути нѣтъ—и да не будетъ!

? мая

ОТКРОВЕННОСТЬ

Декларація Временнаго Правительства (26 апрѣля) была всѣми понята совершенно тождественно—да ее и понять иначе было нельзя: Временное Правительство обращалось „влѣво“ съ предложеніемъ „о вхожденіи“. Партійныя организаціи имѣли по этому поводу сужденіе, Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ вынесъ по этому поводу опредѣленную резолюцію. Таковы факты, но—тѣмъ хуже для фактовъ! Ибо „Рѣчь“, наконецъ-то, разверзя по сему поводу уста свои, категорически заявляетъ:

„Было бы совершенно произвольнымъ толкованіемъ видѣть центръ тяжести этого акта въ обращеніи къ партіямъ, не участвующимъ въ Правительствѣ. Мы думаемъ, что такое толкованіе спо-

собно только затемнить сущность кризиса и повести къ безплоднымъ экспериментамъ, возвращающимъ страну все въ тотъ же тупикъ, и совершенно безнадежнымъ въ смыслѣ исцѣленія основной болѣзни".

Въ ожиданіи завтрашняго дня—такъ и запишемъ: вхожденіе группъ „лѣвѣе кадетовъ" во Временное Правительство есть лишь „безплодный экспериментъ", возвратъ страны „въ тотъ же" (какой?) тупикъ, экспериментъ „совершенно безнадежный". Таково авторитетное мнѣніе кадетскаго офиціоза. За откровенность должно быть благодарнымъ и идейному противнику... тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ и мы съ нимъ согласны.

НЕПРИСТОЙНОСТЬ.

„Идейные противники" эти бываютъ. однако не только „откровенны" (это—рѣдкій случай); иногда они бываютъ и непристойны.

Рѣзкое слово, но какимъ же инымъ назвать поведеніе того же кадетскаго офиціоза. который, указывая, что-де „Правда" сѣетъ смуту, что-де „Земля и Воля" тоже близка къ этому грѣху. что, наконецъ, какіе-то Пилаты „умываютъ руки".—заканчиваетъ эти выпады слѣдующимъ совершенно невѣроятнымъ пассажемъ:

„Чего же ждать? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, намъ не обойтись безъ диктатора?.. Вѣдь эти крикуны нынѣшніе, эти непримиримые—они первые скроются въ щеляхъ, они будутъ лизать сапогъ „сильной власти". Всѣ, кто сами не разнузданные рабы, должны проникнуться, наконецъ, чувствомъ отвѣтственности, должны рѣшительно возвысить свой голосъ, должны напрячь все свое моральное воздѣйствіе".

Эту непристойность нельзя оставить безъ самаго рѣзкаго отвѣта. Ибо мы хорошо знаемъ. *кто будетъ* „лизать сапогъ" диктатора, кто будетъ лизать сапогъ сильной власти: вѣдь мы знаемъ, *кто лизалъ* уже эти сапоги. Когда въ іюлѣ 1914 года былъ назначенъ „диктаторомъ"—главнокомандующимъ петербургскимъ округомъ—бывшій великій князь Николай Николаевичъ, и когда онъ немедленно же закрылъ газету „Рѣчь"—мы помнимъ, кто тогда „лизалъ сапогъ сильной власти", мы помнимъ, какъ позорно кадетскій офиціозъ немедленно же принесъ вторую присягу, напечаталъ „патріотическую статью", безъ которой высочайшій самодуръ не разрѣшалъ газеты. И какъ разъ въ это время—закрывались соціалистическія газеты и журналы. А „Рѣчь"... приносила присягу.

И одинъ-ли былъ это случай! А статьи „Рѣчи" послѣ убійства Столыпина, когда газета тряслась за свое существованіе и лизала сапоги сильныхъ міра сего,—позорныя статьи, которыя даже „идейнымъ врагамъ" кадетскаго офиціоза нельзя было читать безъ краски стыда за униженіе человѣческое!

Вотъ кто тогда „лизалъ сапогъ“ сильной власти, вотъ кто будетъ лизать его и впредь. А „крикуны“, а „непримиримые?“ Въ какихъ „щеляхъ“ они сидѣли? Щели эти—Сибирь, каторга, ссылка; щели эти—вынужденная эмиграція; щели эти—партійное „подполье“, изъ котораго вѣрный путь велъ въ тюрьму. Вотъ тѣ „щели“, въ которыхъ истязали тогда нынѣшнихъ „непримиримыхъ“... Или это забылъ кадетскій офиціозъ?

Онъ говоритъ теперь о „моральномъ воздѣйствіи“ (напримѣръ своемъ!) на „разнузданныхъ рабовъ“... Но, поистинѣ—кто, кромѣ разнузданнаго раба, могъ бы позволить себѣ такую непристойность, какую позволилъ себѣ здѣсь кадетскій офиціозъ?

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ.

На помощь офиціозу нынѣшняго Временнаго Правительства спѣшитъ испытанный офиціозъ Правительства стараго—„Новое Время“. Съ очаровательною наивностью оно становится на защиту горячо имъ любимаго „русскаго либерализма“.

„Русскій либерализмъ никогда не былъ классовой, буржуазной теоріей. Русскій либерализмъ всегда отстаивалъ интересы и свободу всего народа, всегда былъ воодушевленъ горячей любовью ко всему народу и искреннею готовностью принести какія угодно жертвы для счастья и блага всего народа. Русскій либерализмъ всегда боролся за соціальныя реформы и всѣ силы русской интеллигенціи,—наиболѣе высокой во всемъ мірѣ,—были положены на достиженіе этимъ реформъ“.

Вотъ онъ какой былъ замѣчательный, русскій либерализмъ. Былъ—и есть? Нѣтъ, теперь, оказывается, происходятъ „похороны русскаго либерализма“, и злодѣи-могильщики его—„русскіе соціалисты“—какая-то quantité negligeable среди русской интеллигенціи: „да, соціалистовъ въ русской интеллигенціи—мало, даже чрезвычайно мало!“ И вдругъ эта „чрезвычайно малая“ группа низвергаетъ чрезвычайно громадную группу россійскихъ либераловъ! Невѣроятно и обидно!

„Русская либеральная интеллигенція при первой вѣсти о революціи готова была считать, что это она—побѣдитель, что это ей принадлежитъ заслуга освобожденія народа отъ политическаго и экономическаго рабства. Она готовилась приносить еще жертвы—добровольно и съ искренней радостью, она чувствовала себя гордой, она думала, что заслуги ея будутъ признаны народомъ. А народъ или, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые думаютъ, что они народъ представляютъ, не нашли для русскаго либерализма другихъ словъ, кромѣ:—Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ уйти... Это русская-то интеллигенція—Мавръ! Это ее, русскую интеллигенцію, просятъ честью уйти!“.

Это прелестно—въ своей непосредственности! Вотъ ужъ подлинно: что у „Рѣчи“ на умѣ, то у „Новаго Времени“ на языкѣ.—трогательное содружество стараго лакея съ новымъ герольдомъ! Вотъ только въ чемъ бѣда: „русская интеллигенція“—громадное явленіе, а „русскій либерализмъ“—крошечный его уголокъ; ставить знакъ равенства между громаднымъ цѣлымъ и маленькой его частью можно только отъ чрезмѣрно большой... непосредственности.

6 мая.

НОВАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ.

Новое Временное Правительство—и новая, еще одна „декларація“.

Что же говорить? Поживемъ—увидимъ, кто окажется „ланью“, кто окажется „конемъ“ въ телѣгѣ русской революціи.

Обѣщаніе „предпринять подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ деклараціи Временнаго Правительства 27 марта“. Подготовительные шаги—очень хорошо; но не лучше ли было бы сдѣлать одинъ рѣшительный шагъ? „Соглашеніе съ союзниками“—еще лучше; только вотъ вопросъ—гдѣ и кто „союзники“ русской революціи? Англія, Франція, Италія? Или революціонное меньшинство всѣхъ странъ міра?

„Укрѣпленіе боевой силы арміи какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ дѣйствіяхъ“—превосходно; только вотъ—противъ кого будутъ вестись „наступательныя“ дѣйствія этой арміи? Противъ міровыхъ „мужичковъ мошенничковъ“, имперіалистовъ всѣхъ странъ, или только противъ однихъ германскихъ, во славу французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ?

А земельный вопросъ, а рабочій вопросъ въ свѣтѣ соціальной революціи? Они откладываются до Учредительнаго Собранія. А пока—необходимыя улучшенія и реформы.

Этимъ все и сказано. Новое Правительство—правительство не революціонное, а реформистское. Вотъ почему такъ странно звучитъ заключеніе деклараціи съ требованіемъ „полнаго и безусловнаго къ Правительству довѣрія всего революціоннаго народа“. Требованіе невыполнимое, ибо такое довѣріе послѣ такой деклараціи въ кредитъ не дается. И подлинные революціонеры въ средѣ Правительства должны сдѣлать все, чтобы имѣть право на довѣріе и поддержку революціонной демократіи. Они поставили на карту не только свое имя, но и дѣло революціоннаго соціализма.

ОБЫВАТЕЛИ.

„День“ съ горечью констатируетъ, что „такъ называемые интернаціоналисты добились успѣха“: въ демократической и соціалистической Россіи торжествуютъ „интернаціональныя идеи“, идеи „со-

вершенно ничтожнаго меньшинства соціалистовъ" (по тоже горькому заявленію гражданина Милюкова). И что же?—вопрошаетъ газета „День":—„Что же, приблизился желанный конецъ войны? Нѣтъ, война, напротивъ, затягивается, и именно теперь ей конца не видать. Мы теперь дальше отъ этого конца, чѣмъ были два мѣсяца назадъ".

Да неужели? Надо отослать обиженную „интернаціоналистами" газету къ послѣднимъ рѣчамъ Снаудена, Сесиля, Шейдемана,— пусть хоть изъ нихъ почерпнетъ она свѣдѣнія и факты, ясно показывающіе, что если миръ и приблизился, то только благодаря русской революціи и столь ужасающимъ газету „интернаціональнымъ идеямъ", а если миръ и отдалится, то лишь вслѣдствіе того, что лѣнивыми рабами революціи всячески тормозились „интернаціоналистическія идеи".

Но, испуганная ими, газета эта уже теряетъ почву подъ ногами, каждый день кричитъ о „гибели", объ „анархіи", пугаетъ и пугается, требуетъ сильной власти:—„Намъ нужна революціонная власть, а не власть либеральной снисходительности и толстовскаго непротивленства злу. Власть—это сила, и пусть тѣ, кто взялъ на себя власть, найдутъ въ себѣ и силу. Нужно призвать къ порядку разболтавшуюся и распустившуюся Россію".

Говорите за себя, испуганные граждане-обыватели, а не за Россію! А то выходитъ какъ-то неудобно: маленькіе фельетонисты изъ „Дня" и иныхъ подобныхъ газетъ „призываютъ къ порядку" Россію. Это было бы смѣшно, если бы не было неприлично.

О ГРАЖДАНСТВЕННОМЪ ЦВѢТЕНІИ.

„Россіи нужна сильная власть"—такъ озаглавливаютъ „Русскія Вѣдомости" очередную статью тоже съ призывомъ къ „власти". Авторъ этого призыва настроенъ очень прекраснодушно; онъ безъ лести преданъ, онъ беззавѣтно восхищенъ:

„Я безъ всякихъ оговорокъ вѣрю нашему Правительству и не понимаю, какъ можно иначе вѣрить; я знаю, что во Временное Правительство наше вошелъ цвѣтъ нашей гражданственности, и вѣрю, что Временное Правительство подвижнически стремится довести русскій народъ до Учредительнаго Собранія".

И, однако,—вотъ подите же!—русская соціалистическая демократія „не оказала довѣрія" подвижническому и цвѣтущему гражданственностью Временному Правительству и не только не „вѣрила безъ всякихъ оговорокъ", а выразила ему явное недовѣріе послѣ инцидента съ нотой 18 апрѣля. Дѣло тутъ—не въ „подвижничествѣ" и не въ гражданственномъ цвѣтеніи, а въ соотвѣтствіи направленія правительства съ направленіемъ движущихъ революціонныхъ силъ страны.

ВОЛКИ.

Бывшій марксистъ, соціалъ-демократъ и приватъ-доцентъ М. Бернацкій возмущается въ „Русскомъ Словѣ": „Больно и стыдно слышать и читать „грозные" выпады противъ англійскаго и американскаго имперіализма, обходящіе деликатно вопросъ о гнуснѣйшемъ изъ имперіализмовъ—германскомъ..."

Гдѣ, кто и когда въ русской печати „обходилъ деликатно" этотъ вопросъ—не знаю, какъ не знаетъ, вѣроятно, и самъ авторъ цитированныхъ строкъ. Что же касается того, какой изъ міровыхъ имперіализмовъ—„гнуснѣйшій", то тутъ, пожалуй, нѣтъ особыхъ основаній выгораживать какой-либо изъ этихъ „имперіализмовъ": чѣмъ англійскій лучше германскаго или всякаго другого?

Волкъ—вездѣ волкъ,—можно сказать слегка измѣненными словами Гл. Успенскаго объ европейской буржуазіи,—и нѣтъ того, чтобы англійскій волкъ леталъ, а германскій—пѣлъ. Оба они—волки и вся ихъ повадка—одинаково волчья...

7 мая.

„РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ"

На вечерѣ памяти Герцена выступалъ П.Н. Милюковъ съ рѣчью настолько замѣчательной, что многія мѣста ея нельзя обойти молчаніемъ Вотъ, напримѣръ:

„Думали-ли мы,—воскликнулъ Милюковъ,—что республиканскаго Герцена будемъ чествовать мы, революціонеры и республиканцы? Не казалось-ли намъ еще недавно, что идеи Герцена—красивая, но неосуществимая мечта? Мы должны въ этомъ всѣ покаяться,—мы всѣ такъ мыслили".

Здѣсь, что ни слово, то перлъ. „Мы, революціонеры"...—это тотъ самый П. Н. Милюковъ, который еще 10 февраля просилъ и умолялъ: ради Бога, только безъ революціи! „Мы, республиканцы"...—это тотъ самый П. Н. Милюковъ, который уже 2 марта предлагалъ народу царя Алексѣя съ регентомъ Михаиломъ. „Мы должны всѣ покаяться"...—въ томъ, что считали Герцена нелѣпымъ утопистомъ нѣтъ, здѣсь ужъ parlez pour vous, гражданинъ Милюковъ!

ЗДРАВЫЯ МЫСЛИ.

В. Водовозовъ высказываетъ въ „Днѣ" нѣсколько здравыхъ мыслей о войнѣ, о мирѣ, о тайныхъ договорахъ. Онъ требуетъ:

„Опубликованія секретныхъ договоровъ съ нашими союзниками. Мира безъ контрибуцій и аннексій на основѣ самоопредѣленія народностей. Въ дальнѣйшемъ вся иностранная политика—подъ строжай-

шимъ контролемъ народнаго представительства безъ какихъ бы то ни было секретныхъ договоровъ. Черезъ международный парламентскій совѣтъ и международные третейскіе суды—къ федераціи европейскихъ государствъ".

Все это—тѣ самые пункты, на которыхъ настаиваетъ интернаціональный соціализмъ; тѣмъ болѣе странно видѣть ихъ въ той газетѣ, которая еще вчера плакалась горько о засиліи интернаціонализма.

Заканчивая свою статью В. Водовозовъ справедливо указываетъ, что война „захватная" продолжается и по сіе время.

„Ясно, — цитируетъ онъ слова Г. В. Плеханова, — что Россія не можетъ воевать ради чьихъ-либо захватныхъ стремленій". И отвѣчаетъ: „Увы, она не только можетъ, но она это все время дѣлала при Николаѣ II и дѣлаетъ и въ настоящее время. Захватныя цѣли Италіи на лицо, и мы занихъ воюемъ".

Если умѣреннѣйшій „соціалистъ-трудовикъ" уже пришелъ къ этимъ, вполнѣ справедливымъ, мыслямъ, то сильна же, видно, интернаціоналистическая зараза!

9 мая.

КОЛУМБОВО ЯЙЦО.

Какъ сдѣлать, чтобы, принявъ формулу „миръ безъ аннексій и контрибуцій", обратить ее въ „миръ съ аннексіями и контрибуціями"? Способъ простой и часто практикующійся; лишній разъ обучаетъ ему Г. Плехановъ на столбцахъ уединеннаго „Единства". Временное Правительство,—заявляетъ онъ,—должно было прямо и громко сказать, что формула: „миръ безъ аннексій и контрибуцій" вовсе не исключаетъ уплаты Германіей военнаго вознагражденія въ пользу ограбленныхъ ею мѣстностей. И очень жаль, что оно не сказало этого въ своей деклараціи"...

Видите, какъ просто! Миръ безъ контрибуцій и, всетаки, съ контрибуціей: поистинѣ Колумбово яйцо! Но вотъ въ чемъ бѣда: какъ быть, если Германія, согласившись на „миръ безъ контрибуцій", потребуетъ съ насъ, по рецепту Г. Плеханова, „военнаго вознагражденія" въ пользу разоренныхъ нами мѣстностей: Восточной Пруссіи и Галиціи? Пять милліардовъ уплатитъ Германія за раззореніе Польши и Литвы, пять милліардовъ уплатитъ Россія за разореніе Галиціи и Пруссіи. Въ итогѣ—не получимъ ли мы всетаки „миръ безъ контрибуцій"? Мудрый Эдипъ, посчитай на пальцахъ...

МУДРЫЙ ЭДИПЪ.

Другой мудрый Эдипъ—Андрей, епископъ уфимскій—выступаетъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" для борьбы съ другимъ лозунгомъ,

столь же ненавистнымъ ему, сколь Г. Плеханову ненавистенъ „миръ безъ аннексій и контрибуцій". Онъ восклицаетъ:

„О, если бы эти всѣ ужасные лозунги злобы были отвергнуты или, по крайней мѣрѣ, оцѣнены по достоинству! „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое". Въ борьбѣ? Въ какой борьбѣ? Какая борьба и съ кѣмъ имѣется въ виду?".

Какая борьба? А вотъ та самая, которая вынесла и васъ, святый отче, на гребнѣ волны и позволила вамъ говорить громкимъ голосомъ все то, что вы раньше говорили придушеннымъ шопотомъ. Какая борьба и съ кѣмъ? А вотъ съ тѣми самыми силами, которымъ теперь отцы-епископы будутъ служить и за страхъ и за совѣсть: раньше они усердно служили царю и мамонѣ, теперь царя нѣтъ, но осталась сильная „мамона". Съ этой силой мы будемъ бороться, а отцы-епископы будутъ ей служить—если судить по ихъ теперешнему рабскому молчанію или по ихъ выступленіямъ, въ родѣ приведеннаго выше.

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ.

„Частное совѣщаніе членовъ Государственной Думы", состоявшееся 4-го мая, нашло во всей лѣвой печати единодушно рѣзкую отрицательную оцѣнку. „Рабочая Газета" справедл во отмѣчаетъ, что революція—подлинный жупелъ для гг. Шульгиныхъ, Милюковыхъ, Гучковыхъ, Маклаковыхъ и всей этой „правоблокистской" компаніи, нынѣ начинающей волей-неволей организовывать въ Государственной Думѣ первую контръ-революціонную и, во всякомъ случаѣ, реакціонную ячейку.

Рядъ еще болѣе рѣзкихъ отзывовъ находимъ въ другихъ органахъ лѣвой печати („Новая Жизнь" и др.). „Рѣчь" растерянно недоумѣваетъ: какъ-же такъ? Государственная Дума, прогрессивный блокъ, „лучи свободы"—и вдругъ ядро реакціи!

„Выходитъ какъ-то странно. Дума вѣдь была организующимъ центромъ революціи, Таврическій дворецъ сталъ фокусомъ, изъ котораго разсыпались лучи свободы по всей Россіи. Да и теперь, на послѣднемъ частномъ совѣщаніи, говорилось то же самое объ угрожающей Россіи опасности, о необходимости единой сильной власти..."

Ничего не подѣлаешь: странно, не странно, а выходитъ такъ. Въ дни революціи Родзянко и К° сталъ революціонеръ malgré lui; теперь онъ вкупѣ и влюбѣ съ Гучковымъ и Милюковымъ радостно сбрасываетъ непривычную маску и становится самимъ собою. Въ часъ добрый! И странно здѣсь только то, что кадетскій офиціозъ считаетъ это страннымъ.

„ТРІУМФЪ" ГРАЖДАНИНА МИЛЮКОВА.

„День" обращаетъ вниманіе читателей на непринужденную откровенность гражданина Милюкова, который въ томъ же частномъ совѣщаніи съ чистосердечностью, доходящей до граціи, разсказалъ во всеуслышаніе, какъ онъ документу 27 марта, въ которомъ Временное Правительство заявило якобы urbi et orbi объ отказѣ отъ захватной политики,—какъ онъ этому документу „намѣренно придалъ форму обращенія къ согражданамъ, а не дипломатическаго акта..." Когда же сограждане, уразумѣвъ поведеніе гражданина Милюкова, потребовали приданія документу характера дипломатическаго, обращенія его не только urbi, но и orbi, то и тутъ Милюковъ „продолжалъ свою политику введенія массъ въ заблужденіе, приложивши къ копіи документа 27 марта свою извѣстную ноту, которая, якобы подтверждая документъ, въ дѣйствительности аннулировала значеніе его. Для продѣлокъ этого рода, если онѣ совершаются въ частной жизни, существуютъ весьма опредѣленныя и рѣзкія названія. Но въ высокой политикѣ имѣютъ силу, очевидно, иныя этическія нормы и правила"...

Но и въ „высокой политикѣ" гражданинъ Милюковъ получилъ по заслугамъ: да будетъ ему тріумфъ—и былъ ему тріумфъ...

По этому поводу одна изъ газетъ даетъ недурную характеристику П. Милюкова, указывая на его „столь прославленную политическую безтактность". На этой почвѣ,—пишетъ газета,—„онъ можетъ садиться прямо въ лужу и даже этого не замѣчать. Вспомните его знаменитую „красную тряпку", вспомните аплодисменты Столыпину, вспомните его отношеніе къ Сербіи, наконецъ, вспомните столь недавнее „регентство" и знаменитый „Константинополь", съ которымъ его тоже никто за языкъ не тянулъ. Нынѣшнее время,—заключаетъ газета,—не время Милюковыхъ. Поэтому нѣтъ причинъ очень огорчаться и его уходомъ. Онъ былъ неизбѣженъ".

Все это очень вѣрно; непонятно только одно: почему же „Русская Воля", нынѣ высказывающая эти здравыя мысли, еще 21 апрѣля, въ дни „тріумфа" П. Милюкова, пѣла ему и его приснымъ такіе восторженные акаеисты?

10 мая.

СВОИМЪ ГОЛОСОМЪ.

Республиканское, демократическое и страшно-либеральное „Новое Время" что ни день, то фальшивитъ, стараясь сиплымъ голосомъ подпѣвать освободительнымъ мотивамъ. То и дѣло срываясь съ тона, говоритъ эта мало почтенная газета объ „интеллигенціи",

„которая въ рядѣ поколѣній не знала иной задачи, кромѣ свободы народа, и засвидѣтельствовала вѣрность ей гибелью тысячъ молодыхъ жизней въ ссылкѣ, на каторгѣ, на висѣлицахъ!“.

Сколько слезъ въ голосѣ! Одна бѣда, что слезы тѣ—крокодиловы, оттого и слушать противно.

Другое совсѣмъ дѣло, когда, въ той же статьѣ, заговоритъ этотъ столыпино-протопоповскій офиціозъ своимъ голосомъ. Говоря о русскихъ политическихъ эмигрантахъ, вернувшихся на родину черезъ Германію, газета заявляетъ:

„Тѣ, кого намъ привозятъ вагонами черезъ Германію, не даромъ ѣдятъ свой хлѣбъ. Кстати: на какія средства живутъ эти безработные изгнанники? На чьи деньги они содержатъ сотни агитаторовъ? Кто оплачиваетъ ихъ расходы на изданіе своихъ газетъ“?

Выводъ газеты ясный: деньги эти—германскія.

Вотъ это—совсѣмъ уже другой голосъ, подлинный голосъ былого офиціоза департамента полиціи! Въ 1905 году, послѣ 9 января, „Новое Время“ сообщило, что рабочіе подкуплены японскими деньгами,—получили ровно 18 милліоновъ. Теперь, по мнѣнію „Новаго Времени“, германскими деньгами подкуплены русскіе политическіе эмигранты, то-есть, представители той самой интеллигенціи, „которая въ рядѣ поколѣній не знала иной задачи, кромѣ свободы народа, и засвидѣтельствовала вѣрность ей гибелью тысячъ молодыхъ жизней“...

Господа газетные словоблуды! Говорите своимъ голосомъ—все равно, никого не обманете!

Вотъ еще примѣръ. На тѣхъ же столбцахъ какой-то двойникъ В. В. Розанова, скрывшись за подписью „Обыватель“, усиленно восхваляетъ „русскаго человѣка“ и усиленно поноситъ „проклятыхъ колбасниковъ“:

„И дѣло очень просто: русская душа широкая, а нѣмецкая душа узкая. Широкое въ узкое не влѣзаетъ, а узкое въ широкое влѣзетъ. Русскіе добрѣе, русскіе ласковѣе нѣмцевъ. Какое же сомнѣнье, что русскіе ихъ сильнѣе? Куда же этимъ узкимъ нѣмецкимъ душонкамъ съ русской душой соперничать? Русская душа безконечна и идетъ къ Богу, нѣмецкая выше „Unter den Linden“ не поднимается“.

Великолѣпно! Возвращайтесь, господа обыватели, къ прежнему вашему словоблудству и не суйтесь съ грязными руками къ интеллигенціи, къ революціи.

11 мая.

„НАРОДНАЯ“ ПАРТІЯ.

Что представляетъ изъ себя съѣздъ „партіи народной свободы“—показываютъ непосредственныя впечатлѣнія одного изъ сотрудниковъ „Русской Воли“:

„Партія народной свободы, партія конституціонно-демократическая, теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, является партіей народной, партіей демократической. Посмотрите на этотъ съѣздъ, на многочисленныхъ членовъ, на гостей, переполняющихъ галлереи,—ни одного солдата. А на другихъ съѣздахъ нельзя протолкаться межъ солдатъ; нѣтъ отбоя отъ делегатовъ съ фронта и отъ гостей изъ числа гарнизона“.

Это не помѣшаетъ, конечно, и впредь кадетской партіи именовать себя „народной“,—по старой и милой формулѣ: canis a non canendo, lucus a non lucendo. „Народной“ партія эта называется, очевидно, потому, что въ ней нѣтъ и не можетъ быть представителей подлиннаго трудового народа. И почему бы этой партіи „интеллигентской обывательщины“ не назвать себя кратко, мѣтко и выразительно: *„партія обывательской свободы“*?

МИНИНЫ-ПОЖАРСКІЕ.

„Рѣчь“ съ горделивымъ видомъ напоминаетъ, что „единственно, кто громко указывалъ въ іюлѣ 1914 г. на то, что отечество въ опасности, была „Рѣчь“, которая и была за это закрыта“.

За что была закрыта „Рѣчь“—объ этомъ ей лучше знать; но удобно-ли кадетскому офиціозу вспоминать о томъ, какъ газета была закрыта, не вспоминая о томъ, какъ она была вторично открыта? Я писалъ уже объ этомъ надняхъ, напоминая, какъ, кто и когда „лизалъ сапогъ“ сильной власти. Послѣ этого не лучше ли было бы кадетскому офиціозу не становиться въ позу „этакаго Минина-Пожарскаго“?

НОВЫЕ КОЛУМБЫ.

Не одинъ уже разъ приходилось вскрывать нехитрую систему тайныхъ и явныхъ имперіалистовъ толковать „по-своему“ выставленную соціалистической демократіей формулу о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій. Безъ контрибуцій? Прекрасно!—соглашался Г. Плехановъ,—только пусть Германія, вмѣсто контрибуціи, уплатитъ „военное вознагражденіе“ за разоренныя ею области. Очень остроумно: не только Колумбы этой Америки ничего не могли отвѣтить на мой вопросъ: должна ли тогда и Россія уплатить—не контрибуцію, нѣтъ, а лишь „военное вознагражденіе“ за раззоренныя Восточную Пруссію и Галицію?

Теперь на амплуа новаго Колумба, въ подкрѣпленіе Г. Плеханову, выступаетъ со столь же остроумнымъ толкованіемъ и „Русское Слово“. Миръ безъ аннексій? Ну, конечно же! Аннексій не надо!

„Предѣлы Россiи — необъятны! Ей не нужно новыхъ земель, новыхъ территорiй. Она не умѣла до сихъ поръ справиться съ тѣмъ, что у ней есть".

Не надо аннексiй—очень хорошо. Но все-таки не захватить ли проливы и Константинополь? Правда, „говоря о томъ, что свободный выходъ черезъ проливы необходимъ Россiи, необходимъ въ интересахъ не буржуазiи, а ея трудовой демократiи, судьба которой всецѣло зависитъ отъ подъема производительныхъ силъ Россiи,—подъема, который неразрывно связанъ съ вопросомъ о проливахъ,—мы еще разъ совершаемъ захватъ! Но захватъ этотъ не есть вовсе хищное „имперiалистическое" стремленiе Россiи къ территорiальнымъ прiобрѣтенiямъ"...

Ну, конечно: аннекс я не есть захватъ, захватъ не есть хищное прiобрѣтенiе, дважды два не четыре,—все это такъ. Зачѣмъ только говорить о томъ, что захватъ проливовъ „необходимъ въ интересахъ трудовой демократiи", разъ трудовая демократiя уже высказалась... какъ разъ наоборотъ?

17 мая.

СПОРЫ О „МИРѢ БЕЗЪ АННЕКСIЙ".

Въ цѣломъ рядѣ газетъ—статьи все на ту же острую тему: о „мирѣ безъ аннексiй и контрибуцiй". Не одинъ разъ я уже отмѣчалъ, что формула эта, выставленная сперва (по неоднократнымъ огорченнымъ заявленiямъ непримиримыхъ имперiалистовъ) всего лишь „ничтожной группой меньшинства соцiалистовъ", стала теперь лозунгомъ огромнаго большинства соцiалистической демократiи. Ибо формула, подлинно революцiонная по отношенiю къ „старому мiру", могла и должна была получить всю свою силу именно въ эпоху революцiи, въ эпоху просвѣта къ „новому мiру". Но я подчеркивалъ, что въ этой побѣдѣ таится и опасность: ибо „большинство", вынужденное духомъ времени принять новый лозунгъ, всячески старается толковать его по своему, въ новыя слова вкладывать старое содержанiе.

Эту формулу готовы принять теперь даже и имперiалисты, вродѣ Рибо или Сесиля, только толкуютъ они ее по своему; такихъ „союзниковъ" демократiи и даромъ не надо.

Для воплощенiя же ея въ жизнь необходимо неустанно разъяснять и вскрывать смыслъ этой формулы, указывать, что осуществленiе ея есть „внутреннiй взрывъ" имперiализма, его крушенiе и гибель въ революцiи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гибель войны. „Извѣстiя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ" замѣчаютъ по этому поводу:

„Мы хотимъ мира. Мы хотимъ его какъ можно скорѣе. Мы знаемъ, что онъ необходимъ трудящимся, какъ воздухъ. И потому мы не должны допускать никакого перетолкованія нашего яснаго лозунга. „Аннексія“ — это значитъ насильственный захватъ территоріи, бывшей въ день объявленія войны во владѣніи другого государства. „Безъ аннексій“—это значитъ ни одной капли народной крови за такой захватъ!“

„Это ясно и опредѣленно,—заканчиваетъ газета,—не понимать этого можетъ лишь тотъ, кто не хочетъ понимать“. Такіе люди, однако, находятся въ изобиліи.

ОЧЕРЕДНАЯ АМЕРИКА.

Главное мѣсто среди нихъ занимаетъ по-прежнему Г. Плехановъ. Онъ почти ежедневно пишетъ въ „Единствѣ“ на эти темы и ежедневно производитъ очередныя открытія Америкъ.

Онъ уже благоразумно пересталъ требовать „военнаго вознагражденія“ (вмѣсто „контрибуцій“), ибо понялъ, что безсиленъ провести въ этомъ случаѣ разницу между Литвой и Восточной Пруссіей, между Галиціей и Польшей. Поэтому онъ выставляетъ новый сокрушительный доводъ, который скромно рекомендуетъ „вниманію нашего Временнаго Правительства“. Дѣло вотъ въ чемъ. Представьте себѣ, что мы дошли до того, что взяли да и заключили безъ дальнихъ околичностей сепаратный миръ съ Германіей. Очевидно, что въ такомъ случаѣ намъ придется обратиться къ ней же и за финансовой помощью, заключить заемъ. Но,—разсуждаетъ дальше нашъ Колумбъ,—„занять деньги не значитъ получить ихъ въ подарокъ. Сдѣлавъ заемъ, мы должны будемъ платить Германіи проценты. Чѣмъ платить? Въ послѣднемъ счетѣ,—извѣстно: долей нашего національнаго продукта. Въ дѣйствительности это будетъ то же самое, какъ если бы нѣмцы поработили извѣстную часть нашего трудящагося населенія. Выгодная уплата процентовъ по займу, заключенному въ Германіи и вызванному нуждами войны, которую намъ объявила сама Германія, будетъ равносильна уплатѣ нами ежегодной контрибуціи нашей основательной сосѣдкѣ“.

Эта очередная Америка до того восхитительна, что, вѣроятно, лишь по недоразумѣнію попала не въ „Маленькій фельетонъ“, а въ передовую статью „Единства“. Ибо, конечно, Г. Плехановъ просто мило шутитъ: не можетъ же онъ не понимать, что, если проценты по займу—„контрибуція“, то намъ, во всякомъ случаѣ придется—и уже приходится—платить громадную ежегодную „контрибуцію“ Франціи, Англіи и Америкѣ, золото которыхъ вложено въ русскія бумаги. Онъ это и понимаетъ, но тѣмъ болѣе торжествуетъ: зна-

чить, „контрибуцію“, то-есть, проценты по займамъ, мы будемъ платить во всякомъ случаѣ, какъ ни повернись! А отсюда—„выводъ. Заключеніе нами мира безъ контрибуціи явилось бы источникомъ.. контрибуціи. Изъ сладкаго вышло бы горькое. Мнимый разумъ оказался бы безсмыслицей“...

Такъ посрамлена формула „миръ безъ контрибуцій“!.. И какъ это никто раньше не догадался, что проценты—это контрибуція, а контрибуція—это проценты! Такъ, напримѣръ: если Г. Плехановъ владѣетъ сторублевой облигаціей „Займа Свободы“, то, значитъ, онъ ежегодно беретъ съ Россіи контрибуцію въ размѣрѣ пяти рублей!..

Для „маленькаго фельетона“ это, быть можетъ, и остроумно; но зачѣмъ же маленькій фельетонъ этотъ рекомендовать „вниманію нашего Временнаго Правительства“? Это разъ. А два—не мѣшаетъ и серьезно сказать: не такими путями можно бороться съ непріятными лозунгами и формулами. Имъ отъ этого ничего не станется, а лишь новые Колумбы поставятъ себя въ смѣшное положеніе.

ОЧЕРЕДНАЯ ИСТЕРИКА.

У Г. Плеханова—очередная Америка, у Л. Андреева—очередная истерика. Онъ крикливо и слезливо поетъ отходную русской революціи, пользуясь для этого слѣдующими, напримѣръ, доводами: русскихъ эмигрантовъ встрѣчали-де со знаменемъ: „Да здравствуетъ Германія!“ Тутъ уже,—наивно сообщаетъ экспансивный авторъ,—онъ „не можетъ думать“, „перестаетъ соображать“:

„Передъ моими глазами стоитъ это подлое знамя — о, болѣе подлое, нежели прямое убійство! Ибо оно есть насмѣшка и глумленіе надъ всѣми убитыми, надъ всѣми осиротѣвшими, надъ вдовами, дѣтьми и черными матерями всей Россіи“. „Моя бѣдная мать“... со слезами молился и каялся Некрасовъ. А что бы ты сказалъ, если бы на могилу твоей бѣдной матери принесли и вылили вотъ этотъ—вотъ этотъ ушатъ съ нечистотами?“

Если подъ „вотъ этимъ ушатомъ“ Л. Андреевъ разумѣетъ эти свои строки, то незачѣмъ было ихъ и писать, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ „День“ — „въ этомъ ушатѣ нечистота самая грязная это—вымыселъ о знамени: „Да здравствуетъ Германія!“ Сплетня, пущенная людьми, родство которыхъ съ Черепъ-Спиридовичемъ, авторомъ басни о 18 японскихъ милліонахъ, не подлежитъ сомнѣнію. Зачѣмъ Леонидъ Андреевъ смакуетъ эти нечистоты и размазываетъ ихъ на страницахъ „Русской Воли?“

Дѣйствительно—зачѣмъ?

Спроси звѣзду, зачѣмъ она, сіяя, свѣтитъ?
Спроси цвѣтокъ, зачѣмъ онъ пахнетъ?—Не отвѣтитъ!

ОЧЕРЕДНАЯ ОБЫВАТЕЛЬЩИНА.

Кто о чемъ, а „Новое Время"—о соціализмѣ. Нѣкій „Обыватель" пишетъ пространныя ламентаціи на тему, что-де соціализмъ теперь въ Россіи есть лишь сила штыка, а не сила идеи,—а, вѣдь, „Новое Время", какъ извѣстно, всегда было апологетомъ чистой идеи и врагомъ всяческой силы, всяческаго насилія, подлиннымъ и вѣрнымъ рыцаремъ справедливости. Именно, поэтому такъ и возстаютъ обыватели изъ „Новаго Времени" противъ соціализма.

„Соціализмъ проявляется въ данную историческую минуту въ Россіи, сейчасъ же послѣ революціи, какъ несправедливость. Ибо какая же это справедливость,—не спросивъ народъ о себѣ, говорить, что онъ низвергаетъ его правительство, когда захочетъ, не обращая вниманія на то, хочетъ ли еще народъ, чтобы его правительство было низвергнуто. Совершенно явно, что соціализмъ, одно изъ интеллигентскихъ теченій, узурпируетъ себѣ власть надъ всею Россіею, не спросясь Россіи".

Не стоило бы обращать на эту очередную глупость вниманія если бы это не было такъ характерно для всей нашей обывательщины, которая—подождите!—еще проявитъ себя во всемъ своемъ махровомъ цвѣтѣ. Дѣйствительно, какова дерзостъ этого узурпаторскаго „соціализма!" Взялъ да и свергъ, „не спросивъ народъ", правительство! Такъ было и въ концѣ февраля, такъ было и въ концѣ апрѣля, такъ будетъ, быть можетъ и еще не разъ. Какъ объяснить этимъ обывателямъ, что руль революціи нашей, съ самаго ея начала,—въ рукахъ трудового народа, и что руля этого онъ не выпуститъ изъ рукъ, несмотря ни на какіе обывательскіе стоны и ламентаціи.

19 мая.

ПРОМЕТЕЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

19 мая 1864 года на Мытнинской площади былъ совершенъ обрядъ позорной „гражданской казни" надъ великимъ основоположникомъ революціоннаго народническаго соціализма, Н. Г. Чернышевскимъ. Герценъ за границей, Чернышевскій въ Россіи—первые положили краеугольный камень того зданія революціоннаго народническаго соціализма, мощныя стѣны котораго, воздвигнутыя муками поколѣній, поднимаются теперь передъ нашими глазами.

Зданіе далеко не закончено, еще много работы впереди; но пусть храмъ еще не достроенъ—все же велика потребность благодарно оглянуться назадъ и почтить память тѣхъ, кровь и страданія которыхъ освящаютъ наши вѣрованія, наши чаянія, наши ожиданія. „Гибель вождя свободы — цементъ для храма свободы", — говоритъ мыслитель; и поэтъ подтверждаетъ:

Иди и гибни! Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь...

Если это такъ, то поистинѣ прочен храмъ русской свободы Прочен и воздвигаемый храмъ соціализма, въ борьбѣ за созиданіе котораго гибли цѣлыя поколѣнія...

„Гражданская казнь“ Чернышевскаго, позорная для тѣхъ, кто предписалъ ее, навсегда озарила свѣтомъ мученичества духовный обликъ Чернышевскаго; послѣдующая каторга и ссылка довершили и заключили собою его крестный путь. „Казнь“ эта подняла Чернышевскаго на громадную нравственную высоту, и недаромъ былъ онъ впослѣдствіи названъ „Прометеемъ русской революціи“.

За годъ до ареста, года за три до „казни“, Чернышевскій помѣстилъ въ своемъ журналѣ замѣтку о „Прометеѣ“ Эсхила, о казни Прометея. Думалъ ли онъ, что слова эти такъ скоро станутъ примѣнимы къ нему самому?

„Видъ этой казни дѣйствуетъ на насъ успокоительно; мы увѣрены, что нравственная сила воскреснетъ, что, пока существует міръ съ солнечными лучами и воздухомъ, до тѣхъ поръ разумность и правда будутъ святѣе, выше и сильнѣе тупой несправедливости; изъ разверстой пропасти до нашего слуха долетаютъ отрадныя слова Прометея, возвышающія сознаніе нашего человѣческаго достоинства и наполняющія нашу душу гордымъ презрѣніемъ ко всякой грубой силѣ и насилію“...

Прометей русской революціи—погибъ; идеи его—побѣдили. Такая гибель—высшая побѣда.

Теперь, когда побѣда эта осуществляется въ жизни въ размѣрахъ неизмѣримо большихъ, чѣмъ многіе могли мечтать и надѣяться, теперь, когда революціонный народническій соціализмъ сливается въ одно русло съ революціоннымъ соціализмомъ интернаціональнымъ—болѣе, чѣмъ когда-либо, умѣстно почтить память Чернышевскаго.

День уготованнаго ему позора сталъ днемъ его великаго торжества, личная его гибель обратилась въ побѣду его идеаловъ. И въ день 19 мая мы чествуемъ эту побѣду разумности и правды надъ насиліемъ, чествуемъ великую побѣду человѣческаго духа надъ грубой силой. Чествуя прошлое, мы вѣримъ въ такое же будущее, ибо впереди еще трудный и долгій путь „до полной побѣды“. И до полной побѣды—нашъ путь будетъ освѣщать великое имя Чернышевскаго.

25 мая.

ТРИ ОТВѢТА.

Когда русская революціонная демократія обратилась съ призывомъ къ демократіи всего міра, обратилась съ призывомъ начать

энергичную борьбу за прекращеніе братоубійственной войны, за немедленное заключеніе „мира безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ“, то отвѣты посыпались въ изобиліи со всѣхъ странъ. Это было утѣшительное и возвышающее душу зрѣлище: имперіалистскія газеты всѣхъ странъ единодушно и патетически доказывали міру, что ихъ правительства ничего большаго и не хотятъ, что ихъ правительства ведутъ войну только за право и справедливость и не желаютъ ничего другого, кромѣ мира „безъ аннексій и контрибуцій“. Такіе отвѣты посыпались въ изобиліи; они, повторяю, были утѣшительны и возвышенны, но—одна бѣда!—все это были отвѣты безотвѣтственные.

Правда, иной разъ и министры той или иной страны отзывались съ кислой любезностью на воззваніе русскихъ соціалистическихъ партій; министры эти въ своихъ полуоффиціальныхъ деклараціяхъ расшаркивались передъ революціонной русской демократіей и любезно соглашались на всѣ ея требованія, но соглашались только... въ принципѣ. „Миръ безъ аннексій“? Разумѣется! Но съ удержаніемъ завоеванныхъ колоній! „Миръ безъ контрибуцій“? Ну, конечно! Но лишь съ возвращеніемъ военныхъ расходовъ!

Все это было гораздо опредѣленнѣе газетнаго паѳоса, гораздо отвѣтственнѣе газетныхъ рѣчей, но все это еще не было отвѣтомъ иностранныхъ правительствъ на русское воззваніе. Но вчера,—о, трижды благословенный день!—мы получили, наконецъ, съ трехъ сторонъ сразу три отвѣта на поставленный вопросъ, и отвѣты эти—ясные, убѣдительные, опредѣленные; имѣющій уши слышати—да слышитъ!

Первый отвѣтъ. Во французской палатѣ депутатовъ подавляющимъ большинствомъ 453 голосовъ противъ 55 принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ съ выраженіемъ довѣрія правительству, послѣ обсужденія запроса о стокгольмской конференціи, созываемой по почину русской революціонной демократіи. Французскіе соціалисты рѣшили ѣхать на конференцію, французское „демократическое“ правительство отказалось выдать имъ паспорта. И вотъ теперь, въ формулѣ довѣрія, „отказываясь отъ обсужденія вопроса“ о паспортахъ, палата депутатовъ, „выражающая непосредственно суверенную волю французскаго народа“, заявляетъ, что „конечную цѣль этой войны, которая была навязана Европѣ нападеніемъ германскаго имперіализма, она видитъ въ освобожденіи захваченныхъ территорій, возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи въ материнское лоно Франціи и справедливомъ возмѣщеніи убытковъ. Далекая отъ всякой мысли о завоеваніяхъ и порабощеніи иноземнаго населенія, палата депутатовъ надѣется, что усилія французской арміи, совмѣстно съ арміями союзниковъ, послѣ уничтоженія прусскаго милитаризма, дадутъ возможность достигнуть прочныхъ гарантій мира и независимости большихъ и малыхъ народовъ, которые войдутъ въ составъ

той организаціи, которая отнынѣ должна образоваться въ видѣ союза народовъ".

Вотъ это—отвѣтъ: опредѣленный, ясный, авторитетный, отвѣтъ „суверенной воли"—конечно, не французскаго народа, а стоящей у власти французской буржуазіи. Русская революціонная демократія требуетъ прекращенія міровой бойни, „суверенная воля" французскаго правительства требуетъ „уничтоженія прусскаго милитаризма", то-есть „войны до побѣды", то-есть, „войны безъ конца". Ибо въ отвѣтъ на это германскіе имперіалисты провозглашаютъ тоже „войну до побѣды"—„войну до уничтоженія англійскаго милитаризма." Значитъ, отвѣтъ „суверенной воли" французскаго правительства ясенъ до полной прозрачности: онъ требуетъ не окончанія, а продолженія братоубійственной бойни.

Затѣмъ: воззваніе русской демократіи говоритъ о „мирѣ безъ контрибуцій"—французская „суверенная воля" отвѣчаетъ требованіемъ „справедливаго возмѣщенія убытковъ", то-есть скрытой контрибуціи. Германія и Австрія, конечно, отвѣтятъ встрѣчнымъ требованіемъ—„справедливаго возмѣщенія убытковъ", къ великому утѣшенію имперіалистской клики своихъ странъ.

Наконецъ, русская революціонная демократія требуетъ мира на основѣ „самоопредѣленія народовъ", а французская буржуазная „суверенная воля" требуетъ „возвращенія Эльзаса и Лотарингіи въ материнское лоно Франціи" внѣ всякаго „самоопредѣленія" этихъ провинцій—не по праву права, а по праву войны. Неправда ли, отвѣтъ суверенной воли французскаго правительства ясенъ во всѣхъ отношеніяхъ?

Второй отвѣтъ. Мы его получили вчера же—на этотъ разъ не отъ quasi-демократическаго французскаго правительства, а отъ трехъ видныхъ „министровъ-соціалистовъ" трехъ союзныхъ странъ: вчера былъ оглашенъ „протестъ" Альбера Тома, Гендерсона и Вандервельде въ отвѣтъ на новое воззваніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ отъ 21 мая (3 іюня) о созывѣ всѣхъ соціалистовъ на международную конференцію. Три министра-соціалиста „крайне изумлены" такимъ поступкомъ Совѣта: раньше-де велись объ этомъ съѣздѣ лишь ни къ чему не обязывающіе переговоры, а тутъ, вдругъ—созывъ!

„Во время этихъ переговоровъ мы подчеркнули наше согласіе вмѣстѣ съ вами пойти на формулу мира, провозглашенную Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, при условіи, однако, что эта формула мира будетъ точно опредѣлена и разъяснена такимъ образомъ, чтобы подъ понятіе аннексіи не могло быть подведено освобожденіе территорій, если это освобожденіе согласно съ волею населенія, а подъ контрибуціей не подразумѣвалось возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ въ захваченныхъ странахъ самимъ фактомъ нашествія".

Такъ пишутъ три министра-соціалиста. таковъ второй отвѣтъ на въ упоръ поставленный русской демократіей вопросъ. И—какое трогательное совпаденіе!—оба отвѣта по существу совершенно тождественны. Ибо и три министра-соціалиста желаютъ не „аннексій“, а лишь „освобожденія территорій“. не „контрибуцій“, а лишь „возмѣщенія убытковъ“... Старые и престарые это фокусы рукъ, у насъ ими многократно и безуспѣшно забавляется Г. Плехановъ, не вводя никого въ заблужденіе; я уже неоднократно вскрывалъ способъ постановки этихъ нехитрыхъ „Колумбовыхъ яицъ“. Теперь ихъ ставятъ и три министра-соціалиста союзныхъ правительствъ...

Правда, они требуютъ „освобожденія территорій“ лишь „согласно съ волей населенія“. Прекрасно! Но тогда потребуемъ отъ нихъ и отъ себя послѣдовательности и признаемъ „освобожденіе территорій“ Ирландіи и Финляндіи—съ одной стороны. Алжира или Сіама—съ другой. Очень было бы интересно выслушать, напримѣръ, мнѣніе соціалиста Альбера Тома о „самоопредѣленіи“ Алжира.

Правда, соціалистъ Альберъ Тома—соціалистъ, лишь большинствомъ одного голоса не исключенный изъ партіи въ январѣ 1917 г.; правда, оба его товарища по „протесту“—соціалисты крайней правой группы, и не въ ихъ голосѣ искать намъ голосъ подлинной революціонной демократіи Западной Европы. Но, какъ отвѣтъ опредѣленной части западнаго „прирученнаго“ буржуазіей соціализма, „протестъ“ ихъ и ярокъ, и характеренъ. Онъ ясно показываетъ, что съ этими прирученными соціалистами русской революціонной демократіи врядъ ли по пути.

Третій отвѣтъ. Онъ такъ прекрасенъ въ своей яркой неприкосновенности, что я его частично приведу безъ всякихъ комментарій. Итальянское агентство Стефани сообщаетъ міру о манифестѣ генералъ-лейтенанта Гіацинто Ферреро, командующаго итальянскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ въ Албаніи.

„По приказанію правительства короля Виктора Эммануила III, торжественно провозглашаемъ объединеніе и независимость всей Албаніи подъ защитой и покровительствомъ итальянскаго королевства... Албанцы, гдѣ бы вы ни находились, проживаете ли вы свободно на вашихъ земляхъ или живете въ изгнаніи въ чужихъ странахъ, подчиняетесь ли еще иностранному господству, щедрому на обѣщанія, но на дѣлѣ насильническому и грабительскому, вы знаете объ общности итало-албанскихъ интересовъ на морѣ, которое насъ раздѣляетъ и въ то же время связываетъ. Объединитесь же всѣ, вѣрящіе въ счастливое будущее вашей возлюбленной страны, соберитесь подъ сѣнью итальянскихъ и албанскихъ знаменъ и принесите клятву на вѣчную вѣрность тому, что сегодня отъ имени итальянскаго правительства возвѣщено мною независимой Албаніи, пользующейся дружбой и покровительствомъ Италіи“.

Само собою разумѣется, что манифестъ этотъ, по сообщенію итальянскаго агентства, вызвалъ среди албанскаго населенія „величайшій и искренній энтузіазмъ“ и „горячія проявленія патріотическихъ чувствъ и живѣйшей благодарности“...

Такъ отвѣтило итальянское правительство на нашъ призывъ къ миру „безъ аннексій“, къ миру на основѣ „самоопредѣленія“ національностей. Албанцы уже „опредѣлены“, Албанія уже проглочена; но, конечно, это—не „аннексія“, а лишь „освобожденіе территоріи“, „присоединеніе территоріи“—или какъ тамъ это зовется у акулъ имперіализма?

Таковы сразу три отвѣта въ одинъ день. Порція немного велика, но зато и весьма поучительна: нагляднѣе и ярче нельзя ничего и пожелать. Выводы изъ этихъ фактовъ предоставимъ прежде всего сдѣлать революціонной демократіи Запада; ибо эти три отвѣта—прежде всего вызовы именно ей. Пусть приметъ она эти вызовы и пусть сдѣлаетъ изъ нихъ надлежащее заключеніе.

26 мая.

МИЛОЕ ЛИЦО.

На столѣ — десятка два „либеральныхъ“ газетъ; читаешь ихъ одну за другой и когда закончишь эту ежедневную работу, то — странно! — въ памяти остаются такіе куски и отрывки, которые невольно соединяются въ *одну* газету, стройную и цѣльную, отъ передовицы до маленькаго фельетона. „Рѣчь“, „Русская Воля“, „День“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Новое Время“—ахъ, какъ удачно носъ перваго сочетается съ ушами второго, съ губами третьяго! Цѣльный, неизмѣнный, постоянный обликъ, о которомъ такъ мечтала Агафья Тихоновна, вѣчно мѣняющійся и вѣчно неизмѣнный! Стоитъ разъ только вглядѣться въ него, чтобы навсегда запомнить и при встрѣчѣ— это смотря по вкусу! — либо радостно раскланиваться, либо переходить на другую сторону улицы. Я изъ тѣхъ, которые предпочитаютъ послѣднее...

Беру сегодняшнія и вчерашнія газеты и заранѣе могу предсказать, каковы будутъ газеты завтрашнія: все тѣ же! Вотъ вамъ, для примѣра, общій обликъ вчерашней газеты.

Передовая статья объ „анархіи“, о Кронштадтѣ, зловредныхъ „интернаціоналистахъ“, о чемъ хотите—только будьте увѣрены, что ни слова вы не найдете о самомъ сенсаціонномъ фактѣ „иностранной жизни“ — объ аннексіи Италіей Албаніи. Ни слова! Молчаніе, какъ извѣстно, золото. Но это сконфуженное молчаніе слишкомъ выдаетъ себя головой чтобы оцѣниваться столь высоко — пожалуй, молчаніе это не золотое, а просто-на-просто бумажное. И постыдное. Ибо слишкомъ грубый фактъ передъ нами, чтобы можно было его растерянно замалчивать. О, я увѣренъ, что не сегодня-завтра вся эта пресса

обрѣтетъ даръ слова, начнетъ сконфуженно упрекать Италію за „некоординированность дѣйствій“, за несоблюденіе основъ союзныхъ договоровъ и прочее, и прочее,- но не менѣе увѣренъ я и въ томъ, что ни словомъ не обмолвится эта одноликая печать о безстыдствѣ самого факта „колоніальнаго грабежа“, о неприличіи этой „аннексіи“, какъ отвѣта на воззваніе русской революціонной демократіи. Ни словомъ не обмолвится! Да и какъ же иначе, когда у самого „пушокъ на рыльцѣ есть“?..

Послѣ передовой — политическая статья: о Рибо, о голосованіи палаты депутатовъ, о „протестѣ“ трехъ союзныхъ министровъ. Кислосладскіе комплименты Керенскому, который, наконецъ-то, дошелъ до „зачатковъ мыслей“: „мы желали бы, чтобы эти зачатки мыслей были додуманы до конца и вывели военнаго министра на правильную дорогу достаточно скоро, чтобы онъ успѣлъ въ свою очередь, вывести родину изъ того тупика, въ который завела ее идеологія многихъ и многихъ его товарищей“. Такъ пишетъ газета „Рѣчь“, зачатки мыслей которой, очевидно, еще не додуманы, ибо иначе она, во главѣ съ гражданиномъ Милюковымъ, давно бы вывела родину изъ тупика. А какъ она выводила родину изъ тупика, — это всѣ мы помнимъ по 18-му апрѣля.

О Рибо, о голосованіи палаты депутатовъ — восторженный, конечно, отзывъ, ибо это учрежденіе „выражаетъ непосредственно суверенную волю французскаго народа, чего нельзя сказать о Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ по отношенію къ суверенной волѣ русскаго народа“ („Рѣчь“).

Какъ объяснить кадетскому офиціозу, что „революціонная воля“ демократіи можетъ смѣло стать лицомъ къ лицу съ „суверенной волей“ буржуазіи? Какъ ни объясняй — все равно, не пойметъ. Зато съ восторгомъ констатируетъ эта печать, что Рибо и компанія не желаютъ болѣе „менажировать русскую революцію“ („Рѣчь“). Наконецъ-то! — „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, — восклицаетъ кадетскій офиціозъ, восхищенный тѣмъ, что „менажировать“ русскую революцію больше не будутъ. Мило и откровенно! „Рѣчь“, „Русская Воля“, „Биржевыя Вѣдомости“ и вся братія одинаково радостно подчеркиваютъ этотъ фактъ.

Фельетонъ можно дать хотя бы на тему о „буржуазіи“, и пусть напишетъ его такой знатокъ соціально-экономическихъ вопросовъ, какъ профессоръ Зелинскій, постоянныйсотрудникъ „Русской Воли“, которую такъ непріятно именуютъ „буржуазной“. За что?—горестно изумляется профессоръ:—„если вамъ угодно во что бы то ни стало сохранить эту ненужную кличку,—освободите, по крайней мѣрѣ, отъ нея и насъ, и нашу печать“. И профессоръ подробно указываетъ, что какой же онъ „буржуй“, разъ получаетъ жалованья въ мѣсяцъ всего 389 рублей? А вотъ наборщикъ съ первыхъ же шаговъ получаетъ безъ малаго столько же! Заслуженному профессору до глубины

души обидно такое равенство. Онъ тщательно умалчиваетъ лишь о томъ, что это обидное для него равенство существуетъ лишь два-три мѣсяца, а за тридцать лѣтъ его профессорства твердо соблюдалось пріятное для него неравенство. И профессоръ умильно просить наборщика: „еще и еще разъ предлагаю вамъ: сдадимъ съ общаго согласія слово „буржуй", какъ отмѣнно-глупое, въ архивъ". А разъ нѣтъ „буржуя", то нѣтъ и „пролетарія": вотъ вамъ и рѣшеніе „классоваго вопроса"! „Вѣдь, если слово „буржуй" не нужно, то столь же не нужно и противополагавшееся ему слово — пролетарій. Пусть же всѣ эти разъединяющіе лозунги исчезнутъ. Объединимся всѣ, на почвѣ труда, въ дружный и враждебный только тунеядцамъ, трудящійся народъ".

Ахъ, этотъ добродушный заслуженный профессоръ, разсуждающій о томъ, о чемъ онъ и понятія не имѣетъ! Какъ характеренъ его фельетонъ для всѣхъ „либеральныхъ" газетъ, сердито ежащихся отъ слова „буржуазный"! И почему это онѣ такъ боятся этого слова? Вѣдь, отъ слова не станется... если только „сущность" не совпадаетъ со „словомъ".

Далѣе—„телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ": вездѣ на одинъ ладъ, на одинъ тонъ. Анархія въ провинціи; наступленіе германцевъ; ужасы въ Кронштадтѣ. Всюду одна цѣль — запугать и озлобить обывателя, ввести его въ лоно единой „созидательной" партіи—„либеральной", кадетской. Нѣжное расшаркиваніе по адресу „Единства", сердитая полемика съ соціалистическими газетами.

Для развлеченія—публицистическія статьи разныхъ маленькихъ фельетонистовъ и маститыхъ беллетристовъ. Напримѣръ, въ „Днѣ" маленькій фельетонистъ разражается прегрозными филиппиками о Россіи, о Петербургѣ, который „превращается въ анархическій тылъ революціи. Это спокойствіе и благодушіе въ Совѣтѣ Депутатовъ есть своего рода парламентскій кретинизмъ". Прелестно, а дальше и еще лучше: о „напорѣ наглости", о „распущенности и наглости" демагогіи, о „столичной черни" и о прочемъ подобномъ. Демосфенъ, совершеннѣйшій Демосфенъ! И когда его кто-то изъ „Правды", гдѣ тоже не мало такихъ Демосфеновъ, съ другого конца, не совсѣмъ вѣжливо именуетъ „литературной шавкой", то за маленькаго фельетониста изъ „Дня" величественно заступается маститый беллетристъ Айзманъ изъ „Русской Воли": „литературная цѣнность Д. Заславскаго, — возмущается онъ, — ясна каждому читателю"... Еще бы не ясна: вѣдь, это тотъ самый маленькій фельетонистъ, который недавно провозглашалъ, что-де „нужно призвать къ порядку изболтавшуюся и распустившуюся Россію..." Эту непристойность я въ свое время уже отмѣтилъ.

Ну, вотъ вамъ и типичный номеръ любой изъ нашихъ „либеральныхъ" газетъ. Уши одной, носъ другой, губы третьей—знакомое милое лицо, общій трафаретъ, все тотъ же „обликъ", при встрѣчѣ съ кото-

рымъ переходишь на другую сторону улицы. Придется ли итти хоть малое время съ нимъ вмѣстѣ? „Единство“ — идетъ и очень своими спутниками довольно. Но для всей соціалистической печати эти пути расходятся чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Ибо революція идетъ впередъ, а эта кадетско-обывательская пресса пугливо и злобно пятится назадъ. До чего она хочетъ „допятиться“? Это уже ея дѣло.

27 мая.

МОЛЧАНІЕ—ЗОЛОТО.

Я отмѣтилъ вчера сконфуженное и растерянное молчаніе всѣхъ „либеральныхъ“ газетъ о фактѣ „аннексіи“ Албаніи Италіей. Молчаніе это продолжается, и я не безъ интереса жду, какъ выпутаются наши либералъ-имперіалисты изъ глупаго положенія. Одно лишь „Новое Время“ пытается въ небольшой замѣткѣ нащупать почву для предстоящихъ шаговъ и сообщаетъ яко-бы изъ дипломатическихъ источниковъ, что „въ итальянскихъ политическихъ кругахъ наблюдается увѣренность, что объявленіе независимости Албаніи вполнѣ соотвѣтствуетъ лозунгамъ, провозглашеннымъ русской революціей“.

Ну, конечно же „соотвѣтствуетъ“! Русская революція провозгласила лозунгъ „безъ аннексій“, итальянское правительство произвело аннексію Албаніи—полнѣйшее соотвѣтствіе! Русская революція провозгласила лозунгъ „самоопредѣленія національностей“, точно также и „итальянское правительство объявило независимость Албаніи, которая будетъ имѣть свое управленіе, армію, финансы, судопроизводство и школы. Этимъ самымъ Италія осуществляетъ исконныя стремленія Албаніи“.

Такъ Италія „опредѣлила“ Албанію; чѣмъ не „самоопредѣленіе“?

Цинично до граціи и глупо до святости, но чего же иного и ждать отъ „Новаго Времени“? Нѣтъ, подожду защитниковъ менѣе примитивныхъ—и съ удовольствіемъ прочитаю—что думаютъ по поводу итальянскаго захвата другіе либералъ и соціалъ-имперіалисты: „Рѣчь“, „Русская Воля“, „Единство“.

НЕДОУМѢНІЯ.

Въ „Единствѣ“ Г. Плехановъ пишетъ пространную статью о резолюціи по поводу войны сѣверной областной конференціи с.-р.; онъ, разумѣется, крайне недоволенъ резолюціей и, особенно, слѣдующимъ ея пунктомъ: „побѣда русской революціи въ области международныхъ отношеній сказалась въ отказѣ отъ завоевательной политики царизма. Но поскольку этотъ фактъ игнорируется государствами

согласія, вопреки голосу сознательной части демократіи этихъ странъ, постольку роль наша въ этой имперіалистической войнѣ по существу не мѣняется и призывъ къ демократіямъ всѣхъ воюющихъ державъ парализуется“.

Г. Плехановъ очень, очень не одобряетъ эти „не соціалистическія“ мысли. Онъ недоумѣваетъ: „какъ понимать упрекъ, бросаемый революціей по адресу нашихъ союзниковъ и состоящій въ томъ, что они игнорируютъ нашъ отказъ отъ завоевательной политики? Слѣдуетъ ли истолковывать его въ томъ смыслѣ, что они продолжаютъ завоевательную кампанію? И чѣмъ можно обосновать этотъ упрекъ? Гдѣ же проявились ихъ имперіалистическіе замыслы? Пока еще нигдѣ. Если они и существуютъ, то не даютъ себя чувствовать въ дѣйствительной жизни“.

Это недоумѣніе приводитъ меня въ недоумѣніе, ибо уже три дня тому назадъ появился въ газетахъ торжественный итальянскій манифестъ, проглотившій Албанію. На какомъ необитаемомъ островѣ живетъ Г. Плехановъ? Ежедневно занимаясь очередной „постановкой“ Колумбовыхъ яицъ—не мѣшаетъ бывшему лидеру иной разъ заглядывать и въ газеты; а то выходятъ съ нимъ вотъ такіе трагикомическіе эпизоды.

Кстати о недоумѣніяхъ: есть у меня еще одно недоумѣніе, касающееся того же самаго бывшаго лидера. Полемизируя съ зловредными „интернаціоналистами“, онъ многочасно и многообразно колетъ имъ глаза голландскимъ соціалистомъ Домелой Ньевенгайсомъ, который на международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ, въ Брюсселѣ въ 1891 г. и въ Цюрихѣ въ 1893 г., выступалъ съ идеями близкими нынѣшнимъ „интернаціоналистамъ“ и отвергнутыми тогда съѣздами. Огорченный Домела Ньевенгайсъ послѣ этого „докатился до анархизма“, а выступавшій на съѣздахъ его оппонентомъ Г. Плехановъ докатился до „Единства“. Что лучше—это дѣло вкуса и не въ этомъ теперь дѣло. Дѣло въ томъ, что съ самаго начала нынѣшней войны Г. Плехановъ, въ противовѣсъ былымъ идеямъ Ньевенгайса и яко бы тождественнымъ имъ нынѣшнимъ идеямъ интернаціоналистовъ—сталъ на ярко „патріотическую“ точку зрѣнія, сталъ главою и родоначальникомъ „соціалъ-патріотовъ“. Радостный или печальный это фактъ—это тоже дѣло вкуса. Но вотъ что на томъ-же цюрихскомъ съѣздѣ 1893 года говорилъ, возражая Ньевенгайсу, представитель русскаго соціализма:

„Ньевенгайсъ указалъ на то, что и нѣмецкая буржуазія питаетъ чувства интенсивной ненависти противъ Франціи, и что раньше или позже это можетъ кончиться вторженіемъ во Францію нѣмецкихъ армій. Что же, развѣ нѣмецкое нашествіе менѣе опасно, чѣмъ русское нашествіе?“

„Говорятъ, что ужъ не такъ угрожающа русская опасность. Или вы забыли, что русскій царь заключилъ союзъ съ вашей фран-

цузской буржуазіей, что онъ—убійца Польши?.. Спросите делегатовъ Венгріи, Болгаріи, Сербіи, и вы узнаете, какъ угрожаетъ имъ эта русская опасность!"

„Ньевенгайсъ упрекалъ нѣмецкихъ товарищей въ шонивизмѣ, но вся его рѣчь имѣла цѣлью лишь разжечь противъ нѣмцевъ французское тщеславіе; да, милостивый государь, нельзя питать даже малѣйшихъ шовинистическихъ чувствъ, и потому—позоръ тѣмъ, кто явился сюда съ такими чувствами, позоръ тѣмъ, кто таитъ въ своемъ сердцѣ національное тщеславіе и національную вражду"!

„Бебель говорилъ противъ оффиціальной Россіи... Что касается русскаго народа, то онъ знаетъ, что наши нѣмецкіе друзья хотятъ его свободы".

„Давно пора покончить съ русскимъ царзмомъ, этимъ позоромъ всего цивилизованнаго свѣта, вѣчной угрозой европейскому миру и культурному прогрессу. И чѣмъ рѣшительнѣе наши нѣмецкіе товарищи атакуютъ царизмъ, тѣмъ мы имъ благодарнѣе. Браво, друзья, бейте его въ голову, волоките его на скамью подсудимыхъ, когда можете, нападайте на него всякимъ оружіемъ, какое только окажется въ вашемъ распоряженіи!"

„Да, если германскія арміи перейдутъ наши границы, то они придутъ къ намъ какъ освободители, какъ сто лѣтъ тому назадъ приходили въ Германію французы національнаго конвента, чтобы побѣдоносно вручить народу свободу черезъ головы князей!"

Этотъ русскій соціалистъ, призывавшій „освободительныя германскія войска" въ Россію, былъ никто иной, какъ... Г. Плехановъ.

Понятно теперь мое недоумѣніе: какой, съ Божьей помощью, крутой поворотъ совершилъ этотъ бывшій лидеръ за четверть вѣка! Изъ германофильскаго соціалъ-патріота онъ сталъ соціалъ-патріотомъ франко-русскимъ. Что изъ двухъ лучше? Оба хуже, конечно. Но, всетаки, недоумѣваю: не однофамилецъ-ли Г. Плеханова былъ на цюрихскомъ съѣздѣ? Или—что гораздо вѣроятнѣе—не однофамилецъ-ли подлиннаго Г. Плеханова дѣйствуетъ теперь, злоупотребляя его именемъ, въ „Единствѣ"?

30 мая.

БЕЛЬГІЙСКАЯ НОТА.

Получена „отъ Э. Вандервельде" характерная „бельгійская нота" Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ—новый и подробнѣйшій отвѣтъ на воззваніе Совѣта къ народамъ всего міра и на предложеніе съѣхаться въ Стокгольмѣ. Новаго по существу въ этой нотѣ нѣтъ ничего, характернаго и окончательно ставящаго точки надъ і—болѣе, чѣмъ достаточно.

Скучно въ тысячный разъ повторять, что и бельгійская нота признаетъ, конечно, миръ безъ аннексій, но, разумѣется, не желаетъ

считать аннексіей ни завоеваніе Италіей Тріеста, Трентино и Далмаціи (это мягко называется въ нотѣ—l'achèvement de l'unité italienne), ни „исправленіе границъ“ Германіи въ пользу Бельгіи (ибо нѣкоторыя принадлежащія Германіи селенія „кажется желаютъ перейти къ Бельгіи“, „paraissent dèsirer devenir ou redevenir belges“). Конечно, все это будетъ произведено только въ строгомъ согласіи съ волею населенія, но вотъ, въ случаѣ Эльзаса и Лотарингіи даже и заявленія такой воли, повидимому, не требуется, а надо просто отвоевать эти провинціи у Германіи—это будетъ не аннексія, а лишь „дезаннексія“, „desannexion“, которую на русскій языкъ удобно было бы перевести словомъ „безаннексія“...

Для русской революціонной демократіи всѣ эти положенія „большинствъ“ европейскихъ соціалистическихъ партій, конечно, совершенно непріемлемы; въ рядѣ странъ эти „большинства“ превращаются однако въ связи съ русской революціей въ „меньшинства“, и наоборотъ... Въ послѣднемъ—наша надежда на ростъ подлинныхъ революціонныхъ силъ въ Европѣ. Силы эти растутъ и множатся, но проявленіе ихъ не въ бельгійской нотѣ.

Нота эта говоритъ далѣе о мирѣ безъ контрибуцій—все то же самое, все въ прежнемъ направленіи и прежними словами: миръ безъ контрибуцій, но съ возмѣщеніемъ военныхъ расходовъ, съ уплатой за опустошенія. И здѣсь въ тысячный разъ спрашиваю; если Германія будетъ платить за разоренную Бельгію, то будетъ ли Россія платить за разоренную восточную Пруссію? И кто заплатитъ за разоренную войсками Германіи, Россіи и Австріи Польшу? Кто кому и сколько заплатитъ за кровь милліоновъ неповинно погибшихъ людей? Или, можетъ быть, по тридцать сребренниковъ назначитъ каждая страна за кровь каждаго убитаго сына своего? И неужели соціалистамъ надо еще доказывать, что невмѣстно имъ вести торгъ объ этой „цѣнѣ крови“?...

Далѣе бельгійская нота говоритъ о правѣ народовъ на самоопредѣленіе. И здѣсь—я радъ указать—нота не расходится съ тѣмъ пониманіемъ этой формулы, которое вкладываетъ въ нее революціонная русская демократія. Самоопредѣленіе это должно притти не извнѣ, а изнутри; его не даютъ, его берутъ, свободу и право несутъ не на концахъ своихъ штыковъ иноземные освободители: свободу и право добываетъ народъ во внутренней борьбѣ, въ революціи.

И только этимъ путемъ русская революція, перейдя въ революцію европейскую, въ революцію міровую, дастъ миръ міру, дастъ подлинную свободу измученному и истерзанному войною человѣчеству. Бельгійская нота вѣрно подчеркиваетъ, что не дипломатическими переговорами создастся новый демократическій строй Европы, а непосредственными „выступленіями массъ“ („une action de masse“). Бельгійская нота еще боится сказать о необходимости евро-

пейской *революціи*. Будемъ надѣяться, что это, и не въ одной Бельгіи, только боязнь словъ... а не дѣйствій.

И, вѣря въ это, мы, глубоко расходясь съ бельгійской нотой по цѣлому ряду существенныхъ вопросовъ, рады услышать отъ бельгійскихъ соціалистовъ слѣдующій призывъ къ „выступленію массы":

„Этому необходимому, практическому немедленному дѣйствію мы готовы оказать содѣйствіе всѣми нашими силами. Ибо только этимъ дѣйствіемъ можетъ проявиться во всей своей солнечной ясности общность мысли и дѣйствія пролетаріата, ибо только этимъ дѣйствіемъ можетъ возстановиться Интернаціоналъ"...

Всецѣло подписываюсь подъ этими прекрасными словами. Но слова обязываютъ! И мы теперь будемъ ждать, когда отъ словъ европейскія демократіи перейдутъ къ дѣйствію. Ибо лишь единое дѣйствіе—міровой революціи — побѣдитъ трехглавую терзающую міръ гидру: войну, имперіализмъ, буржуазію.

Сразу ли отсѣчетъ революція всѣ три главы—мы не знаемъ: но мы знаемъ, что всѣмъ имъ несетъ смерть—революція. И остановить ея шествіе пока еще никому не подъ силу; лишнее же доказательство ея силы мы видимъ даже и въ бельгійской нотѣ. Революція продолжается.

ЛИСІЙ ХВОСТЪ.

„Рѣчь" до крайности огорчена, изумлена, обижена „демагогическими пріемами" лѣвыхъ партій въ избирательной борьбѣ. Партіи эти, оказывается, прибѣгаютъ къ пріемамъ „самаго дурного тона", а именно: вмѣсто того, чтобы разъединять свои силы, вмѣсто того, чтобы ссориться между собой, соціалистическія партіи—вы подумайте!—„направляютъ главные удары противъ партіи народной свободы"! Вотъ они, демагогическіе пріемы самаго дурного тона! Соціалистическія партіи такъ-таки и заявляютъ прямо и откровенно, что русской революціи, а значитъ и благу всего русскаго народа, „теперь болѣе всего опасны сторонники к. д"; мало того—„на улицахъ Петрограда с.-р. расклеиваютъ плакаты и афиши, въ которыхъ нѣтъ ни слова о ленинцахъ, но зато выбрасывается лозунгъ, что кадеты готовятъ ударъ революціи въ спину".

Что дѣлать! Изъ пѣсни слова не выкинешь. Ибо постоянное злорадство и безпомощное злопыхательство кадетскаго офиціоза по отношенію къ революціи—слишкомъ общеизвѣстный фактъ, чтобы его нужно было лишній разъ доказывать. Съ какимъ восторгомъ сообщала, напримѣръ, на-дняхъ „Рѣчь", что союзники наши не будутъ отнынѣ „менажировать" русскую революцію! „Лучше поздно, чѣмъ никогда!"—захлебывался отъ радости по этому поводу кадетскій офиціозъ. А теперь онъ пытается, по случаю „экзамена" пар-

гіямъ на выборахъ, сдѣлать наивное и невинное лицо, теперь онъ юлитъ лисьимъ хвостомъ, теперь онъ скорбитъ, плачется, жалуется... Что дѣлать! Tu l'a voulu, George Dandin!

ВОЛЧЬИ ЗУБЫ.

Лисій хвостъ юлитъ, но тутъ же, на тѣхъ же столбцахъ, оскаливаются и волчьи зубы, пока что—безсильные; но подождите, дайте только „твердую власть“ въ руки этихъ владѣльцевъ волчьихъ зубовъ и лисьихъ хвостовъ, въ руки этой партіи обывательской свободы,—и вы увидите, какъ нѣжно будутъ они „менажировать“ русскую революцію! Теперь они лишь безпомощно щелкаютъ зубами, лишь натравливаютъ и власть, и обывателей противъ „революціонныхъ эксцессовъ“. Они надѣваютъ на себя маску защитниковъ, друзей и поборниковъ революціи (вотъ ужъ поистинѣ—избави насъ, Боже, отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся!), они на столбцахъ „Русской Воли“ по поводу кронштадтскихъ событій благородно заявляютъ, что „кронштадтскій инцидентъ будетъ отмѣченъ въ лѣтописи русской революціи, какъ грязная и предательскя контръ-революціонная попытка, направленная противъ всего революціоннаго русскаго народа“.

А въ „Рѣчи“ они, по поводу мѣръ, принятыхъ „противъ Кронштадта“ Временнымъ Правительствомъ, меланхолично вздыхаютъ:

„Итакъ, рѣчь идетъ только о „протестѣ“, послѣ котораго кронштадтцы „сами поймутъ“? Гдѣ же, опять-таки, здѣсь голосъ революціонной власти?“

И еще откровеннѣе—по поводу различныхъ, принимаемыхъ Временнымъ Правительствомъ „рѣшительныхъ мѣръ“:

„Указанныя мѣры пока- чисто отрицательныя, и мы еще не знаемъ, заговорила ли, дѣйствительно, революціонная власть и не ограничится ли она, заговоривъ, одними разговорами“.

Волчьи зубы щелкаютъ: дѣйствительно, вдругъ дѣло кончится „одними разговорами“? Не пора ли перейти къ „положительнымъ“ мѣрамъ, то-есть къ арестамъ, къ разстрѣламъ, къ карательнымъ экспедиціямъ, не такъ ли? Дайте только власть этимъ волкамъ въ овечьихъ шкурахъ, этимъ представителямъ обиженной буржуазіи въ шкурѣ партіи обывательской свободы,—и вы увидите, какъ начнутъ дѣйствовать волчьи зубы. А лисій хвостъ будетъ при этомъ либерально юлить,—это ужъ само собою разумѣется!

ИСКРЕННЕЕ ПРИЗНАНІЕ.

Не удивительно, что при такомъ положеніи дѣла иные сыны „буржуазнаго стана“ не выдерживаютъ, бѣгутъ отъ волчьей политики.

внѣшней и внутренней, отъ „имперіалистической дѣлежки міра“, отъ контръ-революціонной пропаганды внутри страны. Бывшій постоянный сотрудникъ „Рѣчи“, Александръ Бенуа, на столбцахъ „Новой Жизни“ такъ мотивируетъ свой разрывъ съ былыми единомышленниками:

„Вѣдь то, что сейчасъ дѣлаетъ буржуазія, есть какой-то жестокій кошмаръ, какъ казни Тиверія, инквизиція Филиппа II, драгоннады Людовика XIV. Нельзя же быть заодно съ этимъ, этому потворствовать. И *надо* быть съ тѣми, кто этому *главному* безобразію хочетъ положить предѣлъ. Мой долгъ передъ своей совѣстью повелѣваетъ мнѣ быть съ ними. Нужно быть съ ними, ибо съ „нашими“ нельзя больше быть. Ну, а когда наши одумаются въ той мирной обстановкѣ, которую имъ отвоюютъ ихъ сегодняшніе противники, то станетъ возможнымъ и мнѣ снова вернуться въ свою среду“.

Такъ говоритъ откровенный „буржуа“,—и это признаніе очень характерно: ему тяжело въ новой средѣ, соціализмъ ему чуждъ и тяжелъ, но дружба съ волчьими зубами стала ему невмоготу. Наивные люди, подобные ему, не видѣли и не видятъ, что сущность „буржуазнаго класса“ всегда и вездѣ одинакова: и въ войнѣ, и послѣ нея, и въ революціи, и до нея. Но теперь, дѣйствительно, такое острое время, что и наивные—понимаютъ, и слѣпые—прозрѣваютъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИМПЕРІАЛИСТЫ.

А тѣмъ временемъ „идеологи имперіализма“ продолжаютъ свою работу не за страхъ, а за совѣсть. Въ тѣснѣйшемъ и искреннѣйшемъ союзѣ съ „Рѣчью“ состоитъ нынѣ „Новое Время“, гдѣ акулы имперіализма работаютъ теперь во всю. Этотъ вѣрный офиціозъ былого департамента полиціи и идеологъ охраннаго отдѣленія—нынѣ рьяный союзникъ кадетовъ: „Голосуйте за списки партіи народной свободы!“—взываетъ онъ теперь къ обывателямъ. И въ области политики внѣшней этотъ органъ грудью стоитъ за захватные идеалы гражданина Милюкова; онъ глубоко возмущается „глупыми и преступными баснями, будто война затѣяна и ведется ради прибылей капиталистовъ“.

Онъ заявляетъ, что „предоставленіе черноморскихъ проливовъ въ распоряженіе Россіи“ есть „давнишняя мечта русскаго народа“, а потому—да не дерзаетъ Временное Правительство до рѣшенія Учредительнаго Собранія отказываться отъ проливовъ!

Былой офиціозъ охранки грозно предупреждаетъ:

„Лишить русскій народъ права самому рѣшить этотъ вопросъ, съ которымъ связана вся будущность нашего государства, значить поднять руку на его верховную власть, значитъ совершить актъ мятежа и измѣны народу!“

А гражданинъ Милюковъ съ горькимъ сочувствіемъ читаетъ эти свои мысли на столбцахъ столь враждебной ранѣе газеты... Теперь они—близкіе союзники и друзья. Обнимитесь всенародно, милые имперіалисты!

ИМПЕРІАЛИСТЫ ЗАРУБЕЖНЫЕ.

Пока отечественные имперіалисты терпятъ пораженіе за пораженіемъ отъ революціонной демократіи, пока „Рѣчь" и „Новое Время" горестно обнимаются на развалинахъ захватныхъ стремленій,—правители союзныхъ съ нами странъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ ставятъ препоны демократіямъ сговориться между собою. Французское правительство отказываетъ въ пропускѣ своихъ соціалистовъ на стокгольмскую конференцію; англійское—хотя и не считаетъ тактичнымъ отказывать, ибо „отказъ могъ бы повести къ весьма серьезнымъ недоразумѣніямъ съ русскими союзниками" (изъ рѣчи лорда Сесиля), но зато „полученіе паспортовъ не дастъ ихъ владѣльцамъ права принять участіе въ международной конференціи въ Стокгольмѣ, а тѣмъ болѣе, вступить прямо или черезъ посредство кого-либо въ сношенія съ непріятельскими подданными. Только въ случаѣ принятія этого условія паспорта будутъ выданы" (изъ той же рѣчи)...

Всѣ эти откровенныя насилія въ „свободныхъ демократіяхъ" Запада нисколько не удивляютъ, они въ порядкѣ вещей; говорить о революціонныхъ правахъ народа съ г.г. Тома и Бьюкененами,—замѣчаетъ „Новая Жизнь",—безцѣльно и безполезно: „не къ нимъ, не къ офиціальнымъ апологетамъ имперіализма, а къ европейской демократіи, которая уже начинаетъ освобождаться отъ гипноза имперіалистической софистики, должна обращаться демократія нашей страны".

Въ революціонныя силы европейской демократіи мы вѣримъ—и знаемъ, что вѣра наша не останется напрасной.

МОЛЧАНІЕ—СЕРЕБРО.

И зарубежные имперіалисты, и имперіалисты отечественные—одинаково продолжаютъ хранить стыдливое молчаніе по поводу „аннексіи" Италіей Албаніи.

Съ интересомъ желаю узнать, что думаютъ о семъ конфузномъ случаѣ наши либералъ-имперіалисты и соціалъ-имперіалисты,—„Рѣчь", „Единство" и имъ подобные органы; но молчаніе ихъ глубоко и неизмѣнно... Однако, если еще на-дняхъ они могли считать, что молчаніе это—золото, то съ каждымъ днемъ цѣна такого изобильнаго молчанія понижается; молчаніе ихъ идетъ уже по курсу серебряной монеты. А еще нѣсколько дней—и, пожалуй, всѣмъ станетъ ясно, что

этому сконфуженному молчанію цѣна „бумажная“... Интересно: сколько времени промолчатъ они еще, и до какой цѣны упадетъ тогда курсъ на ихъ сконфуженное и пристыженное молчаніе?

УПУЩЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

А вотъ, когда подлинно надо бы помолчать, тогда у людей развязывается вдругъ языкъ, и говорятъ они многословно, некстати и неумѣстно. Такъ случилось на-дняхъ съ Г. Плехановымъ, который на страницахъ „Единства“ напечаталъ письмо, посланное имъ всероссійскому крестьянскому съѣзду, который, какъ извѣстно, сталъ на платформу аграрной программы партіи с.-р. При такомъ явномъ пораженіи программы той партіи, лидеромъ которой былъ Г. Плехановъ, ему оставалось либо промолчать, либо энергично отстаивать главные пункты своей программы. Онъ избралъ послѣднее. И знаете, на какой главный и единственный пунктъ обратилъ онъ всю силу своихъ доводовъ? На положеніе помѣщиковъ, въ случаѣ соціализаціи земли безъ выкупа.

„Представимъ себѣ крупнаго землевладѣльца. Владѣя большимъ количествомъ земли, онъ является богатымъ человѣкомъ. Но онъ богатъ только до тѣхъ поръ, пока у него не отобрана земля. Какъ только у него возьмутъ землю безъ выкупа, онъ сдѣлается нищимъ. Правда, у него могутъ быть деньги въ банкѣ. Тогда онъ не пропадетъ, если... если денегъ у него довольно. А если денегъ нѣтъ, онъ неизбѣжно обнищаетъ“.

Вотъ и все, что заботитъ бывшаго лидера въ аграрномъ вопросѣ! Какъ бы не обнищали помѣщики, ибо не въ интересахъ народа „плодить нищихъ“. И въ этомъ—вся аграрная мудрость Г. Плеханова: выкупъ за землю! Правда, выкупъ небольшой, ибо—„Россія слишкомъ бѣдна для того, чтобы платить милліоны владѣльцамъ огромныхъ помѣстій, которыя получались ихъ предками за услуги, не имѣвшія ничего общаго съ народнымъ благомъ (вспомнимъ хотя бы о многочисленныхъ любовникахъ Екатерины II)“.

Очень сильный аргументъ въ пользу выкупа. Но все-таки, если ничего другого по сложнѣйшему земельному вопросу не имѣлъ сказать бывшій лидеръ, то не упустилъ ли онъ хорошаго случая промолчать?

31 мая.

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ.

Три мѣсяца послѣ революціи крѣпился „День“—старался угодить и нашимъ и вашимъ, старался быть органомъ на половину „буржуазнымъ“, на половину чуть ли не соціалистическимъ; то

бралъ фальцетомъ высочайшія соціалъ-патріотическія ноты, то скромно подпѣвалъ „интернаціоналистическому“ хору. Но теперь пора сомнѣній миновала, и газета смѣло поднимаетъ соціалистическій флагъ.

„Мы сегодня открыто заявляемъ себя тѣмъ, чѣмъ были съ момента, какъ революція благословила насъ на трудъ свободнаго слова“.

„Мы сегодня говоримъ: „День“—газета соціалистическая, ибо соціализмъ—это для насъ верховный принципъ нашего мышленія и нашего дѣланія“.

Поздравляю газету съ „самоопредѣленіемъ“, — соціалистическая такъ соціалистическая: отъ слова не станется. Не первая и не послѣдняя эта „тожесоціалистическая“ газета—мало ли ихъ у насъ теперь! Но эти „тоже-соціалисты“, только что поднявъ флагъ соціализма, тутъ же служатъ панихиду по русской революціи:

„Россійская революція могла сыграть крупную освободительную роль. Правда, она не несла Россіи царства соціализма и не можетъ Европѣ дать царства братства и справедливости“.

„Но и Россіи и Европѣ россійская революція могла помочь создать демократическій строй, возсоздать Интернаціоналъ и приблизить конецъ войны, завершивъ ее наиболѣе справедливымъ и, насколько возможно въ условіяхъ нашего строя, прочнымъ миромъ“.

Все это „могло быть“, — плачется новая соціалистическая газета,—если бы революціонная Россія не изолировала себя и не выступила противъ союзныхъ правительствъ. А она осмѣлилась разсердить эти правительства! И что же вышло?

„Америка насъ наставительно поучаетъ, что фразы не доведутъ до добраго конца“.

„Англія съ истинно джентльменскимъ видомъ цѣдить, что если русское правительство того желаетъ, британское правительство совершенно готово съ своими союзниками изслѣдовать и, если нужно, пересмотрѣть соглашенія“.

„А Франція—та уже махнула на насъ рукой и сообщаетъ намъ, какъ державѣ, сохраняющей дружественный нейтралитетъ, что она будетъ сражаться со своими союзниками до побѣды, дабы обезпечить за Эльзасомъ и Лотарингіей полное возстановленіе ихъ территоріальныхъ правъ“.

Такъ изолирована теперь революціонная Россія. И подѣломъ! Не серди свое и союзныя правительства, не обращайся съ воззваніями къ народамъ!

Первый дебютъ новой соціалистической газеты, какъ видите, блестяще удался: она завоевала себѣ право стать рядомъ съ соціалистическимъ „Единствомъ“. Сосѣдство истинно пріятное и многообѣщающее.

Не одна „соціалистическая“ газета „День“, но и всѣ остальныя либеральныя и не-либеральныя газеты откликаются въ унисонъ на отвѣтныя ноты союзныхъ правительствъ: „Рѣчь“, „Русская Воля“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Единство“—всѣ они въ восторгѣ, что правительства эти не собираются болѣе „менажировать“ русскую революцію. Всего ароматнаго букета этихъ восторговъ не буду приводить. Но для образца приведу три отрывка: изъ „соціалистическаго“ „Единства“, либеральнаго „Русскаго Слова“ и черносотенныхъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Единство“ негодуетъ на Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который осмѣливается „миръ безъ аннексіей“ толковать въ смыслѣ именно... „мира безъ аннексій“, а не какъ-нибудь иначе. Разъ миръ „безъ аннексій“, то не будетъ и никакихъ „дезаннексій“, по хитроумной формулѣ министра Вандервельде, которую на русскій языкъ я перевожу обратнымъ словомъ „безаннексія“. Какъ!—возмущается „Единство“,—безаннексія! Тогда уже лучше—„скажите прямо: народы Европы, возвратитесь въ исходное положеніе, въ которомъ вы находились въ день объявленія войны, и... и готовьтесь къ новой бойнѣ, которую германскимъ юнкерамъ, въ союзѣ съ германскимъ капиталомъ, при поддержкѣ германской соціалъ-демократіи, угодно будетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ возобновить съ удвоенной энергіей и съ болѣе успѣшными (для себя) результатами“.

Охотно „скажу это прямо“, только какъ разъ въ обратномъ смыслѣ: да, если миръ будетъ съ аннексіями, если демократія будетъ не въ силахъ одолѣть буржуазію, то народамъ предстоитъ впереди новая бойня во славу имперіализма, и германскаго, и англійскаго. Неужели это до сихъ поръ такъ трудно понять?

„Либеральное“ „Русское Слово“ эпически противопоставляетъ воззваніе русской революціонной демократіи отвѣту союзныхъ правительствъ.

„Каждая воюющая страна, руководимая своимъ правительствомъ, борется на началахъ національнаго единенія и на основѣ союзныхъ соглашеній для достиженія побѣды надъ врагомъ. Эта побѣда должна принести за собой миръ, отвѣчающій національнымъ интересамъ данной страны и стремленіямъ всего человѣчества къ одному международному порядку, проникнутому духомъ свободы и права“.

„Это—схема французская“.

„Соціалистическая конференція принимаетъ общее рѣшеніе, обязательное для всѣхъ соціалистическихъ партій, независимо отъ національности. Для того, чтобы ликвидировать „внѣшнюю“ войну, она предписываетъ каждой соціалистической партіи объявить у себя

дома „внутреннюю“ войну своему „имперіалистическому“ правительству“.

„Это — схема петроградскаго Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ“.

„Обѣ схемы другъ друга исключаютъ“.

„Это—не только противорѣчіе программы и тактики, это—противорѣчіе двухъ абсолютно-непримиримыхъ міросозерцаній“.

Совершеннѣйшая истина! И я съ полнымъ удовольствіемъ присоединяюсь (рѣдкій случай) къ такому „постанову вопроса“ гражданами изъ „либеральной“ печати. Ну, а въ выводахъ—мы, конечно, разойдемся въ разныя стороны, предоставляя „Русскому Слову“ и всей братіи пѣтушками семенить за „французской схемой“...

Наконецъ, богатѣйшія залежи остроумія раскопалъ я на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Ограничусь простой передачей ихъ, безъ комментарій: они сами за себя достаточно говорятъ.

„Однимъ изъ тревожнѣйшихъ симптомовъ переживаемаго нами времени слѣдуетъ считать волненіе за Россію нашихъ союзниковъ. Съ глубокой скорбью приходится сознаться, что союзныя державы имѣютъ полное основаніе волноваться за насъ...“

„Мы должны отдать полную справедливость нашимъ союзникамъ; они были на высотѣ по отношенію къ намъ. Ихъ терпѣніе, ихъ снисходительность, ихъ готовность во всемъ и всегда притти къ намъ на помощь все время были безграничны...“

„Они видѣли въ насъ трудно-больныхъ и по-братски отнеслись къ нашей болѣзни...“

„За время революціи *мы держали экзаменъ на европейцевъ*. Нашими арбитрами были союзныя съ нами державы...“

Здѣсь все одинаково прелестно, но лучше всего то, что для черносотенной газеты революція есть „экзаменъ на европейцевъ“. Чего же, въ такомъ случаѣ, газета до революціи такъ долго стояла въ рядахъ папуасовъ? Наивный вопросъ! Вѣдь это революцію газета считаетъ „готтентотствомъ“!

„Мы спустились на уровень папуасовъ и готтентотовъ. Куда же дальше итти? Можетъ быть къ каннибальству? Но и этого, можетъ быть, долго ждать не придется“.

Не мѣшаетъ иной разъ предаться и мирнымъ развлеченіямъ, почитать юмористическую литературу... Но—странно!—не кажется ли вамъ, что вы ни за что не отгадали бы безъ предувѣдомленія, что всѣ эти перлы и адаманты взяты изъ офиціоза черной сотни? Не слышимъ-ли мы ежедневно совершенно такіе же вопли со столбцовъ всей нашей „либеральной“ печати? Страннаго тутъ ничего нѣтъ; здѣсь простое подтвержденіе факта тѣснаго черносотенно-либеральнаго блока, стоящаго нынѣ противъ всей революціонной демократіи.

Взглядъ же русской революціонной демократіи достаточно извѣстенъ; ограничусь поэтому лишь отрывкомъ изъ „Извѣстій Совѣта

Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ" по поводу посланія Вудро Вильсона:

„Объ этомъ посланіи не за чѣмъ много говорить. Президентъ Вильсонъ ошибается, если думаетъ, что такія мысли могутъ найти доступъ къ сердцу революціоннаго народа Россіи. Россійская революціонная демократія слишкомъ хорошо и твердо знаетъ, что путь къ страстно ожидаемому всеобщему миру лежитъ только черезъ объединенную борьбу трудящихся всего міра съ міровымъ имперіализмомъ. Ее не могутъ поэтому сбить съ толку никакія туманныя и высокопарныя фразы. И само собою понятно, какія чувства вызоветъ въ ней странная претензія изобразить все болѣе и болѣе возрождающійся въ международномъ соціализмѣ духъ братства и мира, какъ... результатъ германской интриги. Не на такомъ языкѣ говоритъ демократія Россіи".

Но именно на такомъ языкѣ говоритъ либерально-черносотенная буржуазія Россіи.

МНѢНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Если мы изъ области внѣшней политики перейдемъ къ самому основному вопросу—о сущности русской революціи, то встрѣтимся здѣсь съ тѣмъ мнѣніемъ именитыхъ россійскихъ „либераловъ", которое съ блистательной ясностью освѣщаетъ намъ всю ихъ психологію. Во вчерашнихъ газетахъ я прочелъ искреннѣйшее мнѣніе „столпа и утвержденія кадетской истины", В. Маклакова, высказанное имъ передъ обширнымъ собраніемъ:

„Легальное происхожденіе нашей власти идетъ не только отъ революціи, а отъ нѣкоторыхъ актовъ царствовавшаго дома. У насъ черезъ „Сенатскія Вѣдомости" Временное Правительство опубликовало въ числѣ актовъ, изъ которыхъ оно вышло, отреченіе бывшаго государя и отреченіе отъ престола Михаила".

Просто подумать страшно,—что мы, бѣдные, дѣлали бы, не будь у насъ этихъ двухъ „отреченій"! Вѣдь, всѣ мы были бы, несмотря на полную побѣду революціи, „нелегальными"! Легко-ли такое слово выговорить кадету?.. И когда въ отвѣтъ на кадетскій „легализмъ" одинъ изъ соціалистовъ удивленно замѣтилъ, что „тѣ, кто аппелируетъ къ легальному порядку и къ легальному происхожденію революціи, тѣ или допускаютъ безсознательный самообманъ, или допускаютъ сознательный обманъ, ибо революція — это есть насиліе, передача власти изъ рукъ одного класса, въ руки другого класса", — то другой кадетскій столпъ, В. Набоковъ, въ отвѣтъ на эту азбучную истину, съ ужасомъ заявилъ, что такая теорія есть явный „большевизмъ"! Такъ именитые „либералы" думаютъ о

русской революціи... Это не помѣшаетъ имъ завтра же горячо утверждать, что всѣ они—отъ младенческихъ лѣтъ убѣжденнѣйшіе революціонеры.

МНѢНІЕ ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

А вотъ для полноты картины и характернѣйшее мнѣніе „либераловъ“ зарубежныхъ.

Въ послѣднемъ нумерѣ распространеннаго „либеральнаго“ англійскаго ежемѣсячника „Ninenteenth Century and Aftar“ (May) помѣщена статья о русской революціи. Статья подписана Джонъ Поллокъ и помѣчена Петроградомъ 11 (24) марта 1917 г., слѣдовательно, писалась въ самый разгаръ событій. Къ статьѣ добавлено нѣсколько строкъ послѣсловія сэра Фредерика Поллока, извѣстнаго англійскаго юриста.

Сэръ Фредерикъ рекомендуетъ сочинителя этой статьи, „своего сына Джона“, какъ „цѣлыхъ два года прожившаго въ Россіи“, „часто бывавшаго въ Москвѣ, Кіевѣ и др. мѣстахъ“ и, поэтому, очевидно, большого знатока русскихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и русской революціи...

Какъ произошла русская революція? Причины ея Поллоку-младшему ясны. И онъ о нихъ безапелляціоннымъ тономъ вѣщаетъ:

„Съ одной стороны — провокація Протопопова, съ другой — германскія деньги, розданныя русскимъ соціалъ-демократамъ, для которыхъ призывъ къ интернаціонализму звучитъ ближе, чѣмъ патріотизмъ“.

Вотъ какъ понимаетъ просвѣщенный либеральный британецъ великую русскую революцію! Вотъ какъ просто—провокація и подкупъ!—объясняетъ онъ всемірное событіе, одно изъ первыхъ звеньевъ грядущей всемірной революціи!

Что это: только ли одна толстолобность англійскаго буржуа, для котораго „нѣмецкія деньги“ понятнѣе, чѣмъ всенародный энтузіазмъ, буржуа, который не хочетъ или не можетъ понять смысла происходящихъ событій? Или здѣсь дѣло идетъ о чемъ то болѣе серьезномъ,—о попыткѣ англійской буржуазіи поставить всевозможныя препоны дружбѣ русской и британской демократіи, объ умышленномъ желаніи англійской буржуазіи скомпрометировать у себя на родинѣ великое дѣло русской революціи?

1 іюня.

„САМООПРЕДѢЛЕНІЕ“ ГРЕЦІИ.

Послѣ непринужденной „аннексіи“ Албаніи Италіей — принудительное „самоопредѣленіе“ Греціи: въ одну недѣлю—два блестящихъ

предметныхъ урока со стороны правительствъ союзной коалиціи на тему „миръ безъ аннексій и на основѣ самоопредѣленія народовъ"...

„Верховный комиссаръ", французскій сенаторъ Жоннаръ, прибывъ въ Аѳины, имѣлъ бесѣду съ греческимъ министромъ-президентомъ, въ которой „отъ имени державъ-покровительницъ Греціи" потребовалъ отреченія греческаго короля отъ престола, сообщилъ, что союзныя державы скупаютъ „весь урожай въ Ѳессаліи" и будутъ контролировать его распредѣленіе между греческими провинціями, извѣстилъ объ установленіи военныхъ постовъ союзниковъ на Коринѳскомъ перешейкѣ и о введеніи вооруженныхъ силъ союзниковъ въ Аѳины.

Послѣ этого король отрекся отъ престола въ пользу младшаго сына, французскія войска высадились въ Коринѳѣ, а англійскія войска вступили въ Ѳессалію, заняли городъ Элассону „и безпрепятственно продолжаютъ свое наступленіе вглубь страны"... Подъ вліяніемъ столь убѣдительныхъ аргументовъ „греческое правительство выпустило сообщеніе, въ которомъ подчеркивается, что державы согласія не намѣрены посягать ни на права Греціи, ни на ея конституцію и хотятъ лишь, чтобы она была сильной и независимой"...

Такъ „самоопредѣлилась" Греція.

Не буду оцѣнивать „политическаго" значенія этого акта, ибо на первомъ планѣ стоитъ не политика, а этика. А съ этой точки зрѣнія ясно каждому, что между разбойнымъ нападеніемъ имперіалистской Германіи на Бельгію, Австріи на Сербію и нынѣшнимъ „наступленіемъ вглубь Греціи" союзныхъ правительствъ нѣтъ никакого различія по существу. Слѣпые могутъ этого не видѣть, глухіе могутъ не услышать этой правды, но русской революціонной демократіи не пристало закрывать на эту правду глаза...

Ограничиваюсь поэтому простымъ подчеркиваніемъ факта: съ Албаніей произведена „безаннексія", Греція „самоопредѣлилась"— и, такимъ образомъ, формула мира русской революціонной демократіи начала блестяще проводиться въ жизнь.

6 іюня.

БУМАЖНОЕ МОЛЧАНІЕ.

Недѣли двѣ тому назадъ я интересовался: какъ отнесется „либеральная" пресса къ факту „аннексіи" Италіей Албаніи. Но тогда печать эта хранила „золотое" молчаніе.

Прошла недѣля—изобильное молчаніе стало обезцѣниваться; и только въ однѣхъ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" встрѣтилъ я конфузливое порицаніе Италіи за необдуманный шагъ. Какъ же, молъ, такъ? Присоединили, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, не опросивъ

всѣхъ союзниковъ! Вотъ тебѣ и миръ безъ аннексій! Въ другихъ крупныхъ „либеральныхъ" органахъ не встрѣчалось по этому вопросу ничего, ясно и твердо выражающаго негодованіе господъ либераловъ на безцеремонный захватъ.

Прошла еще недѣля. Въ итальянскомъ кабинетѣ министровъ—кризисъ изъ-за албанскаго вопроса: такъ называемые министры-соціалисты выходятъ изъ кабинета. Исполнительный комитетъ всероссійскаго мусульманскаго совѣта обращается съ открытымъ письмомъ-протестомъ къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ. А „либеральныя" газеты молчатъ попрежнему, словно воды въ ротъ набрали. И этому постыдному молчанію—цѣна поистинѣ „бумажная", ниже всякой возможной цѣны...

Достаточно! мы убѣдились въ томъ, въ чемъ и безъ того достаточно были увѣрены: какъ свято и рыцарски защищаютъ „право" и „справедливость" господа либералы, такіе горячіе борцы за „самоопредѣленіе" народовъ! На словахъ-то они всѣ—борцы и апостолы...

„ЗАКЛАНІЕ ЖИРНАГО ТЕЛЬЦА".

Но вотъ зато насчетъ „самоопредѣленія" Греціи—всѣ они скачутъ и играютъ. Неумѣло дѣлаютъ онѣ видъ, что главное тутъ—въ „освобожденіи Греціи отъ короля-тирана"... Короля-тирана мы охотно отдаемъ въ ихъ руки (подумаешь, какими ярыми революціонерами стали, однако, наши оппозиціонеры его величества!), но спутать карты все-таки имъ не удастся: главное тутъ не въ сверженіи короля, а въ насиліи надъ народомъ. И вотъ почему такъ цинично звучатъ ихъ телеграммы о томъ, что „отреченіе короля Константина вызвало по всей Греціи неописуемый энтузіазмъ".

А черезъ нѣсколько строкъ въ той же газетѣ узнаемъ болѣе подробно, въ чемъ этотъ „энтузіазмъ" выразился:

„Въ Ларисcѣ произошло столкновеніе между греческими регулярными войсками и французской кавалеріей, послѣ котораго состоялось погребеніе убитыхъ французскихъ офицеровъ и солдатъ при большомъ стеченіи мѣстнаго населенія, выражавшаго свое сочувствіе".

Кому выражало сочувствіе населеніе,—объ этомъ, конечно, умалчивается... И невольно вспоминаются телеграммы „собственныхъ корреспондентовъ" германскихъ газетъ изъ Бельгіи въ августѣ 1914 года, когда корреспонденты эти съ яснымъ челомъ заявляли, что Бельгія встрѣчаетъ, въ общемъ, „сочувственно" германскія войска... У волковъ всѣхъ странъ—повадка одинаково волчья.

Это не мѣшаетъ имъ, устами даже Густава Эрвэ, восторженно приглашать греческій народъ „принять участіе въ борьбѣ за свободу, и тогда мы заколемъ жирнаго тельца, чтобы отпраздновать возвращеніе блуднаго сына".

Фарисеи соціализма—худшій видъ фарисеевъ. И „Новая Жизнь“ имѣетъ основанія по этому поводу вопросить:

„Всѣ ли наши соціалисты съ надлежащей рѣзкостью заклеймили итальянское правительство за аннексію Албаніи, французское правительство—за намѣреніе аннексировать Эльзасъ-Лотарингію и всѣ правительства согласія—за насиліе надъ Греціей?“

Вопросъ, конечно, реторическій... Мало ли у насъ тоже-соціалистовъ, которые готовы идти рядомъ съ гражданами Милюковыми чуть ли не вплоть до Босфора и Дарданелъ, — и ужъ, во всякомъ случаѣ, радостно готовы подать руку Эрвэ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ закалывать разныхъ „жирныхъ тельцовъ“ во славу свободы!

„Во славу свободы“ многое можно сотворить. Можно, говоря о свободѣ народовъ, завоевывать Бельгію и „освобождать“ Грецію; можно было даже,—какъ это сдѣлалъ въ свое время Эрвэ,—провозглашать во имя свободы: „Да здравствуетъ русскій царь!..“ Кстати сказать, либеральная „Рѣчь“ весьма одобряетъ такой поступокъ Эрвэ:

„Быть можетъ, Эрвэ заслуживаетъ не презрѣнія высокомѣрнаго, а удивленія—въ томъ, что во имя долга передъ родиной онъ заставилъ себя привѣтствовать Николая“.

„Воззри на дивящихся и пріемли мзду свою!“

Мзда же—не замедлитъ: мало ли „жирныхъ тельцовъ“ осталось еще незаколотыми!

БЛУДНЫЕ СЫНЫ

Кстати о „жирныхъ тельцахъ“... Много теперь любителей ихъ выползаетъ изъ разныхъ щелей, куда они, любители эти, запрятались при первыхъ звукахъ революціи. Революція теперь,—думаютъ они,—уже входитъ въ берега, а значитъ—пора и блуднымъ сынамъ возвращаться на пиръ.

Такіе „блудные сыны“ собрались теперь въ Москвѣ на „всероссійскій съѣздъ духовенства и мірянъ“, и совершенно напрасно наша соціалистическая печать не удѣляетъ вниманія этому новому гнѣзду организующихся контръ-революціонныхъ силъ.

Конечно, отцы и братія начали съ того, что пропѣли „вѣчную память“ борцамъ за свободу—нельзя же иначе! Затѣмъ предложили послать гражданину Родзянкѣ привѣтственную телеграмму: „Рабъ Божій Михаилъ, веди насъ, мы твои слуги!“ Но даже отцамъ и братіямъ такая откровенность показалась чрезмѣрной, и телеграмму эту отмѣнили.

Зато въ рѣчахъ—не стѣснялись и были откровенны. Извѣстный профессоръ Булгаковъ, бывшій марксистъ, потомъ „идеалистъ“, а потомъ и неприкровенный „царистъ“,—тотъ самый, который съ іюля 1914 г. усердно отравлялъ души и умы рядомъ статей, восхвалявшихъ

„бѣлаго царя“,—тотъ самый профессоръ Булгаковъ выступилъ теперь съ рѣчью о революціи, о демократіи. О, конечно, онъ теперь—блудный сынъ, вернувшійся къ родимому очагу свободы, онъ теперь уже не восхваляетъ Россію, „ведомую царемъ своимъ“, онъ теперь уже говоритъ (по передачѣ „Новаго Времени“) о томъ, что „великія событія, происшедшія въ Россіи, заставили всю Европу содрогнуться и заговорить другимъ языкомъ“. Но, содрогнувшись и заговоривъ на минуту „другимъ языкомъ“, блудный сынъ сейчасъ же заговорилъ прежнимъ, привычнымъ языкомъ. „Революція,—сказалъ онъ,—уже создала своихъ идоловъ: демократію, народовластіе“,—и въ этомъ ея расхожденіе съ церковью. Ибо„—церковь противоположна задачамъ демократіи, рѣшенію вопросовъ большинствомъ голосовъ. Демократія говоритъ о равенствѣ правъ, а церковь—о равенствѣ обязанностей. Церковь говоритъ о Св. Троицѣ, а демократія—о троицѣ изъ солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, стремясь замѣнить Св. Троицу своею. Русская церковь стоитъ на распутьи. Ей надо побѣдоносно пройти мимо стоящаго на ея пути соблазна—демократіи, которая является послѣднимъ словомъ гуманизма. Православію предстоитъ разрѣшить великія задачи въ мірѣ и исторіи“.

Церкви и демократіи—не по дорогѣ: неужели такая постановка вопроса со стороны блудныхъ сыновъ недостаточно ясна и вразумительна? И удивляться ли поэтому, что, когда выступившій на съѣздѣ представитель петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ сказалъ, что „церковь должна быть возстановлена на тѣхъ началахъ, которыя заповѣданы Христомъ, и пастыри не должны принимать участія въ политической жизни“, то отцы и братія горячо запротестовали, указывая, что-де „пастыри не лишены гражданскихъ правъ и нравственно обязаны участвовать въ политической жизни. Они молчали, но теперь не будутъ молчать!“

Вотъ когда, наконецъ, обрѣли они даръ слова и заговорили! Нѣтъ, ужъ теперь-то они не будутъ молчать, извините! Теперь они будутъ „участвовать въ политической жизни“ и, хотя не послали телеграммы гражданину Родзянкѣ, да зато—подождите!—сами пойдутъ современемъ къ нему: „Рабъ Божій Михаилъ, веди насъ! Мы—твои слуги!“ Ибо въ массѣ своей были они всегда слугами реакціи, а теперь, пропѣвъ „вѣчную память“ борцамъ за свободу, торопливо и откровенно становятся въ ряды борцовъ противъ революціи.

13 іюня.

ПОХВАЛА ОСЦІАЛИЗМУ.

Въ какой газетѣ вы ежедневно встрѣтите теперь восторженные возгласы въ честь „мучениковъ-декабристовъ“, патетическія славословія во славу „четырехъ поколѣній борцовъ за свободную Россію“?..

Ну, конечно же, въ „Новомъ Времени“! Ибо надо же ему какъ-

нибудь, не дѣлами, такъ словами, замазать свою службу и за страхъ и за совѣсть охранному отдѣленію.

Напрасныя надежды, конечно: грязи этой не смоете съ себя, малопочтеннѣйшіе, никакими либеральными словами...

Вотъ и вчера на столбцахъ этого органа находимъ сладчайшую похвалу соціализму. То есть вы понимаете, конечно: не нынѣшнему реальному соціализму, который не сегодня завтра возьметъ да и проведетъ въ жизнь соціализацію земли (да еще—horribile dictu!—безъ выкупа!..). Нѣтъ, это—соціализмъ непріятный, „захватный“, въ то время какъ пріятный соціализмъ „никогда не призываетъ къ захватамъ и къ раздѣлу чужого имущества“. А по существу—„соціализмъ есть высокое философское ученіе! Не даромъ основателемъ его былъ Платонъ, считающійся провозвѣстникомъ христіанской морали въ языческую эпоху. Томасъ Моръ, авторъ великолѣпной и до сихъ поръ непревзойденной „Утопіи“, былъ священникомъ и его знаменитая книга—гимнъ идеаламъ соціализма—полна чисто-христіанской идеи! Это и неудивительно, такъ такъ въ христіанскомъ ученіи, несомнѣнно, есть сходныя черты съ ученіемъ соціалистическимъ, и не даромъ первыя христіанскія общины, да и нынѣшніе монастыри, не знаютъ частной собственности, но знаютъ трудовую дисциплину, общественное производство и полное экономическое равноправіе членовъ общины. Единственный опытъ соціалистическаго государства (въ Парагваѣ) былъ примѣненъ католическими монахами—и съ успѣхомъ! Сенъ-Симонъ, Робертъ Оуэнъ (родоначальники новѣйшаго „идеальнаго“ или „утопическаго“ соціализма)—настоящіе подвижники, друзья человѣчества! Въ высокомъ философскомъ смыслѣ ученія основателей „научнаго“ соціализма (Луи Блана, Родбертуса, Карла Маркса) также наврядъ ли можетъ быть какое либо сомнѣніе“.

Сколь усладительно читать сіи, дышащія симпатіею строки! Ужъ если и офиціозъ былого охраннаго отдѣленія дѣлаетъ видъ, что восчувствовалъ глубину и чистоту ученія соціализма, то, значитъ, подлинно глубока побѣда.

Но нѣтъ, не обольщайтесь! Все это относится лишь къ соціализму „идеальному“ и приводится какъ разъ въ укоръ реальному соціализму нашихъ дней. Бывшій офиціозъ готовъ, впрочемъ, примириться съ „послѣдователями научнаго соціализма“ (по его выраженію), съ соціалъ-демократами, которые „полагаютъ, что путь для осуществленія ихъ идеаловъ очень длинный. Человѣчество предварительно должно пройти черезъ горнило капитализма и пролетаризаціи народныхъ массъ. Даже вся земля, предварительно ея соціализаціи, должна неизбѣжно перейти въ руки кучки крупныхъ капиталистовъ: таковъ неизбѣжный законъ капитализма, необходимаго условія грядущаго соціализма“. Вы видите: разъ путь „очень длинный“, разъ вся земля должна еще перейти до соціализаціи въ руки крупныхъ капиталистовъ, то тутъ сердце былого офиціоза готово успокоиться...

Но вотъ есть другая соціалистическая партія, совсѣмъ-совсѣмъ непріятная! Судите сами: представители ея считаютъ (дальше приводимъ слова офиціоза во всей ихъ прелестной неприкосновенности), что „идеи соціализма можно осуществить очень скоро (отсюда названіе: соціалистъ-революціонеръ) путемъ образованія отдѣльныхъ соціалистическихъ обществъ (коммунъ), находящихся въ извѣстной связи и зависимости другъ отъ друга. Земельная частная собственность, по этому ученію, должна быть упразднена прежде всего, что можетъ быть сдѣлано немедленно, и замѣнена собственностью коммунальной („муниципализація земли"). Община обрабатываетъ свою землю совмѣстнымъ трудомъ, а продукты дѣлятъ поровну. Извѣстная часть общественнаго продукта обмѣнивается на необходимые для общины предметы, которыхъ она сама не производитъ. Но, по возможности община должна все производить сама, община—нѣчто самодовлѣющее. Члены общины живутъ въ „фаланстерѣ" (общежитіи),—великолѣпномъ дворцѣ, своего рода чудѣ искусства, представляющемъ верхъ роскоши и комфорта".

Нельзя не позабавиться этой невинной ерундой. Но за этой невинной ерундой кроется ненависть, кроется злоба противъ тѣхъ соціалистовъ, которые „вступили на путь соціальной революціи и открыли походъ противъ частной собственности"... Былой офиціозъ поэтому скорбитъ... за соціализмъ! „Сумбурные аграрные проекты разныхъ нашихъ политическихъ партій,—плачется онъ,—незачѣмъ прикрывать свѣтлымъ знаменемъ соціализма"... Это прелестно: защита „свѣтлаго знамени соціализма" на столбцахъ „Новаго Времени"!

И, въ видѣ друга, союзника и авторитета, этотъ органъ привлекаетъ въ свои объятія эксъ-марксиста и эксъ-соціалиста, профессора Туганъ-Барановскаго. „Мы,—пишетъ газета,—совершенно согласны съ М. И. Туганъ-Барановскимъ, лучшимъ у насъ знатокомъ соціалистическихъ теорій, что предлагаемыя у насъ „національзація", „соціализація", „муниципализація" и т. д. земли ничего общаго не имѣютъ съ соціализмомъ". Такое замѣчательное открытіе Америки завершаетъ всю эту прелестную „похвалу соціализму".

А вотъ, кстати сказать, въ тотъ же день, тотъ же эксъ-марксистъ пишетъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" о своихъ украинскихъ „впечатлѣніяхъ съ мѣстъ" по поводу земельнаго вопроса, и—о ужасъ!—статья его волею или неволею является подлинно „похвалою соціализму" или, вѣрнѣе, признаніемъ глубоко жизненной позиціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ земельномъ вопросѣ.

Профессоръ искренне изумленъ: украинскіе крестьяне, полтавцы, „совершенно незнакомые съ общиннымъ землепользованіемъ", „всегда владѣвшіе землей на правѣ частной собственности", единодушно (даже послѣ лекціи профессора, врага аграрной программы с.-р.!) примкнули къ этой программѣ. „Вообще думаютъ,—сообщаетъ про-

фессоръ,—что украинскій крестьянинъ является крайнимъ индивидуалистомъ и, въ качествѣ такового, долженъ быть противникомъ общности землевладѣнія". И вдругъ!..

И вдругъ—„въ результатѣ очень ожесточенныхъ споровъ огромное большинство крестьянъ высказалось за самое радикальное рѣшеніе земельнаго вопроса: вся земля безъ исключенія должна равномѣрно распредѣляться по душамъ и притомъ не въ собственность, а во временное пользованіе. Получалось впечатлѣніе, что въ поискахъ наиболѣе справедливаго земельнаго устройства украинскіе крестьяне собственнымъ умомъ доходятъ до той общины, которая исторически возникла въ Великороссіи".

И въ заключеніе профессоръ со скрытой горечью принужденъ констатировать, что „*даже* въ украинской деревнѣ аграрная программа соціалистовъ-революціонеровъ встрѣчаетъ сильную поддержку. Я лично отнюдь не являюсь сторонникомъ этой программы, имѣющей въ виду превратить всю Россію въ земельную общину, но констатирую фактъ".

Такое признаніе дѣлаетъ честь безпристрастію эксъ-соціалиста; его вынужденная „похвала соціализму", въ видѣ признанія фактической силы земельной программы соціалистовъ-революціонеровъ, очень и очень характерна. Правда, похвала эта снабжается всевозможными оговорками что-де только малоземельные украинцы стоятъ за с.-р., а многоземельные „очень смущены" такимъ рѣшеніемъ своихъ односельчанъ... Ну, еще бы! Но даже и профессоръ не очень настаиваетъ на этихъ оговоркахъ: „все это,—справедливо замѣчаетъ эксъ-марксистъ,— совершенно понятно; но все же весьма любопытно, что аграрная программа соціалистовъ-революціонеровъ встрѣчаетъ такое сочувствіе среди значительной части украинскаго крестьянства, никогда не знавшаго земельной общины и воспитаннаго въ духѣ фанатичной любви къ земельной собственности".

Такъ говоритъ профессоръ, на авторитетъ котораго ссылалось и „Новое Время"...

А теперь—посудите сами: развѣ не характернѣйшее знаменіе времени эта „похвала соціализму" сразу съ двухъ противоположныхъ концовъ общественности? Тамъ восхваляютъ „соціализмъ идеальный", тутъ вынуждены признать, что „соціализмъ реальный" одерживаетъ побѣды по всему фронту...

20 іюня.

УДАРЪ ВЪ ГРУДЬ

Какія волны русской революціи, какіе взлеты и провалы, побѣды и пораженія! Такъ недавно были мы, казалось, на гребнѣ волны— и вотъ снова, побѣдивъ либеральный „имперіализмъ", опутаны мы имъ и погружены въ мѣщанское „соціалистическое" болото...

Всего три мѣсяца тому назадъ, въ дни идейной побѣды 14-го марта, „обращенія къ народамъ міра“, въ дни смотра революціонныхъ силъ 23 марта—видѣли мы торжество идей революціоннаго соціализма, первые шаги грядущаго Интернаціонала. Правда, не обольщались мы тогда внѣшней побѣдой, не кличъ торжества возглашали мы, а тревожное „sentinelle, prenez garde à vous!“ Впереди виднѣлись тяжелые дня неустанной борьбы съ явными противниками и съ волками въ овечьихъ шкурахъ.

Съ явными противниками на первыхъ порахъ удалось справиться сравнительно легко. Дни борьбы (20 апрѣля—6 мая) съ „либеральнымъ имперіализмомъ“ показали, что за нимъ пока нѣтъ реальной силы (и матеріальной, и духовной), что за нимъ лишь сила „обывательщины“—сила безсильная въ дни кипѣнія революціи. Охладѣетъ революція—и вступитъ обывательщина въ свои права, будетъ справлять свою побѣду на костяхъ побѣжденныхъ, тяжелая и, длительная предстоитъ тогда съ ней борьба.. Но пока—снесла эту косную силу волна революціи, снесла и „либеральный имперіализмъ“ и всѣхъ дарданельскихъ идеологовъ. Революціонная демократія не проглядѣла опасность: „sentinelle, prenez garde à vous“!

Но эта волна революціи, смывъ „либеральнаго“ врага, попала въ болото мѣщанскаго соціализма и потухла въ немъ. Съ первыхъ же шаговъ „революціоннаго правительства“ 6-го мая—стало ясно, что сквозь слова и фразы „интернаціонализма“ проглядываетъ въ немъ повадка „оборонческаго“ соціализма, уже въ 1914 году погубившаго дѣло Интернаціонала. Въ это болото засасывались и былые борцы „интернаціонализма“, засасываются и понынѣ все глубже и глубже. пачкая свои революціонныя имена и губя дѣло революціоннаго соціализма. Имена—Богъ съ ними, у революціи нѣтъ фетишей, она свергаетъ ихъ безпощадно; но дѣло революціи гибнетъ, тяжелые удары наносятся ей волками въ овечьихъ шкурахъ, „соціалъ-патріотами“ въ обличьи „интернаціоналистовъ“, мѣщанами въ обличьи „соціалистовъ“.

Уже декларація 6-го мая давала поводъ къ грустнымъ размышленіямъ. Съ тѣхъ поръ полтора мѣсяца сидѣли мы въ болотѣ мѣщанскаго соціализма, ни на шагъ не сдвинувъ съ него возъ революціи. Пусть революціонная демократія „рвется въ облака,“—либеральный ракъ „пятится назадъ“, а щука—усердно „тянетъ въ воду“, въ воду болота мѣщанскаго соціализма (а на сушѣ—въ пролетъ между двумя стульями).

Не весело шутить, но эту „зубастую щуку“ вспомнилъ я уже читая „Приказъ по арміи и флоту“ отъ 12-го мая. Боже мой, зачѣмъ это „зубастой щукѣ въ мысль пришло“ откровенныя соціалъ-патріотическія идеи рядить въ „интернаціоналистскія“ слова!

„Торжество великихъ идеаловъ революціи—свобода, равенство, братство“, братство всенародное—и снова фанфары о побѣдномъ военномъ наступленіи!

„Воины свободной Россіи! Ни одной капли вашей крови не прольется за дѣло неправды"—и тутъ же подтвержденіе союза съ купцами-хищниками Англіи, Франціи, Италіи!

„...Вы понесете на концахъ штыковъ вашихъ миръ, право, правду и справедливость"—миръ на концахъ штыковъ, правду въ пуляхъ и удушливыхъ газахъ! И это пишетъ „соціалистъ", именующій себя „старымъ солдатомъ революціи"! Да полно, понималъ-ли онъ хоть когда нибудь, что такое революція, что такое революціонный соціализмъ?

„...Вы должны очистить родину и міръ отъ насильниковъ и захватчиковъ"—то есть отъ насильниковъ и захватчиковъ германскихъ, французскихъ и англійскихъ, не такъ-ли? Но развѣ огнемъ войны, а не огнемъ міровой революціи будутъ побѣждены они, каждый внутренними силами своей страны?

Все это—азбука революціоннаго соціализма, но этой азбуки видимо не знаютъ наши „министры-соціалисты". Или забыли? Молчатъ, аппробуютъ, покоряются, засасываются тиной псевдо-революціонныхъ словъ, что-то робко возражаютъ, робко соглашаются.

И вотъ — домолчались! досоглашались! Сегодня улица восторженно справляетъ свой праздникъ — начало наступленія русскихъ войскъ, конецъ русской революціи. Ибо сильна была революція эта идеалами международнаго братства—гдѣ оно среди „торжества картечи и штыковъ"? Ибо грозна была революція эта міровымъ хищникамъ идеею „борьбы съ внутреннимъ врагомъ"—гдѣ она среди бойни обманутыхъ трудовыхъ народовъ?

Съ глубокой скорбью въ душѣ читаю сегодня напыщенныя и театральныя слова „Приказа о наступленіи", всѣ эти „Воззванія къ арміи", „Воззванія всѣмъ гражданамъ Россіи", вѣсти о всѣхъ этихъ „полкахъ 18-го іюня". Какое торжество въ станѣ всѣхъ великихъ и малыхъ дарданельцевъ! Какая радость въ побѣдившемъ станѣ „соціалъ-шовинистовъ"! Революціонный соціализмъ разбитъ сегодня наголову. „Sentinelle, prenez garde à vous!".

Часто говорятъ теперь по разнымъ поводамъ о какомъ-то „ударѣ въ спину" революціи. Вздоръ! Не въ спину—въ грудь поражена міровая революція сегодня! И ударъ этотъ—испытаніе ея силы. Если сильна она — она еще очнется, еще стряхнетъ съ себя кошмаръ мѣщанскаго соціализма, еще выйдетъ изъ мѣщанскаго болота. Но ударъ — тяжелъ, съ нимъ надо считаться. И не надо — впадать въ отчаяніе. Въ тяжелые дни испытанія надо вѣрить въ новыя творческія силы еще не изжитой революціи.

21 іюня. **ДВѢ МАНИФЕСТАЦІИ.**

Двѣ манифестаціи подъ рядъ видѣлъ я въ эти дни новыхъ испытаній революціи: 18-го іюня, на Марсовомъ полѣ—ряды рабочихъ

и солдатъ, со знаменами революціи, со знаменами Интернаціонала, многосоттысячная толпа людей будущаго; 19-го іюня, на Невскомъ проспектѣ—веселье и клики толпы обывателей, радующихся новому началу военной бойни, жертвенному пролитію чужой, не своей крови.

Да, вѣка и вѣка прошли съ 23-го марта! Тогда въ одной толпѣ соединены были обыватель и революціонеръ; чувствовалось, что случайное и неестественное это соединеніе, что исконные враги лишь временно сошлись подъ общими знаменами.

Прошелъ мѣсяцъ. 20-го и 21-го апрѣля они разошлись, они столкнулись въ двухъ враждебныхъ манифестаціяхъ, рабочей и обывательской, „соціалистической" и „либеральной". Побѣдила первая—не выстрѣлами, а духовной силой революціонной волны; но лишь жалкая побѣда 6-го мая увѣнчала этотъ новый революціонный подъемъ.

Еще два мѣсяца,—два вѣка. 18-го іюня обыватель уже затаился дома, лишь рабочіе районы шли со своими знаменами на Марсово поле, этотъ „красный курганъ, храмъ побѣды и крови невинной", шли провозглашать идеи братства народовъ и неизбѣжности борьбы до конца со всяческой обывательщиной, со всяческимъ соглашательствомъ.

А 19-го іюня — обыватель высыпалъ на улицу торжествовать свою побѣду—побѣду надъ идеей революціи, побѣду надъ „внѣшнимъ врагомъ", надъ разбитымъ Интернаціоналомъ. Полно, разбитымъ-ли? Вѣдь борцы за идею революціи не выходили въ этотъ день на улицу со своими знаменами...

Паническій ужасъ „либеральныхъ" газетъ передъ демонстраціей революціонныхъ силъ, приказъ по всей кадетской линіи—не показывать носа на улицу 18 іюня,—все это нашло яркій откликъ во всѣхъ буржуазныхъ и „тоже-соціалистическихъ" газетахъ. Всѣ ихъ номера за 17 и 18 іюня переполнены опасеніями, колебаніями, чуть-ли не мрачными предсказаніями, злорадными ожиданіями...

Смотръ революціонныхъ силъ, однако, блестяще удался. И заранѣе можно было предсказать, какую физіономію попытается состроить по этому поводу наша „либеральная" пресса: она уже заблаговременно намѣтила пути. „Биржевка" съ наивно-глуповатымъ видомъ пытается натравить одну часть революціонной демократіи противъ другой, считая, что революціонная демократія круто повернетъ вправо, и тогда „сегодняшній день можетъ и долженъ стать поворотнымъ моментомъ въ политикѣ руководящей демократіи, — и тогда манифестація 18-го іюня получитъ политическій смыслъ и оправданіе".

А о томъ, что весь смыслъ манифестаціи — въ единеніи революціонныхъ силъ, въ ихъ дружномъ единеніи противъ накопляющихся силъ либерально-реакціонныхъ, что, именно, потому граждане кадеты наравнѣ со всѣми обывателями трусливо прятались дома, что мани-

фестація эта показала единство силъ революціи, — обо всемъ этомъ ни слова не встрѣтите вы, вѣроятно, и сегодня во всей „либеральной“ печати...

Но курьезны тѣ противорѣчія, въ которыя впадаетъ эта пресса, а изъ противорѣчій этихъ сама собою выясняется истина. Одна изъ этихъ газетъ находитъ, что манифестація была малочисленная; другая сообщаетъ, что демонстрантовъ было свыше полумилліона, третья констатируетъ, что „въ теченіе шести часовъ подрядъ по всѣмъ главнымъ артеріямъ города носили знамена“ („Новое Время“). Ренегаты изъ тоже-соціалистическихъ газетъ говорятъ о полномъ провалѣ демонстраціи, другіе съ горечью рисуютъ, какъ „организованно и стройно развертывается шествіе“... („Русская Воля“).

Кто правъ, кто искажаетъ истину? Разберитесь между собою, почтеннѣйшіе...

Прелестно и въ своемъ родѣ единственно отозвалась сразу и о наступленіи, и о манифестаціи тоже-соціалистическое „Единство“.

О воскресной манифестаціи рабочихъ оно говоритъ мрачно и пасмурно:

„Въ воскресенье на петроградскихъ улицахъ было пасмурно и мрачно. Ряды демонстрантовъ проходили съ сѣрыми лицами. Тревожное настроеніе чувствовалось повсюду. И кто бы не узналъ въ тѣхъ лозунгахъ, подъ которыми шла значительная часть толпы, во всѣхъ этихъ поповскихъ восклицаніяхъ вродѣ „миръ всему міру“ и т. п., тупой усталости, невѣрія въ собственныя силы и даже простого страха передъ военною мощью врага?“

А вотъ, какъ оно говоритъ о манифестаціи понедѣльничной, обывательской, происшедшей по поводу наступленія передъ окнами „Вечерняго Времени“:

„Революціонные граждане Петрограда, вся эта уличная толпа, бѣгущая каждый по своему дѣлу, безъ предварительной подготовки, безъ призыва съ чей бы то ни было стороны, повинуясь одному общему чувству, одному порыву, стала объединяться въ группы и образовала огромную, внушительную манифестацію“.

Ну-ка, поищите, въ какой еще соціалистической газетѣ вы найдете такую граціозную откровенность? Не трудитесь напрасно: не найдете (развѣ поискать еще въ тоже-соціалистическомъ „Днѣ“?). Революціонная армія рабочихъ—это тупая, усталая „толпа“, а уличная толпа передъ окнами „Вечерняго Времени“, всѣ эти хорошо знакомые намъ господа обыватели — это „революціонные граждане Петрограда“...

О, единственное въ своемъ родѣ „Единство“!

Неужели же не стыдно былому лидеру с.-д., Г. Плеханову?

24 іюня. „ОНЪ МЕНЯ ДЕРЗНУЛЪ".

Среди соціалъ-патріотовъ, буйно возрадовавшихся новымъ потокамъ крови трудового народа, особенно отличился А. Потресовъ въ тоже-соціалистическомъ „Днѣ". Онъ бурно обрадовался пролитію не своей крови и получилъ за это выговоръ отъ своей же с.-д.-ковской „Рабочей Газеты". Теперь онъ, въ отвѣтъ, обижается на эту газету: „Она сердится на мою радость, что наступленіе началось. Она мою радость называетъ „военнымъ восторгомъ", битьемъ въ „барабанъ". Она въ моихъ надеждахъ, связанныхъ съ наступленіемъ, усматриваетъ отсутствіе марксизма".

Казалось бы, „соціалисту" стыдно „радоваться" кровавымъ фактамъ войны, но развѣ вы втолкуете это нашимъ соціалъ-патріотамъ, свихнувшимся съ соціализма на пунктѣ „революціоннаго оборончества"? (Кстати сказать, три года — да что! — три-четыре мѣсяца тому назадъ они съ пыломъ отстаивали „оборончество" tout court... тогда еще не „революціонное", а „самодержавное"). Не втолкуете вы этого и А. Потресову. Но онъ великолѣпенъ, онъ допрашиваетъ свой партійный органъ и его сотрудниковъ—какъ это они дерзнули обвинять его, а не какого-либо болѣе авторитетнаго носителя тѣхъ же идей: „на какомъ же основаніи? — жалуется онъ: — только на томъ, что имъ до зарѣзу нужна диверсія, что имъ нуженъ—для утѣшенія—тотъ рыжій уродъ, который бы отвлекъ отъ нихъ вниманіе читателя, затушевалъ ихъ во-истину критическое положеніе, обрекающее ихъ на мычащее: „ни да, ни нѣтъ". Они посмѣли противъ меня!"

Прелестно. „Онъ меня дерзнулъ!" — болѣе грамотно сказалъ въ свое время одинъ изъ героевъ Достоевскаго, тоже патріотъ, хотя и не соціалистъ.

Еще прелестнѣе та поддержка, которую оказываетъ А. Потресову единственное въ своемъ родѣ „Единство": оно утѣшаетъ его въ томъ, что „противъ него посмѣли", тѣмъ соображеніемъ, что-де „львы Интернаціонала остаются съ Потресовымъ"...

Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.

5 іюля. БУНТЪ И МЯТЕЖЪ.

Тяжелые, кошмарные дни—и не организованной и не стихійной попытки выбить почву изъ подъ ногъ всяческой обывательщины, всяческаго соглашательства. Почва эта, пусть болотная, еще слишкомъ прочна подъ ногами соглашателей; массы еще не сознали достаточно смысла событій второй половины іюня. Придетъ время—осознаютъ, поймутъ, и тогда зашатается эта почва, болото раскроется

подъ ногами мѣщанъ отъ соціализма. А теперь—побѣда на ихъ сторонѣ; и какъ же используютъ они свою побѣду!

Впереди—полоса реакціи подъ выцвѣтшимъ краснымъ стягомъ революціи, впереди—месть побѣдителей, торжество соглашателей, хамская радость улицы. Надолго-ли? Если даже и на мѣсяцы, то вѣдь мѣсяцы эти, въ такіе дни—годы и годы. Но пусть и на годы. Тотъ, кто видѣлъ 18-го іюня народныя массы—знаетъ, что все же побѣда революціи—впереди.

Новая ступень исторіи пройдена нами, и ступень эта—новое пораженіе революціи. И несмотря ни на что—слишкомъ вѣрится въ ея живыя силы. Говорятъ, что тогда, въ февралѣ, у насъ была революція, а теперь, въ іюлѣ—передъ нами лишь „бунтъ". Пусть такъ, и пусть не только потому, что всякая неудавшаяся революція есть бунтъ. Но какъ бы этой верховодящей группѣ мѣщанъ отъ соціализма не убѣдиться въ близкомъ-ли, далекомъ-ли будущемъ, что кромѣ сумбурнаго „бунта" есть еще и стихійный „мятежъ", а удавшійся мятежъ и есть „революція". Ибо слишкомъ ростетъ въ революціонномъ соціализмѣ презрѣніе къ мѣщанамъ соціализма, ибо презрѣніе это не можетъ не перейти въ праведный гнѣвъ. Когда? Не во времени дѣло. И вспоминаются слова поэта (Александръ Блокъ)—они умѣстны и для сегодняшняго дня: да, чтобъ ни было—

...у насъ все тѣ-жъ
Завѣты юношамъ и дѣвамъ:
Презрѣнье созрѣваетъ гнѣвомъ,
А зрѣлость гнѣва—есть Мятежъ!

8 іюля. **УЛИЦА.**

Воистину грядущій хамъ уже пришелъ и справляетъ свое обывательское торжество „на стогнахъ Петрограда"! Внѣ партій, внѣ политическихъ лозунговъ, съ одной лишь тупой злобой противъ того, что ему непонятно, съ жаждой кулачной расправы съ „врагами"— ходитъ онъ теперь по улицамъ, пускаетъ въ народъ темные, непровѣренные слухи, жадно смакуетъ грязь клеветы и копитъ пока еще безсильную злобу.

Эта нравственная чернь,—въ котелкахъ, въ панамахъ, въ модныхъ платьяхъ и шляпкахъ—чувствуетъ себя теперь хозяиномъ улицы; въ тяжелые дни народныхъ волненій, въ дни революцій, въ дни возстаній, въ дни мятежей, все равно—трусливо прячется она по своимъ норамъ, будь то богатыя квартиры или углы—безразлично.

Нравственная чернь—это „смѣсь именъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній": тутъ и лавочникъ съ налитой кровью шеей, тутъ и инженеръ, тутъ и франтъ въ лакированныхъ ботинкахъ, и злобная

чиновница въ салопѣ, и разряженная посѣтительница павловскихъ концертовъ. Всѣ они—на одно лицо, однимъ лыкомъ шиты, однимъ мvромъ мазаны, всѣ они въ одиночку трусливы, какъ зайцы, но, собравшись вкупѣ и влюбѣ—смѣлѣютъ, наглѣютъ, клевещутъ, лгутъ, избиваютъ инако мыслящихъ и требуютъ крови „побѣжденныхъ".

Только побѣжденныхъ, ибо къ побѣдителямъ эта „улица" немедленно же примазывается, пачкаетъ ихъ своимъ союзомъ, грязнитъ ихъ своимъ сочувствiемъ. Такъ и теперь, въ эти тяжелые дни, послѣ всѣхъ пережитыхъ нами испытанiй, нравственная чернь, сперва трусливо спрятавшаяся, поднимаетъ свою голову, травитъ побѣжденныхъ, льститъ побѣдителямъ. Грядущiй хамъ уже пришелъ, царитъ на улицѣ, призываетъ къ погромамъ и насилiямъ надъ всѣми инакомыслящими.

У этого царя улицы есть своя излюбленная пресса—рядъ газетъ, которыя чаще всего небрежно отбрасываются въ сторону „газетнымъ обозрѣвателемъ". И, конечно, напрасно. Ибо надо хоть изрѣдка видѣть и слышать, о чемъ говорятъ въ этихъ низинахъ, среди этой цивилизованной черни; тогда только съ достаточной ясностью поймешь, какую нравственную толщу надо еще пробить революцiи (или революцiямъ), прежде, чѣмъ дѣло свободы можно будетъ считать твердо упроченнымъ, пустившимъ крѣпкiе корни.

Газеты этой „улицы"—многочисленны, разнообразны, расчитаны на различные вкусы, на разное соцiальное положенiе читателя. Тутъ и „Маленькая Газета" и „Живое Слово", находящiе читателя въ наиболѣе неразвитыхъ и темныхъ слояхъ городского населенiя; тутъ и „Петроградскiй Листокъ" и „Петроградская Газета", расчитанныя на мелкое и крупное купечество; тутъ идетъ далѣе и „Новое Время", офицiозъ чиновничества, тутъ и вообще вся „желтая печать", одновременно и „либеральная" и „бульварная"—вплоть до „Биржевки" и „Русской Воли".

Я взялъ всѣ эти газеты намѣренно сегодня, послѣ тяжелыхъ дней 3—5 iюля, послѣ пораженiя „большевизма", послѣ брошеннаго главѣ его обвиненiя въ политической продажности и измѣнѣ. Объ этомъ обвиненiи даже „День" говоритъ, что оно „почти все основано на словахъ прапорщика Ермоленко. Этого недостаточно,—говоритъ „День",—чтобы бросить въ лицо Ленину тяжелое обвиненiе, но этого достаточно, чтобы немедленно начато было разслѣдованiе дѣла". Разслѣдованiе это уже начато. Исполнительный Комитетъ заявилъ, что считаетъ „морально недопустимымъ" газетную травлю обвиняемыхъ впредь до полнаго разслѣдованiя дѣла. Но морально недопустимое для общественныхъ и политическихъ дѣятелей и есть какъ разъ излюбленное лакомство улицы.

И улица, въ лицѣ достойной своей печати, не ударила въ грязь лицомъ... она и безъ того вся въ моральной грязи. Но есть предѣлы и для „улицы", и предѣлы эти далеко перейдены нашей желтой

печатью въ эти дни трагическаго перелома русской революціи. особенно печально, что на этой „улицѣ“ въ такіе дни оказались и тѣ, кому, казалось бы, совсѣмъ невмѣстно ходить подъ руку съ торжествующимъ хамомъ, обмѣниваясь съ нимъ впечатлѣніями и клеветническими догадками.

Во главѣ этой разнуздавшейся нынѣ улицы идутъ въ ногу „Маленькая Газета“ и „Живое Слово“. Ограничусь первой изъ нихъ. Вся первая страница занята своеобразной передовицей, набранной огромнымъ жирнымъ шрифтомъ и посвященной событіямъ послѣднихъ дней. Газета безграмотно восхищается, что „заткнули ватой ухо въ говорильню Таврическаго дворца, гдѣ агенты Вильгельма *захватили наглыми рѣчами всѣ трибуны*“, то-есть иначе говоря, называетъ „агентами Вильгельма“ *всѣ* соціалистическія партіи и группы. И неудивительно,—продолжаетъ газета,—ибо что же такое та власть, „которая создана Всероссійскимъ Съѣздомъ С. Р. и С. Д.?“ Это,—собраніе людей, среди которыхъ большинство составляютъ евреи... „Мы не разжигаемъ національной розни, храни насъ Богъ!“—восклицаетъ газета, но тутъ же рядомъ прибавляетъ: „куда же дальше?!. Что же за правительство родится изъ Совѣтовъ такого состава? Тоже съ большинствомъ евреевъ?!. Мы не антисемиты, но — благодаримъ покорно за Русь!“

Такъ, не за страхъ, а за совѣсть „работаетъ“ газета, въ подзаголовкѣ которой стоитъ: „газета внѣпартійныхъ соціалистовъ“. Конечно, за такой газетной „работой“ часто можетъ послѣдовать совсѣмъ иного рода „работа“ черной сотни, громилъ и хулигановъ. Свое дѣло газета дѣлаетъ съ усердіемъ. Въ такомъ же родѣ работаетъ и „Живое Слово“.

Вотъ другой излюбленный листокъ улицы—„Петроградскій Листокъ“. Онъ приспособливаетъ на уличные вкусы другую тему. Тоже громаднымъ шрифтомъ „Листокъ“ по поводу событій послѣднихъ дней восклицаетъ: „Ужасъ!.. Петроградъ былъ захваченъ нѣмцами!“

А собратъ „Листка“, „Петроградская Газета“ провозглашаетъ рѣшительно и безапелляціонно:

„Ленинъ и его шайка—завѣдомые нѣмецкіе шпіоны, посланные кайзеромъ въ Россію для нанесенія революціи отравленнаго удара ножемъ въ спину“. И отсюда дѣлаетъ понятный для уличной логики выводъ: „интернаціоналистамъ не мѣсто въ Совѣтѣ Р. и С. Д.!“ Въ мартѣ улица лебезила передъ „интернаціоналистами“, въ іюлѣ—вы видите ея новый лозунгъ.

U pour la bonne bouche—не угодно-ли изъ передовицы „Русской Воли“, успѣшно поспѣвающей за улицей и ея вкусами, прочитать слѣдующее разжиганіе толпы противъ опредѣленныхъ лицъ, на которыхъ газета указуетъ перстомъ, какъ на „тягчайшихъ виновниковъ преступленія: это—Ленинъ, Луначарскій, Зиновьевъ, Каменевъ, Троцкій, дезертиръ Семашко и Нахамкесъ-Стекловъ“...

Читатель знаетъ, что часть перечисленныхъ здѣсь лицъ привлечена къ отвѣту Правительствомъ, и что впредь до гласнаго разбирательства дѣла политическіе и общественные дѣятели считаютъ всякую газетную травлю „морально недопустимой“. Какое дѣло до этого уличной газетѣ! Она продолжаетъ науськивать толпу заявленіемъ, что-де разныя обстоятельства заставляютъ ее, эту благородную газету, „тревожиться относительно того, чтобы у преступниковъ не было желанія скрыться“. Благородная уличная газета боится, видите ли, что дѣло „можетъ дойти и до самосуда“; а къ чему же ведутъ ея эти же погромныя статьи?

И, наконецъ, въ заключеніе — послѣдній штрихъ ко всей этой омерзительной картинѣ: одновременно и въ „Петроградскомъ Листкѣ“, и въ „Петроградской Газетѣ“, и въ „Русской Волѣ“ появляется статья Вл. Бурцева подъ заглавіемъ: „Или мы, или нѣмцы и тѣ, кто съ ними“. Въ ней тоже указывается перстомъ рядъ лицъ, подводящихся подъ рубрику „агентовъ Вильгельма II“, помогающихъ нѣмцамъ противъ русскихъ.

„Въ этой систематической помощи нѣмцамъ въ настоящей войнѣ,—пишетъ В. Бурцевъ,—мы обвиняемъ какъ партію большевиковъ въ ея цѣломъ, такъ и ихъ лидеровъ и всѣхъ тѣхъ, кто помогалъ имъ дѣлать дѣло разрушенія Россіи. Вотъ нѣсколько именъ лицъ, кто за эти мѣсяцы работалъ надъ разрушеніемъ Россіи:

1) Ленинъ.
2) Троцкій.
3) Каменевъ.
4) Зиновьевъ.
5) Коллонтай.
6) Стекловъ (б. Нахамкесъ).
7) Рязановъ.
8) Козловскій.
9) Луначарскій.
10) Рошаль.
11) Раковскій.
12) Горькій (А. М. Пѣшковъ)“.

Кто же всѣ эти лица, списокъ которыхъ такъ эффектно (и такъ позорно для Вл. Бурцева) завершается Максимомъ Горькимъ? „Они,— заключаетъ г. Бурцевъ,—не провокаторы, но они хуже, чѣмъ провокаторы: они въ своей дѣятельности всегда являлись, вольно или невольно, агентами Вильгельма II“.

Доказательства Вл. Бурцева? Но зачѣмъ же улицѣ доказательства? Достаточно составить самый нелѣпый списокъ именъ, гдѣ явные авантюристы перемѣшаны съ политическими дѣятелями, гдѣ вѣнчаетъ все дѣло имя крупнаго и морально безупречнаго русскаго писателя, — чтобы улица жадно проглотила эту несъѣдобную кашу, чтобы нравственная чернь стала восторженно рукоплескать

всякой пошлости, которую такъ обильно разливаетъ на своихъ столбцахъ уличная печать.

Я заглянулъ въ уличную петроградскую прессу только одного дня,—и страшно подумать, какое количество грязи разливаетъ она вокругъ себя день за днемъ, недѣля за недѣлей.

А „улица" слушаетъ, глотаетъ, смакуетъ. Чуть отгремѣли выстрѣлы—выходитъ эта цивилизованная чернь ото всѣхъ угловъ, изо всѣхъ щелей, льститъ побѣдителю, плюетъ на побѣжденныхъ, злобствуетъ, готовитъ кулаки и палки для погромовъ...

9 іюля. **ЕЩЕ ДЕКЛАРАЦІЯ.**

Еще новая декларація укрѣпившагося въ болотѣ Правительства, еще новыя и пустыя слова, слова, слова. Это „революціонное" правительство „снова и снова подтвердитъ своею внѣшнею политикою, что революціонная армія можетъ итти въ бой съ твердой вѣрой въ то, что ни одна капля крови русскаго солдата не прольется ради цѣлей, чуждыхъ правосознанію русской демократіи"... Снова и снова подтвердитъ! Велика же цѣна такому подтвержденію, послѣ двухмѣсячнаго топтанія на мѣстѣ, послѣ измѣны дѣлу міровой революціи преступно начатой вновь міровой бойней!

Обѣщается на августъ „союзная конференція". Съ кѣмъ? Съ Рибо, Ллойдъ-Джорджемъ и Орландо, или съ лѣвыми соціалистами, которымъ западныя правительства не даютъ паспортовъ? Нѣтъ ужъ, пусть на конференцію эту ѣдутъ наши болотные соціалисты—революціоннымъ соціалистамъ нечего тамъ дѣлать. Снова и снова подтверждаетъ Правительство, что сущность его нами понята вѣрно.

И еще, и еще подобныя же обѣщанія: объ уничтоженіи сословій, отмѣнѣ чиновъ и орденовъ, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ... Боже, какая быстрота, какой взлетъ революціоннаго творчества! Гдѣ жизнь и гдѣ вы, горе-соціалисты и горе-революціонеры!

И въ заключеніе—требованіе отъ всѣхъ „жертвенной готовности отдать—ему, этому Правительству!—все: свои силы, достояніе, самую жизнь"... И ничего—пишутъ, подписываются, не краснѣютъ эти „министры-соціалисты", клокчущія хлопотливыя куры, возомнившіе себя орлами революціи!

25 іюля. **ЕЩЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.**

„Кризисъ власти", продолжавшійся весь мѣсяцъ—законченъ, образовано новое Временное Правительство: всѣ тѣ же, все то же. Говорить о нихъ—нечего. Ибо судьба ихъ—неизбѣжно все та

же. Или они окончательно утопятъ революцію въ болотѣ, или революція стряхнетъ ихъ. Ибо, за этотъ мѣсяцъ показали себя они, эти „соціалисты" во всей своей красѣ: на фронтѣ они уже ввели смертную казнь. Погодите—введутъ и въ тылу!

Имъ не стыдно, не чувствуютъ своего позора они, эти „революціонные"... орлы? Не плачутъ они по ночамъ, наединѣ съ своей душой, за свое отнынѣ запачканное кровью имя, хотя бы за имя, если не за чужую кровь, если не за продаваемыя ими цѣнности революціоннаго соціализма? Или они довольствуются тѣмъ, что чисто моютъ руки по утрамъ? Леди Макбетъ мыла ихъ съ утра до вечера—нѣтъ, не сходили кровавыя пятна! Или довольно съ нихъ того, что не они исполняютъ приговоры, не они прицѣливаются въ грудь и въ лобъ приговореннаго къ смертной казни, не они закапываютъ трупъ въ заранѣе вырытую яму? И это—„соціалисты", это—„революціонеры"!

Тюрьмы переполнены ихъ политическими противниками, уличный хамъ восторженно привѣтствуетъ и тюрьмы и смертные приговоры. Радуйтесь, торжествуйте вкупѣ и влюбѣ, Правительство и Улица! Вы достойны другъ друга!

Стоитъ-ли послѣ этого думать, стоитъ-ли говорить о новомъ правительствѣ? Пусть идетъ своимъ путемъ; революція пойдетъ своимъ.

17 августа. **ГОВОРИЛЬНЯ.**

„Московское Совѣщаніе", зачѣмъ-то созванное, такъ же тускло закончилось, какъ и началось. Говорили, говорили, говорили; измученныя стенографистки записывали рѣчи фунтами и пудами; ораторы то жевали старую солому революціонныхъ фразъ, то театрально взывали къ единенію и патріотизму. Читаешь газеты за всю недѣлю—зѣвается и сладко спится. Господи, да когда же поймутъ они, всѣ эти „дѣятели революціи", что о революціи не говорятъ, что ее дѣлаютъ, что вороха ненужныхъ словъ—только камни на дорогѣ новаго творчеста, только рвы и колдобоины на пути къ Новому Міру?

Безнадежное впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ тусклыхъ рѣчей, жеванныхъ мыслей, безпомощнаго топтанія на мѣстѣ. Полъ-года бѣгъ на мѣстѣ! Не слишкомъ ли много?

Нѣтъ, не много. Это только кора явленій, видимая всѣмъ намъ поверхность—омертвѣвшая, безплодная. Живые соки революціи—тамъ, внутри; плоды ея—еще впереди. И Московское Совѣщаніе показало это нагляднѣе, чѣмъ хотѣло бы.

Ибо московское дѣйство это—было двухстороннее. Одно—происходило въ театрально убранномъ театральномъ залѣ, пышно за-

драпированномъ красными матеріями; другое—на улицахъ и въ рабочихъ районахъ, отвѣтившихъ забастовкой на первый же день Московскаго Совѣщанія. Рѣчи текли, трамваи стояли. И въ этомъ выраженіи презрѣнія и недовѣрія народа къ говорильнѣ мѣщанскаго либерализма и соціализма—худшее ихъ осужденіе.

Не успѣли отзвучать „революціонныя" министерскія рѣчи, какъ мы сегодня уже видимъ и иллюстрацію къ нимъ: вооруженный разгонъ финляндскаго сейма. Ничего, не стыдитесь, граждане министры! Вѣдь смертную казнь вы ввели и продолжаете. Не удивляться же вамъ послѣ этого народному презрѣнію и гнѣву!

Но въ немъ же—вѣра наша въ грядущія волны революціи. Ибо, слишкомъ ясенъ расколъ, раздѣленіе между „революціонной" (въ кавычкахъ) властью и подлинно революціоннымъ народомъ. Или первая уступитъ второму, или они столкнутся, какъ враждебныя силы.

Вотъ выводы и впечатлѣнія. Есть и другія: много писали за эти дни и говорили о символическомъ „рукопожатіи" представителя „соціализма" и представителя „буржуазіи",—дѣйствительно, характерно. Но—не лицемѣрно-ли? Ибо для „буржуа" этого нѣтъ, вѣроятно, худшаго врага, чѣмъ соціализмъ. а для „соціалиста" этого, если не завязъ онъ въ соглашательскомъ болотѣ, кто же есть врагъ, бòльшій „буржуазіи"? Бѣда лишь въ томъ, что „если" мое—реторическое.

И еще одно впечатлѣніе, несомнѣнное среди этого пустопорожняго моря фразъ, лицемѣрія, актерства, никчемныхъ и ненужныхъ словъ, прикрытыхъ чаяній и упованій, неприкрытой ненависти къ революціи—честный и прямой голосъ представителя „военной партіи", генерала Корнилова. Онъ прямо и твердо становится лицомъ къ лицу противъ своего врага—революціонной демократіи. По его настоянію смертная казнь введена на фронтѣ. Онъ требуетъ теперь введенія ея въ тылу. Требуетъ уничтоженія ряда завоеваній революціи. Требуетъ „твердой власти"—и всѣ мы понимаемъ, что это значитъ. Дайте ему власть, генералу Корнилову, и онъ вамъ сейчасъ же покажетъ, какъ надо разгромить революцію.

Рѣчи откровенныхъ враговъ. генераловъ Корнилова и Каледина—единственное свѣтлое пятно на сѣромъ фонѣ московской говорильни; и единственное—достойное уваженія. Ибо они, враги революціи, не прятались за слова, за овечьи шкуры; не произносили театральныхъ рѣчей, не лицемѣрили, не считали нужнымъ клятися и ратитися именемъ революціи. Они тоже хотятъ, какъ и мы, выйти изъ соглашательскаго болота. Только они—въ одну сторону, мы—въ другую; они—назадъ, мы—впередъ. За кѣмъ жизнь—покажетъ будущее.

31 августа. **ДВА ВРАГА.**

Да, съ честнымъ и прямымъ врагомъ пріятно имѣть дѣло. Генералъ Корниловъ не вилялъ, не забѣгалъ къ революціи съ задняго крыльца, не говорилъ звонкихъ революціонныхъ фразъ; онъ открыто поднялъ знамя мятежа противъ революціи и двинулъ противъ Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ свою „дикую дивизію". Насколько роль его благороднѣе ролей запутанныхъ въ его дѣло „революціонеровъ", служившихъ и нашимъ и вашимъ, желавшихъ и революціонный соціализмъ разгромить и революціонную невинность сохранить!

На неудачу онъ былъ обреченъ—и обреченъ еще 1-го марта, когда „распалась цѣпь великая", сковывавшая русскую армію. Скажутъ: распалась и ударила однимъ концомъ по офицеру, другимъ по солдату? Нѣтъ, по солдату она ударила позднѣе, въ серединѣ іюля, когда этотъ же генералъ Корниловъ, пытаясь снова спаять цѣпь, добился введенія смертной казни на фронтѣ. Но какъ же съ такимъ прошлымъ могъ онъ расчитывать на удачу военнаго, солдатскаго возстанія?

Такъ или иначе—возсталъ онъ съ открытымъ забраломъ. Онъ побѣжденъ, Совѣты побѣдили. Но, побѣдивъ его, одолѣли-ли они того, или тѣхъ, кто стоялъ за нимъ? тѣхъ, кто съ революціонными фразами на устахъ вводили смертную казнь? тѣхъ, кто съ „интернаціоналистскими" брошюрами въ карманѣ разжигали потухающее пламя міровой войны? Нѣтъ, эти враги—еще не побѣждены; и они—опаснѣе, и они—сильнѣе. Ибо опасенъ не врагъ передъ стѣнами, а врагъ внутри стѣнъ.

23 сентября. **ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВѢЩАНІЕ.**

Схлынули „корниловскіе дни", пришелъ новый кризисъ власти, создалась новая говорильня въ Александринскомъ Театрѣ. Казалось бы—о чемъ говорить? Все такъ ясно, отношеніе другъ къ другу давно опредѣлено, политическія физіономіи лидеровъ и вождей давно уже выявлены во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Но массамъ нужны еще наглядные уроки, вождямъ нужно еще безвыходнѣе утопить себя въ болотѣ соглашательства. Что же—въ часъ добрый!

Томительная недѣля новой „парламентской" говорильни; снова позы, снова рѣчи, снова соглашательскія потуги: „потихоньку-то вѣрнѣе, помаленьку-то надежнѣе, полегоньку-то прочнѣе!.." О, рос-

сійскіе министры-соціалисты, живущіе на задворкахъ и добродѣтелей и пороковъ!

Вспомнилось мнѣ въ этомъ, вновь „революціонно декорированномъ“ театральномъ залѣ, вспомнилось нѣчто далекое далекое, дѣтски-глупое, наивное—и такое близкое совершающемуся здѣсь. Помню, юнымъ гимназистомъ, еще неискушеннымъ запрещенными плодами соціальныхъ ученій, прочелъ я въ какомъ-то журнальчикѣ двѣ случайно рядомъ стоявшія замѣтки. Въ одной говорилось о безработицѣ и голодѣ среди рабочихъ какого-то района въ Англіи; въ другой разсказывалось, что между двумя именитыми лордами въ аристократическомъ клубѣ состоялось пари на большую сумму: кто изъ нихъ медленнѣе выкуритъ послѣобѣденную сигару? Побѣдилъ такой-то лордъ, прокурившій свою дорогую сигару два часа и столько-то минутъ.

И довольно: для наивнаго гимназистика случайное сопоставленіе двухъ этихъ замѣтокъ было цѣлымъ откровеніемъ, мысль стала ставить вопросы и требовать отвѣта. Дальше—путь извѣстный, и не въ немъ теперь дѣло.

Но почему-то наивный случай этотъ упорно вспоминался во все время Демократическаго Совѣщанія. Да, пока лидеры и вожди курили на пари свои словесныя сигары—на фронтѣ вотъ уже полъ года продолжается безсмысленное и преступное пролитіе народной крови. Тамъ люди умираютъ за англійскій Багдадъ, французскую Лотарингію, итальянскую Албанію (ибо за революціонную Россію не мѣсто умирать на фронтѣ), а тутъ люди стараются подольше прокурить свою сигару соглашательства—лишь бы, лишь бы только не дать разгорѣться тому пламени революціоннаго соціализма, который огненнымъ смерчемъ испепелитъ и міровую войну.

Вотъ почему—противное и томительное зрѣлище это Демократическое Совѣщаніе и на его корнѣ нынѣ расцвѣтающій Верховный Совѣтъ; противны всѣ эти „кризисы власти“, заканчивающіеся неизмѣнно созданіемъ „новаго Временнаго Правительства“, танцующаго все отъ той же самой печки мѣщанскаго соціализма. Но есть и благая сторона во всемъ этомъ. Ибо широкимъ массамъ процессъ этотъ открываетъ глаза на дѣйствительность; нѣтъ другого пути, кромѣ пути разочарованія въ старыхъ божкахъ и кумирахъ.

Курите же свои словесныя сигары, лидеры и вожди! Топчитесь въ болотѣ мѣщанскаго соціализма, соглашательствуйте, боритесь съ революціоннымъ соціализмомъ. Если русская революція еще не умерла—онъ еще придетъ. И даже если вы его похороните—онъ все же придетъ, ибо воскреснетъ. Духовная революція—не умираетъ.

28 сентября.

БѢЛЫЙ БЫЧЕКЪ.

Ужъ ты тпруська, ты тпруська-бычекъ,
Молодая ты телятинка,
Отчего же ты не телишься,
И на что же ты надѣешься?

Народная Пѣсня.

Новое Временное Правительство разрѣшилось еще одной „деклараціей"—не помню ужъ которой по счету! Въ ней еще разъ даются векселя на предстоящія чрезвычайно коренныя реформы во всѣхъ областяхъ—и въ области политики внѣшней, и въ области земельныхъ отношеній, и по національному вопросу и т. д. А какого рода будутъ эти коренныя реформы—ясно будетъ хотя бы по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ.

Революціонный народъ требуетъ—и это требованіе твердо ставится органами революціонной демократіи—*немедленной передачи всѣхъ земель въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ*. Таково требованіе. А вотъ обѣщаніе Временнаго Правительства: оно сообщаетъ, что „земли сельско-хозяйственнаго значенія" *могутъ быть* переданы земельнымъ комитетамъ, „но безъ нарушенія существующихъ формъ землевладѣнія", причемъ самая передача эта должна еще пройти „въ порядкѣ, имѣющемъ быть установленнымъ особымъ закономъ".

Если это не насмѣшка и не милая шутка, то неужели же новый „кабинетъ министровъ" не понимаетъ, что все это—жалкій отводъ? Нѣтъ смѣлости прямо стать противъ требованій демократіи, а вмѣсто этого—десятки оговорокъ, сводящихъ на нѣтъ подчиненіе требованію. Кромѣ законнаго раздраженія въ рядахъ демократіи эта „между-двухъ-стульная политика" ничего вызвать не можетъ.

Другой примѣръ—политика внѣшняя. Послѣ полугода стоянія на мертвой точкѣ, послѣ отвѣта на требованія демократіи „борьбы за миръ" дѣйствіями вродѣ наступленія 18 іюня—Временное Правительство имѣетъ смѣлость заявлять въ своей новой мертворожденной декламаціи, что-де оно „будетъ продолжать и неустанно развивать свою дѣйственную внѣшнюю политику въ духѣ демократическихъ началъ, провозглашенныхъ русской революціей, сдѣлавшей эти начала общенаціональнымъ достояніемъ". Очень утѣшительно! Если и впредь Временное Правительство „будетъ продолжать свою дѣйственную (!) внѣшнюю политику" столь же дѣйственно, какъ оно вело ее и въ минувшіе полъ-года, то мы заранѣе знаемъ, какихъ плодовъ ожидать намъ отъ этого дѣйства...

Два примѣра достаточно, думается, наглядные. Стоитъ ли послѣ этого еще разъ пересказывать старую сказку о бѣломъ бычкѣ—новой деклараціи Временнаго Правительства?

6 октября. **ЧТО НѢМЦУ СМЕРТЬ, ТО РУССКОМУ ПОТѢХА.**

Развертываю вчера „Дѣло Народа". Ахъ, опять статья о „лѣвыхъ" соціалистахъ-революціонерахъ!

Сразу бросаются въ глаза неожиданныя для органа центральнаго комитета партіи искреннія слова о значеніи и ростѣ „лѣваго" теченія (почему только „лѣвые" именуются въ статьѣ „независимыми"?). И какъ пріятно видѣть, наконецъ, твердое и вѣское признаніе правильности „лѣваго" пути для партіи, для демократіи, для революціи!

„Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ,—сознается органъ партіи,—что вліяніе ихъ въ рабочей средѣ и въ массахъ народа непрерывно растетъ".

Ну что-же! Хорошо, что фактъ признанъ, но почему же онъ могъ имѣть мѣсто, вотъ въ чемъ вопросъ?

И на это отвѣтъ дается вполнѣ вѣрный:

„Часть праваго крыла партіи слишкомъ далеко зашла въ уклоненіи отъ партійной программы, что тоже не могло содѣйствовать укрѣпленію партійнаго авторитета въ массахъ".

Тоже совершенно вѣрно! Но что еще удивительнѣе—тутъ же рядомъ подчеркивается, что „всѣ эти признанія въ высшей степени симптоматичны и свидѣтельствуютъ о томъ, что въ самомъ большинствѣ растетъ недовольство черезчуръ эластичной политикой его лидеровъ".

Что вѣрно, то вѣрно! Но все же—какъ странно встрѣчать такія самопризнанія именно въ органѣ „большинства"!

Перескакиваю черезъ десятка два строкъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ удивительнѣе!

„Все это,—читаю я дальше рядъ самопризнаній,—конечно, отнюдь еще не означаетъ, что большинство готово отказаться отъ своей излюбленной тактики или хотя бы освободиться отъ „слишкомъ правыхъ" соціалъ-имперіалистскихъ элементовъ. Но все это совершенно опредѣленно говоритъ о томъ, что позиція „большинства" въ массахъ значительно пошатнулась".

Не вѣрю своимъ глазамъ—ну какъ можно писать такія вещи о самихъ себѣ! Съ недоумѣніемъ, почти съ ужасомъ, перескакиваю къ концу статьи—и читаю:

„Въ этой напряженной атмосферѣ на „эластичности" далеко не уѣдешь. Если сами руководители „большинства" этого не сознаютъ, имъ дадутъ это почувствовать рабочія массы, естественно идущія

за тѣми, кто выставляетъ наиболѣе яркіе и опредѣленные лозунги и кто проявляетъ большую рѣшимость и послѣдовательность въ борьбѣ".

Боже мой, какъ все это вѣрно! Но какъ могла эта статья появиться въ органѣ „большинства"—вотъ что вы мнѣ объясните! Протираю глаза и снова берусь за начало статьи—надо прочесть съ начала, чтобы повѣрить самому себѣ. Да кстати—кто авторъ, какъ заглавіе?

Авторъ скрытъ подъ буквами; да тутъ дѣло не въ лицѣ, а въ дѣлѣ. А заглавіе...

Ахъ, вотъ оно въ чемъ дѣло! заглавіе: „Независимые и шейдемановцы". Такъ это не о партіи с.-р., а о германской соціалъ-демократіи!

Я вздыхаю облегченно. Положимъ, очень похоже на дѣла россійскія. Но вѣдь по пословицѣ—что нѣмцу смерть, то русскому потѣха.

Шутки, однако, шутками, но за ними и дѣло. Оно въ томъ, что революціонныя массы вездѣ, а въ Россіи въ особенности, задыхаются въ болотѣ мѣщанскаго соціализма. Это только Хлестакову нравилась рыба лабарданъ; питаться этой прѣснятиной съ соусомъ изъ черники — долго-ли протерпишь? Здѣсь, наоборотъ, быть можетъ нѣмцу и потѣха, да русскому-то смерть!

Да и то, какому „нѣмцу". Сила „независимыхъ" растетъ теперь въ каждой странѣ. И не загорѣться міровому пожару, пока сила эта не побѣдитъ въ Россіи. Мы должны во что бы то ни стало выйти изъ того болотнаго тупика, въ который съ самаго начала завело насъ наше „революціонное правительство".

Возобновленіе міровой бойни, возстановленіе смертной казни — довольно и этихъ двухъ дѣяній мѣщанскаго соціализма, довольно этихъ тяжелыхъ болотныхъ испареній. Въ этомъ болотѣ долго не выдержитъ революція, въ этомъ болотѣ всему живому—смерть.

Или побѣдитъ нынѣшнее независимое „меньшинство" всѣхъ странъ, побѣдитъ міровой революціонный соціализмъ; или погибнетъ затянутая болотомъ революція. Средняго пути нѣтъ.

И мѣщанское соціалистическое „большинство" всюду это сознаетъ. Но по привычкѣ видѣть сучекъ въ глазу ближняго и не видѣть въ своемъ бревна—всегда радуется побѣдѣ „меньшинства"... лишь въ сосѣднихъ странахъ! Не ошибитесь, міровые мѣщане! Какъ бы не загорѣлось все ваше изсыхающее болото, на потѣху и „нѣмцу" и „русскому" и всѣмъ трудовымъ народамъ міра!

ГУСИ.

Есть люди (все больше кадеты и ихъ хвосты справа и слѣва), которые съ великимъ негодованіемъ бьютъ себя въ грудь и шлютъ громы и молніи на голову „революціонной демократіи". За что? За многіе грѣхи, а пуще всего за „демагогію" и за забвеніе заслугъ „интеллигенціи".

Оказывается „интеллигенція" теперь въ загонѣ, ее обвиняютъ въ контръ-революціонности, въ Корниловщинѣ, въ обывательщинѣ; заслуги ея забыты и непризнаны, а между тѣмъ — не она-ли болѣе столѣтія гибла и страдала за народъ?

Нѣтъ, не она. Защитники ея напрасно волнуются, стенаютъ, кричатъ о былыхъ заслугахъ, какъ крыловскіе гуси: „вѣдь наши предки Римъ спасли!" Та интеллигенція русская, которая „спасала Римъ", гибла на каторгѣ, умирала на висѣлицахъ — та не забыта и не будетъ забыта. И нынѣ прямые наслѣдники ея, подлинные революціонеры духа, творятъ живую жизнь, готовы на всѣ испытанія, на гибель и на смерть. Но что общаго съ ними имѣетъ та громко гогочущая обывательская „интеллигенція" въ кавычкахъ, которая теперь на всѣхъ перекресткахъ кричитъ, что ея „заслуги" забыты, что это ея предки Римъ спасли? „Пусть такъ, но вы, друзья, что сдѣлали такое?" А главное—что вы *теперь* дѣлаете?

Вотъ сразу и отвѣтъ жизни на этотъ вопросъ: читаю отчетъ о состоявшемся третьяго дня многолюдномъ общемъ собраніи петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Цвѣтъ адвокатскаго сословія! Либеральные борцы за свободу! Краса и гордость обывательской „интеллигенціи"!

И вотъ, какъ они себя вели, вотъ, что говорили, вотъ, что дѣлали.

Адвокатъ Гиллерсонъ открылъ собраніе бурной рѣчью противъ Совѣтовъ. Что же! Противъ Совѣтовъ можно многое и многое сказать. Но знаете-ли, что именно говорилъ о нихъ либеральный представитель „интеллигенціи" въ кавычкахъ, адвокатъ Гиллерсонъ? Онъ заявилъ, что Совѣты „во имя свободы личности сдѣлали бездѣятельными рабочихъ" (что это значитъ?), что Совѣты „во имя принципа равенства уничтожали *привиллегіи* офицеровъ" (а развѣ не подлежали уничтоженію всяческія „привиллегіи"?). Но все это еще цвѣточки. Цвѣточекъ также, хотя уже и махровый, заявленіе либеральнаго адвоката, что Корниловъ — „убѣжденный демократъ"! Ну, конечно-же „демократъ"! Не даромъ же шелъ онъ походомъ на Петербургъ чтобы „разогнать" демократическіе Совѣты.

Цвѣтъ адвокатскаго сословія „многократно прерывалъ бурными аплодисментами" всю эту блестящую рѣчь. А когда одинъ изъ

умѣреннѣйшихъ меньшевиковъ-адвокатовъ попробовалъ протестовать противъ тона рѣчи либеральнаго Гиллерсона, то ему не дали говорить, его встрѣтили „бурей негодованія", криками „вонъ!" и „долой!" Предсѣдатель, чтобы гусей... ахъ, виноватъ! — чтобы адвокатовъ не раздразнить, попросилъ меньшевика покинуть кафедру.

То же самое случилось, когда пытался говорить другой присяжный повѣренный, бывшій предсѣдатель солдатской секціи С. Р. и С. Д. Насколько можно судить по началу его рѣчи, онъ „пытался оправдать дѣйствія Совѣтовъ, но ему не дали говорить. Самое начало его рѣчи вызвало бурные протесты и возгласы негодованія".

Но все это еще цвѣточки; дальше началось нѣчто такое, что навсегда позорнымъ клеймомъ будетъ выжжено на лбу всего сословія петербургскихъ адвокатовъ: когда въ дальнѣйшей части засѣданія *„была вынесена резолюція съ требованіемъ отмѣны смертной казни и военно-революціонныхъ судовъ, эта резолюція вызвала столь бурные протесты, что въ виду отрицательнаго отношенія собранія сняли ее съ обсужденія"*.

Вотъ и все. Больше незачѣмъ останавливаться на этой красѣ и гордости россійской „интеллигенціи", петербургской либеральной адвокатурѣ, — не правда-ли? Не удивляйтесь же и впредь, если къ подобной „интеллигенціи" не съ уваженіемъ, а съ презрѣніемъ будетъ относиться революціонная демократія. Пусть же и эта позорящая себя „интеллигенція" не взываетъ впредь къ якобы забытымъ заслугамъ своихъ „предковъ". *Тѣмъ* — по дѣламъ была и честь. *Тѣхъ*—демократія никогда не забудетъ. А *этихъ*? Этимъ она съ презрѣніемъ можетъ отвѣтить старыми словами изъ той же басни:

Оставьте предковъ вы въ покоѣ!
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья--лишь годны...

Вотъ только на что „годны"? Крыловскіе гуси — годны были на жаркое; а гуси изъ обывательской „интеллигенціи"?

Пожалуй что для революціи — ни на что не годны. Какъ это у Гоголя говорится? „Поплевать, да бросить". А вотъ когда придетъ реакція — ого-го, какъ восторженно загогочутъ тогда всѣ наши либеральные гуси! Тогда они еще пригодятся на многое множество потребъ. Только какъ же будутъ тогда они защищать въ судахъ революціонера, присуждаемаго къ смертной казни какимъ-нибудь Держимордой отъ реакціи, если нынѣ столь бурно протестуютъ они противъ отмѣны смертной казни?

Не придется-ли и тогда уважающимъ себя революціоннымъ дѣятелямъ поступить съ этими лицемѣрами... по-гоголевски?

Мечъ войны сперва, мечъ революціи вслѣдъ за нимъ—разсѣкли всю страну, весь народъ, разсѣкутъ и весь міръ на два стана. И каждый, сознательно или въ темныхъ тайникахъ души опредѣлилъ себя, сталъ *здѣсь* или *тамъ*.

Началась міровая война — и среди сотенъ и тысячъ пріявшихъ это чуждое для народа и преступное братоубійственное дѣло, оказалось нѣсколько единицъ и десятковъ, не склонившихъ головы передъ идоломъ великодержавной „государственности“. Передъ этимъ идоломъ стояла русская бюрократическая власть, и за это сметена была она неудержимымъ потокомъ февральской революціи. За купеческую войну умиралъ во всѣхъ странахъ трудовой народъ — но сказать эту правду въ тѣ безумные годы дерзали немногіе „интернаціоналисты“.

Пришла русская революція — и принесла съ собою внѣшнюю побѣду этимъ немногимъ. Изъ единицъ ихъ сразу выросли тысячи и десятки тысячъ, они захватили чуждую имъ идею и утопили ее въ болотѣ мелкаго соглашательства, въ убогомъ соціалистическомъ мѣщанствѣ. На эту болотистую почву стало новое русское „революціонное“ правительство и завязло въ ней безнадежно. Новая волна революціи выноситъ теперь на вершину власти новое революціонное правительство. Соціалисты-мѣщане сметены „большевиками“.

„Большевики“—побѣдили; они у власти. И если въ дни торжества сѣраго соціалистическаго центра, въ дни власти безкрылой соціалистической сѣрости, въ дни пошлыхъ издѣвательствъ надъ „запломбированными“ дѣятелями лѣваго соціализма, если въ тѣ дни не было нравственной возможности стать на сторону горе-побѣдителей, увязнувшихъ въ реакціонномъ болотѣ, то въ нынѣшніе дни побѣды „большевиковъ“, въ дни ихъ торжества и силы—каждый изъ насъ можетъ и долженъ прямо и смѣло намѣтить *свой* путь, не идя за колесницей побѣдителей.

Что было мнѣ ненавистно въ соціалистическомъ болотѣ, почему я не могъ идти по его моховымъ тропамъ? Потому что по двумъ главнымъ вопросамъ (не считая тысячи мелкихъ) всѣ мы были свидѣтелями позорнаго виляція, недопустимаго оппортунизма. Это были вопросы о *войнѣ* и о *смертной казни*.

Война: въ серединѣ марта — обращеніе ко всѣмъ народамъ міра съ призывомъ къ миру, созывъ международной и подлинно народной конференціи, твердое рѣшеніе прекратить міровую бойню „безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ“. Пусть слова эти — корявыя, плоскія, но содержаніе за ними было острое и яркое. И вслѣдъ за ними — безумное возобновленіе войны въ іюнѣ, срывъ съѣзда третьяго интернаціонала, сдача на капитуляцію всѣмъ

темнымъ силамъ, позорный провалъ величайшей идеи русской революціи.

Смертная казнь: отмѣна ея „навсегда", введеніе ея вновь „на фронтѣ", упорныя попытки распространить ее на всю страну...

И этихъ двухъ пунктовъ—было довольно: я не съ тѣми, кто за смертную казнь и за войну. Ибо всѣми силами духа и воли буду всегда возставать я противъ всякой смертной казни, ибо никогда не пойду я съ тѣми, кто длитъ войну хотя бы на одинъ день.

И вотъ — приходитъ октябрьская революція, еще разъ сметаетъ „старую власть", еще разъ провозглашаетъ отмѣну смертной казни и твердое рѣшеніе прекратить войну. И я — всецѣло съ этой новой пришедшей силой, если бы только зналъ, если бы только былъ увѣренъ, что подъ этими словами лежитъ то самое содержаніе, которое мнѣ дороже всего. Но — я въ этомъ не увѣренъ. И даже — я почти увѣренъ въ обратномъ.

Война?—Да, перемиріе, миръ, международная конференція, третій интернаціоналъ. Но не отъ Ленина-ли я слышалъ всегда, что лишь только въ Россіи побѣдитъ подлинная соціальная революція, какъ за лозунги ея начнется міровая война, ибо лишь на концахъ штыковъ побѣда идеи этой пронесена будетъ черезъ всю Европу? Въ идею—я вѣрю, въ „концы штыковъ"—не вѣрю. Я былъ противъ дикой бойни купеческой войны, я—противъ всякой войны, а значитъ и противъ „войны революціонной".

Смертная казнь?—Да, „смертная казнь на фронтѣ отмѣняется". Но не вводится-ли она въ тылу? Прежде съ ужасающимъ фарисействомъ хотѣли казнить солдата за кражу пятнадцати яблокъ; могу-ли я быть увѣренъ, что не будетъ теперь казни за идею? Нѣтъ, я не увѣренъ—скорѣе даже увѣренъ въ противномъ. Ибо я вижу, что смертная казнь свободнаго слова—уже началась; уже предписано „закрытіе на всей территоріи Россійской Республики всѣхъ не-демократическихъ газетъ"...

Диктатура одной партіи, „желѣзная власть", терроръ—уже начались, и не могутъ не продолжаться. Ибо нельзя управлять иными мѣрами, будучи изолированными отъ страны. Я знаю, что въ этой преступной изоляціи больше всего виновно именно соціалистическое „большинство", умывшее нынѣ руки, подобно Понтію Пилату; я знаю, что часть этихъ болотныхъ людей готова идти дальше, готова призывать громы земные на „большевизмъ", готова вопить: „кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ"... Но я знаю также, что дорога внѣшняго и внутренняго террора—не мой путь, что здѣсь пути мои одинаково разошлись съ одними и другими...

А практическіе выводы? Надо рѣзко отмежеваться на обѣ стороны, чтобы сохранить свое лицо. Ибо *свое лицо*—самое дорогое, самое святое, что только можетъ быть у человѣка.

30 октября. **ТРИ СТУПЕНИ.**

Какой путь впереди? Путь единственный. Не умывать рукъ, не предавать на гибель теченіе подлинно революціоннаго соціализма, не отходить въ сторону, боясь грязи и сора, но войти въ самое русло потока, не поступаясь своимъ лицомъ, своими идеалами, своею вѣрой. Газеты разгромлены—бороться за открытіе газетъ. Политическіе враги брошены въ тюрьмы—требовать слѣдствія и суда. Надо выпрямлять—и не вправо, а вверхъ!—ту линію революціоннаго дѣйства, которую „большевизмъ" можетъ искривить въ своемъ упоеніи побѣдой.

Они хотятъ „революціонной войны", они возглашаютъ—„да здравствуетъ гражданская война!" Пусть. Но имъ должны мы сказать то самое, что говорили всѣмъ восхвалявшимъ міровую войну. Да, войну можно призывать, войну можно принимать—но лишь тому, кто *самъ* беретъ ружье въ руки и идетъ убивать и умирать. Во войнѣ націй и въ войнѣ классовъ—мы одинаково должны требовать этого minimum'а этической нормы.

Правда, нормы эти безнадежно убоги и плоски въ пониманіи той злобной обывательщины, которая теперь рветъ и мечетъ, проклиная соціализмъ, проклиная революцію. Двѣ разныя мѣрки у уличнаго хама. Когда тюрьмы были переполнены въ іюлѣ мѣсяцѣ представителями разгромленнаго „большевизма"—мы протестовали противъ этой расправы съ политическими врагами, а уличный хамъ злорадствовалъ, злобился призывалъ къ расправамъ, клеветалъ, издѣвался надъ сидящими въ тюрьмѣ. Теперь, въ ноябрѣ—тюрьмы будутъ переполнены побѣжденными врагами „боьшевизма" и нашими худшими идейными врагами, представителями соціалистическаго болота, и мы заранѣе поднимаемъ нашъ голосъ противъ этого воздаянія „око за око и зубъ за зубъ". Но уличный хамъ—какой онъ вопль подыметъ, какъ будетъ онъ—это онъ-то!—кричать о попранной свободѣ, о поруганной справедливости! Но требуетъ ли онъ смертной казни и тюрьмы или кричитъ противъ нихъ—одинаково онъ гадокъ и противенъ.

Да, много тяжелаго впереди—и тяжелаго не отъ внѣшняго пораженія (внѣшнее пораженіе было внутренней нашей побѣдой), а наоборотъ—отъ внѣшней побѣды. Наша задача въ томъ, чтобы не стала она внутреннимъ пораженіемъ. Мы не можемъ поэтому умыть руки, какъ Понтій Пилатъ, предавая революціонный соціализмъ его судьбѣ. Мы должны идти—до конца.

Мы должны идти до конца тѣмъ болѣе, что не торжество внѣшней побѣды, а быть можетъ обреченность гибели впереди. Эта обреченность—неизбѣжна, если міровая революція не поддержитъ огнемъ

своимъ пламени революціи русской. Огонь этотъ позорно тушился доселѣ болотной водой мѣщанскаго соціализма, захватившаго власть въ Россіи. Революціонная волна презрѣнія и гнѣва затопила его наконецъ. „Презрѣнье созрѣваетъ гнѣвомъ, а зрѣлость гнѣва—есть Мятежъ!“ И, Боже, до чего палъ онъ, до чего докатился онъ, этотъ „соціализмъ“ этихъ „революціонеровъ“! Я пишу эти строки въ Царскомъ Селѣ подъ гулъ канонады тяжелыхъ пушекъ: этп бывшій „министръ-соціалистъ“ ведетъ противъ возставшихъ рабочихъ, матросовъ и солдатъ—казачьи полки... Этимъ все сказано.

Если революціонный соціализмъ побѣдитъ—впереди міровыя возможности, новыя формы государственнаго устройства (власть Совѣтовъ), пламя революціи міровой. Первый годъ русской революціи—этимъ конченъ. Три ступени пришлось ей пройти въ годовой тяжелой борьбѣ.

И первая ступень—самая легкая—побѣда 28 февраля, побѣда надъ „царизмомъ“, мѣдномъ колоссѣ на глиняныхъ ногахъ. Легка была побѣда, потому что годами и годами героической борьбы подготовилась она, потому что смерчъ міровой войны расшаталъ основы и скрѣпы, которыми держался этотъ колоссъ. Въ два-три дня борьбы—рухнулъ онъ и разсыпался пылью.

Вторая ступень—болѣе трудная—побѣда надъ россійскимъ „либерализмомъ“, которой на развалинахъ павшаго строя хотѣлъ устроить испытанный, европейскій, „конституціонный“ строй, строй „буржуазной“ ограниченной монархіи (2-ое марта!) или даже—о, верхъ либерализма!—буржуазной „демократической республики“. Мартъ и апрѣль ушли на скрытую и явную борьбу съ этимъ „либерализмомъ“—врагамъ, болѣе опаснымъ, чѣмъ „царизмъ“, ибо волчьи повадки онъ прикрывалъ лисьимъ хвостомъ. 20-го апрѣля пришелъ и ему конецъ.

Третья ступень — самая тяжелая — побѣда надъ „мѣщанскимъ соціализмомъ“, который тѣсно связался съ павшимъ „либерализмомъ“ и увязилъ на полъ-года въ тускломъ соглашательскомъ болотѣ великую русскую революцію. Великую—по своимъ возможностямъ, жалкую—по своему топтанью въ мѣщанскомъ болотѣ. Въ немъ мы задыхались. Думалось: неужели же огонь революціи потухнетъ, залитый болотной водой? Но вѣрилось: необходимъ и неизбѣженъ этотъ кругъ изъ Дантова ада, не пройдя его—не прозрѣютъ массы. И тяжела была борьба, съ побѣдами и пораженіями. Ибо врагъ былъ безмѣрно сильнѣе и безмѣрно опаснѣе прежнихъ двухъ; не лисьимъ хвостомъ. а овечьей шкурой прикрывалъ онъ свою мѣщанскую сущность. Слуга стараго міра, онъ провозглашалъ себя героемъ міра новаго; соглашатель, рукопожатель и примиренецъ, онъ поднималъ знамя революціоннаго соціализма; революціонное нѣкогда знамя „Учредительнаго Собранія“ онъ сумѣлъ сдѣлать знаменемъ реакціоннымъ. Нынѣ и ему пришелъ конецъ.

Дорога передъ подлиннымъ революціоннымъ соціализмомъ теперь открыта. Что-же? Быть можетъ теперь настало время сказать свое „нынѣ отпущаеши“? Теперь—менѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Ибо, еще и еще разъ повторю—впереди не маниловскій соціалистическій рай на землѣ, не легкая, усѣянная цвѣтами дорога, а тяжкій, тернистый путь, поистинѣ крестный путь народа, крестный путь революціи. Впереди—вѣрю въ это!—пожаръ міровой революціи, впереди—упорная, тяжелая, многолѣтняя, вѣковая борьба со слугами стараго міра, борьба за смутно маячащія цѣнности міра новаго, впереди—ошибки и паденія, побѣды и пораженія.

Прошелъ „годъ революціи“, завершенъ первый кругъ ея; мы—на порогѣ новыхъ невѣдомыхъ круговъ по обрывамъ и кручамъ. И пусть первый же изъ этихъ круговъ приведетъ насъ отъ возстанія народа—къ возстанію народовъ, отъ великой русской революціи—къ великой революціи міровой!

ЛИТЕРАТУРА И РЕВОЛЮЦІЯ.

Глѣбъ Успенскій и идея революціи.

24 марта 1902 года тихо умеръ въ палатѣ для душевнобольныхъ „Ангелъ Господенъ Глѣбъ", умерло то, что оставалось смертнаго отъ Глѣба Ивановича Успенскаго. Умеръ онъ замученный своей, быть можетъ, слишкомъ чуткою совѣстью, загнанный на палатную койку человѣческой „неправдой" и раздвоеніемъ собственной души.

Мы знаемъ: мученики и жертвы правительственнаго гнета записаны десятками, если не сотнями, въ скорбномъ и свѣтломъ листѣ русской литературы; но развѣ меньше въ ней жертвъ и мучениковъ тяжелаго гнета общественнаго? Гнетъ правительственный—въ тюрьмѣ, ссылкѣ, висѣлицѣ, гнетъ общественный—въ духовной тупости, сѣрости, безразличности; первый гнетъ—внѣшній, второй—внутренній, но, поистинѣ, второе бывало и бываетъ горше перваго. Ибо давно уже сказано: не бойтесь уязвляющихъ тѣло, но бойтесь уязвляющихъ душу.

Человѣкомъ съ такой уязвленной душой былъ Гл. Ив. Успенскій. Онъ могъ бы повторить и повторялъ про себя слова Радищева: „душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала." Откуда эти страданія—отъ „дурныхъ правителей" или „дурныхъ согражданъ"..? Конечно, не будь первыхъ, не было бы и вторыхъ; пусть такъ, но вѣдь и наоборотъ—не будь вторыхъ, не было бы и первыхъ... Тутъ все тѣсно связано и переплетено, „все сковано, звено къ звену, навѣкъ зачаровано, въ плѣну, въ плѣну..." Навѣкъ-ли? Въ героически великія минуты исторіи народъ пробуетъ разбить

звенья этой цѣпи, и съ каждымъ новымъ усиліемъ все больше его удача.

Расцвѣтъ творчества Гл. Успенскаго падаетъ какъ разъ на одну изъ такихъ героическихъ минутъ исторіи, когда еще не самъ народъ, но лучшіе его люди, пробовали разбить цѣпь, крѣпко сковавшую народъ. Съ 1876 года по 1884—начало, расцвѣтъ и гибель народовольчества, и къ этимъ же годамъ относится расцвѣтъ творчества Гл. Успенскаго; и духовная гибель его тѣсно связана съ тѣми же „восьмидесятыми годами", которые погубили и народовольчество своею общественной безразличностью, сѣростью, своимъ духовнымъ равнодушіемъ. Правительственный гнетъ въ это время чудесно сочетался съ побѣдой духа общественной обывательщины; жертвъ и мучениковъ было много—однимъ изъ нихъ былъ Гл. Успенскій. Но поистинѣ—жертва онъ не столько черной правительственной реакціи, сколько сѣрой общественной тупости.

Въ полосу общественнаго равнодушія и безразличія попалъ чуткій сердцемъ большой писатель. Уязвленная душа, сказалъ я; „заболѣваніе сердца сущею правдою", говорилъ онъ самъ, и прибавлялъ, что теперь такое заболѣваніе—„составляетъ почти всеобщее явленіе". „Болѣзнь русскаго сердца—говорилъ онъ—составляетъ самую видную черту нашего времени..." Болѣетъ сердце „сущею правдою",—это значитъ, что всякая частная или общественная неправда становится для него неправдою міровой. Лекарство одно—устраненіе міровой неправды; но чтобы устранить ее—надо потрясти основы всего общества. А общество—равнодушно: что ему до міровой неправды, если соблюдена правда уложенія о наказаніяхъ!

Въ знаменитой „Власти земли" Гл. Успенскій приводитъ такой примѣръ неправды общественной и „правды" уголовной. Въ одной прусской деревнѣ крестьянка, доведенная до отчаянія нуждой и задавленная непосильной работой, зарѣзала своихъ пятерыхъ дѣтей, а сама бросилась въ рѣку; ее спасли и будутъ, конечно, по всей уголовной „правдѣ" судить за преступленіе. Въ то же самое время—его святѣйшество папа Левъ XIII, улучивъ удобную минуту, выгодно

продалъ акціи какого то банка, и въ одну минуту ни за что ни про что положилъ себѣ въ столъ четверть милліона франковъ чистаго барыша,—въ этомъ, вѣдь, нѣтъ никакого преступленія...

Но если такъ—то да будетъ проклятъ тотъ общественный порядокъ, который не понимаетъ, что моральное преступленіе . совершилъ его святѣйшество, и что, быть можетъ, изъ-за его четверти милліона барыша доведенная до отчаянія нищая зарѣзала своихъ дѣтей. „Общество это таитъ въ глубинѣ своей смертельную язву огромной неправды, а шаблонные оправдательные доводы—ложь, обманъ...“

Разрушить эту ложь, свергнуть обманъ можетъ только революція—внѣшняя и внутренняя, разбивающая внѣшнія цѣпи и срывающая внутреннія путы. Гл. Успенскій вспоминаетъ объ одной изъ такихъ внутреннихъ революцій въ русской жизни. „Для громаднаго большинства русскихъ людей—говоритъ онъ („Хочещь-не-хочешь“)—на другой день по освобожденіи крестьянъ оказалось необходимымъ ввести въ собственное сознаніе такія понятія, которыя вчера еще были совершенно не нужны, а сегодня сдѣлались необходимы. Оказывалось необходимымъ дать мѣсто въ своемъ сознаніи идеѣ равноправности,—идеѣ, которая вчера была преступленіемъ; оказывалось необходимымъ признать неизбѣжность труда, допустить вмѣшательство правды въ человѣческія отношенія...“

Но—Улита ѣдетъ, когда-то будетъ! Легко сказать: „идея равноправности“, идея „неизбѣжности труда“; пусть, какъ зерна, посѣяны были онѣ въ массахъ самой жизнью еще въ 1861 году, но вѣдь первые всходы, и то побитые морозомъ, появились лишь полвѣка спустя! И лишь теперь, въ революціонные дни марта 1917 года, можемъ мы начать проводить въ жизнь и идею „равноправности“ и идею „неизбѣжности труда“. Да и то спросить: докатится ли волна революціи отъ первой идеи ко второй, иначе говоря—отъ революціи политической до соціальной? Твердо вѣримъ, что да, и всѣми силами до конца будемъ бороться за нашу правду; и борьба неизбѣжна, ибо на пути стоятъ враждебные групповые интересы, а также и худшій врагъ—та стѣна обще-

ственнаго равнодушія, о которую разбилъ голову Гл. Успенскій.

Революція внѣшняя—совершена; но духовно за ней не поспѣваютъ всѣ эти „попутчики", „сочувствующіе", не говоря уже о безразличныхъ и равнодушныхъ. Прислушайтесь къ смутному говору обывательскихъ круговъ—и вы вспомните слова Гл. Успенскаго о „непоспѣвающихъ" за быстрыми шагами исторіи. Ибо всякій великій народъ—Илья Муромецъ; тридцать лѣтъ и три года сидитъ онъ сиднемъ и только копитъ силы, но когда встанетъ, размахнется и пойдетъ—то не всякому по силамъ идти по его стопамъ, не отставать отъ исторіи. Онъ крушитъ враговъ на своемъ пути:

Куды махнетъ—тамъ и улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ;

а кругомъ—какъ много „безразличныхъ", „непоспѣвающихъ"! (все слова Гл. Успенскаго). „Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ... Сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ; сколько злыхъ, оскалившихъ отъ злости зубы!.. И все это—рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это—новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ или не хочетъ помириться съ новою мыслью..." („Новыя времена, новыя заботы").

Все это—предостерегающій кличъ: „Sentinelle, prenez garde à vous!.." И къ этому кличу надо прислушиваться въ самый разгаръ революціонныхъ восторговъ, ибо въ этомъ разгарѣ забываешь о „непоспѣвающихъ", а они, быть можетъ, составляютъ не малую часть былыхъ революціонеровъ духа. Позвольте мнѣ привести еще одну характернѣйшую цитату изъ Гл. Успенскаго: онъ какъ нельзя лучше видѣлъ всѣ подводные камни того теченія, которое вынесло насъ теперь на широкій просторъ. Представьте себѣ, говоритъ Гл. Успенскій, общественнаго дѣятеля: „человѣкъ, долгіе годы работавшій надъ тѣмъ, чтобы въ душное время полнѣйшей засухи достать хоть капельку свѣжей воды, рывшійся до

нея сквозь каменные слои, называющіеся „нельзя, не смѣй“; проникавшій за нею сквозь сыпучіе пески, называющіеся „не надо, не нужно, на что намъ...“

Боролся этотъ общественный дѣятель и съ правительственнымъ гнетомъ, и съ общественнымъ безразличіемъ, чтобы добыть каплю воды; и вдругъ, представьте вы себѣ,— „рухнули своды, хлынули воды, нынѣ мы всѣ въ океанѣ свободы...“ А нашъ либеральный или даже соціалистическій общественный дѣятель? О немъ говоритъ Гл. Успенскій: „вчера онъ въ потѣ лица добывалъ каплю этой воды, а сегодня воды нахлынуло столько, что и насосъ вылетаетъ съ корнемъ, и поршень начинаетъ упираться отъ ея напора, и самъ общественный труженикъ унесенъ, какъ щепка, этимъ вдругъ нахлынувшимъ потокомъ. И вотъ, погибая, онъ вопіетъ противъ губящей его стихіи, которую самъ же всю жизнь вызывалъ на свѣтъ Божій...“ („Хочешь-не хочешь“).

Да, вѣчная это исторія и вѣчно новая. Исторія повторяется. Такъ во времена Гл. Успенскаго многіе „непоспѣвающіе“ вопіяли противъ бурнаго политическаго потока партіи Народной Воли; такъ нынѣ начинаютъ уже вопіять многіе уносимые бурнымъ соціальнымъ потокомъ народной воли...

Что же бываетъ дальше? Гл. Успенскій даетъ на это отвѣтъ съ неоставляющей ничего желать ясностью. Кромѣ „непоспѣвающихъ“, есть еще и „безразличные“—и союзъ ихъ часто образуетъ ту плотину общественной обывательщины, о которую можетъ разбиться живой потокъ революціи. Такъ было послѣ февральской революціи—въ іюнѣ 1848 г.: объ этомъ съ незабываемой яркостью разсказалъ намъ Герценъ. Такъ было двадцатью годами позднѣе въ версальскихъ военныхъ судахъ—и Гл. Успенскій не разъ разсказывалъ о томъ, какъ въ этихъ судахъ раздѣлывались съ коммунарами, какъ господа буржуазные судьи въ полтора часа разбирали пятнадцать дѣлъ и упекали сотни подсудимыхъ въ Кайенну, обнажая головы передъ великими и узурпированными словами: „au nom du peuple français...“ („Выпрямила“). Такъ всегда бываетъ, когда волна революціи политической не достигаетъ высоты революціи соціальной.

Волна марта 1917 года пока еще слишкомъ высока, чтобы мы теперь съ неизбѣжностью могли высказать подобныя опасенія; но уже теперь мы видимъ сотни и тысячи „непоспѣвающихъ“ и „безразличныхъ“—и никогда не рано сказать слово предостереженія. Въ дни же Гл. Успенскаго положеніе было безысходно-трагическимъ. Бурный порывъ партіи Народной Воли не имѣлъ видимаго успѣха; независимо отъ висѣлицъ и тюремъ правительства, онъ разбился во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ о стѣну обывательской косности, о тѣсный союзъ тѣхъ самыхъ „непоспѣвающихъ“ и „безразличныхъ“, которымъ столько ядовитыхъ словъ посвятилъ Гл. Успенскій. Въ концѣ 80-хъ годовъ онъ написалъ о „безразличныхъ“ цѣлый очеркъ („Медъ и деготь“); онъ говоритъ въ немъ о громадной массѣ людей „ни горячихъ, ни холодныхъ“, о тѣхъ людяхъ, которые даже послѣ смерти не попадаютъ ни въ адъ, ни въ рай, ибо не заслуживаютъ ни того, ни другого. Для этихъ людей спеціально уготована область „чистилища“; у Данте они стоятъ лишь въ преддверіи ада, и Вергилій, при видѣ ихъ, говоритъ поэту: „проходи, не оглядываясь...“

Но въ общественной жизни—мы окружены ими; пройти мимо нельзя. И Гл. Успенскій разсказываетъ намъ о нихъ,—отводя имъ преимущественное мѣсто въ нашемъ россійскомъ обществѣ 80-хъ годовъ. Но, вѣдь, они—вѣчны, внѣвременны, внѣпространственны... Изъ житія Василія Новаго приводитъ Гл. Успенскій картину жизни этихъ людей: отвелъ имъ Господь для пребыванія „особую область на сѣверѣ“ и наказалъ ихъ „лишеніемъ всего, что имъ потребно...“ Это русское „безразличное“ общество восьмидесятыхъ годовъ было, вмѣстѣ съ группой „непоспѣвающихъ“, лучшей плотиной на пути всѣхъ освободительныхъ теченій. Чѣмъ и какъ можно было пробить эту плотину?

Чѣмъ и какъ—жизнь показала. Многіе не дождались часа побѣды, многіе погибли въ борьбѣ съ общественнымъ мѣщанствомъ; погибъ „уязвленный душою“ Гл. Успенскій, не вынесъ гибели лучшихъ и торжества безразличныхъ. Мы—счастливцы, мы дожили до побѣды народной воли, но и теперь, въ минуту побѣды не забудемъ сторожевого клича.

предостерегающихъ голосовъ, и въ числѣ ихъ—голоса Гл. Успенскаго.

Онъ говоритъ намъ о борьбѣ до конца, о борьбѣ за политическую свободу народа, и о продолженіи борьбы до полнаго его соціальнаго освобожденія. Политическая революція совершена, соціальная—впереди. Борясь за нее, будемъ помнить великихъ борцовъ и проповѣдниковъ ея. Борцомъ Гл. Успенскій не былъ; провозвѣстникомъ ея онъ былъ въ теченіе всей своей художественной дѣятельности.

24 марта.

Глѣбъ Успенскій и революціонное народничество.

(† *24 марта 1902 г.*).

Пятнадцать лѣтъ прошло со дня смерти Гл. Ив. Успенскаго. Крупнѣйшій изъ всѣхъ художниковъ народничества, большой писатель и большой человѣкъ, тяжело болѣвшій *„сущею правдою“* (его слова, хотя и не о себѣ), человѣкъ съ раздвоенной душою, нашедшій погибель въ этомъ раздвоеніи. Теперь, въ наши удивительные дни, когда начинаетъ колебаться и рушиться многое изъ былой неправды,—неправды тяжестью своею годы и вѣка сокрушавшей лучшихъ людей,—умѣстно вспомнить о Гл. Успенскомъ не только какъ о художникѣ-народникѣ, но и какъ о народникѣ вообще; умѣстно вспомнить объ отношеніи его къ народникамъ-борцамъ, къ боевому народничеству семидесятыхъ годовъ. Есть къ тому же основанія думать, что именно здѣсь, именно въ области этихъ отношеній лежитъ одна изъ причинъ духовнаго раздвоенія Гл. Успенскаго, одна изъ причинъ его гибели.

„Духовное раздвоеніе“—это не значитъ, чтобы Гл. Успенскій могъ или захотѣлъ примѣнить къ себѣ слова другого великаго поэта-народника:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ...

Нѣтъ, этихъ словъ Гл. Успенскій не повторилъ бы: онъ не былъ „бойцомъ“, онъ не могъ имъ быть по складу своей души; и въ то же время въ глубинѣ его души жила вѣчная и ничѣмъ не удовлетворяемая жажда къ „дѣйствію“—

не къ писательскому „слову“, а къ какому-то „дѣлу“, къ дѣлу общественному, политическому, революціонному. Тогда, въ семидесятые и восьмидесятые годы, дѣло общественное, политическое, революціонное—все это были тождественныя понятія...

„Слова поэта суть дѣла его“, творенія художника суть его дѣйствія,—и съ этимъ никогда бы не согласился Гл. Успенскій. Свое слово, слово художника, онъ считалъ дѣломъ, но онъ зналъ, что это слово, что это дѣло должно быть оправдано, должно быть подтверждено дѣломъ жизни, должно быть подтверждено всею жизнью писателя и человѣка. И потому иной разъ завидовалъ онъ писаніямъ Бакунина или Лаврова, зная, что дѣломъ жизни подтверждаютъ они свои слова.

Настроеніе это должно было окрѣпнуть еще съ самаго начала семидесятыхъ годовъ, когда Гл. Успенскій попалъ въ Парижъ, а въ Парижѣ попалъ въ среду русскихъ эмигрантовъ—бакунистовъ и лавристовъ. Это были Клеменцъ, Степнякъ-Кравчинскій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ; послѣдній и разсказалъ много лѣтъ спустя въ своихъ воспоминаніяхъ (въ журналахъ „Былое“ и „Завѣты“) о парижской жизни Гл. Успенскаго въ кругу русскихъ революціонеровъ и эмигрантовъ. Въ постоянной дружеской бесѣдѣ встрѣчался Гл. Успенскій съ народниками революціонерами, на циклостилѣ Степняка-Кравчинскаго отпечатывалъ ad usum amicorum шуточный „Манифестъ“ крестьянамъ: „Которыя теперича земли у помѣщиковъ, тѣи взять, деньги прислать намъ, а вамъ жить смирно. Глѣбъ Успенскій“. Бывали и серьезные споры—и въ нихъ Гл. Успенскій не сдавалъ своего писательскаго знамени: на ядовитое замѣчаніе Кравчинскаго, что онъ, Кравчинскій, пишетъ отвѣтственныя статьи для революціонныхъ изданій, а не какіе-нибудь разсказы для легальныхъ, Гл. Успенскій отвѣтилъ подчеркиваніемъ своего „сознанія отвѣтственности“, какъ писателя. И въ то же время онъ не могъ не завидовать „сознанію отвѣтственности“ революціонера, ибо видѣлъ въ его активномъ дѣйствіи непосредственное оправданіе слова дѣломъ, оправданія дѣла—жизнью.

Быть можетъ, потому, именно, ему доставило „несомнѣнное удовольствіе“ напечатаніе въ парижскомъ журналѣ Лаврова „Впередъ“ его статьи. Впрочемъ, это было уже нѣсколько позднѣе, въ 1875 г., и къ своему фельетону „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“ Гл. Успенскій относился не слишкомъ серьезно: „Ну, какая это статья! Въ поповскую проповѣдь вставилъ два-три замѣчанія мужика“. И, все-таки, это было уже какое-то общеніе въ дѣлѣ съ революціоннымъ міромъ. Когда, вслѣдствіе этого „общенія“, возвращающагося въ Россію Гл. Успенскаго обыскали на границѣ и хотѣли арестовать, онъ искренно изумился: „ну, какой же я революціонеръ!“; но, быть можетъ, въ этой репликѣ было горечи не меньше, чѣмъ искренности.

Въ это время, къ тому же, Гл. Успенскій склонялся къ революціоннымъ теоріямъ гораздо болѣе „лѣвымъ“, чѣмъ лавризмъ съ его пропагандой чистой пропаганды. А. И. Иванчинъ-Писаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ впервые, кажется, отмѣтилъ, что разсказъ Гл. Успенскаго „Неизлечимый“ (написанный въ 1876 г.) заключаетъ въ себѣ уже несомнѣнные выпады противъ Лаврова, все менѣе и менѣе въ то время популярнаго: отъ „чистой пропаганды“ народники начинали переходить тогда къ „активной пропагандѣ“, „пропагандѣ дѣйствіемъ“, мало-по-малу крѣпли и побѣждали боевыя настроенія Народной Воли.

Съ народовольцами Гл. Успенскій входитъ въ тѣсныя и дружескія сношенія; онъ знакомъ съ Ю. Богдановичемъ, Желябовымъ, Кибальчичемъ, Корба, Саблинымъ, Софьей Перовской, В. Н. Фигнеръ. Многіе изъ нихъ встрѣчаютъ у него новый 1881 г.—для иныхъ послѣдній... Онъ собирается писать повѣсть изъ жизни Г. А. Лопатина („Удалой добрый молодецъ“), черты В. Н. Фигнеръ мелькаютъ въ знаменитомъ его разсказѣ „Выпрямила“. Онъ принимаетъ участіе въ организаціи (неудавшагося) побѣга одного изъ революціонеровъ изъ Литовскаго замка въ 1877 году,—и въ произведеніяхъ его конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ не разъ сквозятъ намеки на героевъ-революціонеровъ, проливающихъ неизбѣжно кровь, а по существу „кроткихъ, какъ агнцы, людей“... Полной и бурной поли-

тической борьбой живетъ русское революціонное народничество,—и врядъ ли это только случайное совпаденіе, что именно къ этимъ годамъ, 1876—1884, относится расцвѣтъ художественнаго творчества Гл. Успенскаго. И врядъ ли это только случайное совпаденіе, что удары 1881 и 1884 г.г. тяжело отражаются и на послѣдующемъ творчествѣ Гл. Успенскаго, и на его душевномъ состояніи.

„Смолкли честные, доблестно павшіе"—одни повѣшены, другіе заточены, третьи сосланы. И все это—друзья, близкіе знакомые... И, конечно, не случайно съ середины 80-хъ годовъ все безнадежнѣе и безнадежнѣе становится настроеніе Гл. Успенскаго, все острѣе и непримиримѣе его душевное раздвоеніе. Много разныхъ причинъ породило это раздвоеніе, но среди нихъ, несомнѣнно, не послѣднее мѣсто занимаетъ и сознаніе не до конца оправданнаго дѣломъ своего писательскаго слова. На это мало обращали до сихъ поръ вниманія, но это съ безусловной несомнѣнностью подтверждаетъ многое изъ писаній Гл. Успенскаго и, между прочимъ, одно письмо, сохранившееся въ его бумагахъ и не отправленное адресату (В. М. Соболевскому). Послѣ разговоровъ съ болгарскими революціонерами Гл. Успенскій такъ пишетъ о самомъ себѣ:

„Да! надобно *дѣйствовать* и дѣйствовать *прямо*! Ты—писатель (думаютъ они), сочувствуешь и тому-то, и тому-то? Ну, такъ докажи. Бѣда тебѣ будетъ, плохо? До этого намъ нѣтъ дѣла. Мы, вѣдь, не боимся разстрѣливать подлецовъ, и не боятся ваши, которые ненавидятъ подлецовъ,—умирать. Ты долженъ быть не зайцемъ, боящимся всего этого. Если вы, писатели, пишете то то и то-то, то и на дѣлѣ пожалуйте! Это все вѣрно, правда сущая. Но я еще запуганъ. Вздохну, обдумаю, немного укрѣплюсь и, повѣрьте, сдѣлаю *такъ*! Если я не сдѣлаю *такъ,* то все—чепуха, вся жизнь—вздоръ, сочиненіе, пустяки, презрѣнные пустяки"...

Сдѣлать *такъ* ему не удалось, не пришлось, и въ этомъ одна изъ причинъ его духовнаго раздвоенія, его тяжелой и медленной гибели. Это раздвоеніе, эта гибель—отъ бонолѣзнен-чуткой совѣсти, требовавшей оправданія словъ дѣлами.

Такъ онъ судилъ—и осудилъ себя. И за это мы тѣмъ ниже преклонимся передъ его памятью, передъ обликомъ большого писателя и большого человѣка и въ первомъ почтимъ второго, ибо большихъ писателей въ русской литературѣ немало, но мало въ жизни подлинно большихъ людей.

25 марта.

О художникѣ и публицистѣ.

Съ М. Горькимъ случилась непріятность: имя его, въ началѣ войны, открывало рядъ подписей „русскихъ писателей, художниковъ и артистовъ“ подъ шовинистическимъ московскимъ воззваніемъ (напечатано оно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 28 сент. 1914 г.). Мнѣ пришлось упомянуть объ этомъ въ статьѣ „Испытаніе огнемъ“. Подписавшихся подъ этимъ воззваніемъ писателей было много, весь „пантеонъ“ почетныхъ именъ прошелъ тамъ передъ нами церемоніально-патріотическимъ шагомъ, держа „равненіе направо“; но именно потому было и неожиданно и обидно—въ то время разнузданнаго шовинизма—увидѣть подпись М. Горькаго во главѣ этого отряда дешево патріотствующихъ писателей, академиковъ, профессоровъ, артистовъ...

Теперь М. Горькій объясняетъ (въ „Новой Жизни“) эту свою подпись „случайностью“ и (нѣсколько туманно) свойствами русскаго быта и „небрежнымъ отношеніемъ къ человѣку“; я очень радъ довести объ этомъ до свѣдѣнія читателей, ибо М. Горькій въ компаніи либералъ-патріотовъ рѣзалъ глазъ даже въ 1914 г.

Все это прекрасно. Жаль только, что и теперь М. Горькій, „не оправдываясь“ —оправдывается, и заявляетъ, что-де онъ „готовъ подписать и еще воззваніе, если только оно порицаетъ участіе людей науки въ братоубійственной и безсмысленной бойнѣ“. Такъ-то оно такъ, да бѣда въ томъ, что „и еще воззваніе“ можетъ выйти чудеснѣйшимъ, а московское было сквернѣйшимъ, и не только не говорилось

тамъ ни одного слова противъ братоубійственной и безсмысленной бойни, а какъ разъ наоборотъ—былъ призывъ къ этой бойнѣ, былъ призывъ „покарать злодѣяніе", „вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе", „лишить мощи"... Ахъ, какъ легко „вырывать оружіе", сидя съ перомъ въ рукѣ въ тепломъ кабинетѣ! И я снова спрашиваю: кто изъ многочисленныхъ писателей, чьи подписи стояли подъ московскимъ воззваніемъ, кто изъ нихъ не только *сказалъ*, но и *пошелъ*?... Вотъ почему, повторяю, я очень радъ, что среди этихъ только „сказавшихъ" не было единственнаго у насъ художника и соціалиста, что подпись М. Горькаго оказалась „случайной"...

Я очень радъ, но тутъ же рядомъ—новыя заявленія М. Горькаго, которыя не доставляютъ мнѣ ни малѣйшей радости и врядъ-ли доставятъ ее кому-нибудь, кромѣ самодовольнаго обывателя и духовнаго мѣщанина.

Оправдывая свою политическую „гибкость",—она сказалась и въ эпизодѣ со случайной подписью, и въ намѣреніи идейно-газетнаго союза съ академикомъ Виноградовымъ, воинственнымъ адвокатомъ англо-русскаго имперіализма, и еще во многомъ и многомъ другомъ,—оправдывая свою „гибкость", М. Горькій заявляетъ, что, на его взглядъ, „человѣкъ долженъ дѣлать все то доброе и нужное, что онъ можетъ сдѣлать, хотя бы „дѣло" и не вполнѣ гармонировало съ его основными вѣрованіями". „Я,—продолжаетъ М. Горькій—издавна чувствую себя живущимъ въ странѣ, гдѣ огромное большинство населенія—болтуны и бездѣльники, и вся работа моей жизни сводится, по смыслу ея, къ возбужденію въ людяхъ дѣеспособности"...

Написавъ эти невѣроятныя строки, заявивъ, кстати, что все же онъ „страстно и мучительно любитъ" этихъ болтуновъ и бездѣльниковъ, любитъ „живого, грѣшнаго и—простите—жалкенькаго русскаго человѣка",—М. Горькій заранѣе ждетъ поношенія отъ „праведниковъ". Не принадлежа къ числу послѣднихъ, я могу только горестно изумиться, зачѣмъ М. Горькій такъ несправедливо самъ поноситъ себя? Зачѣмъ снова—и снова неудачно—пытается стать онъ на стезю публициста? Или мало было ему опыта съ печальной

памяти статьею „Двѣ души", о которой я не знаю двухъ мнѣній?

И снова приходится повторять то, о чемъ приходилось говорить уже не одинъ разъ: зачѣмъ самъ М. Горькій усиленно себя топитъ? Зачѣмъ берется онъ за перо публициста, не умѣя имъ владѣть? Зачѣмъ не остается онъ на той почвѣ, на которой—вся его сила? Кистью художника онъ владѣетъ твердо, но, видно, всегда такъ бываетъ: хорошій лѣкарь думаетъ, что онъ—искусный пекарь, а пекарь-то онъ преплохой...

Вотъ если бы художникъ-Горькій нарисовалъ намъ еще разъ мѣщанское русское захолустье, русскую деревню, русскій городъ и показалъ бы намъ, какъ художникъ, что русскій человѣкъ—„жалкенькій человѣкъ", что весь народъ русскій въ „огромномъ большинствѣ"—„бездѣльникъ и болтунъ", когда художникъ *показалъ* бы намъ это—быть можетъ, мы и повѣрили бы ему, онъ убѣдилъ бы насъ. Но, подлинно, нужна была бы неслыханная мощь таланта, чтобы показать читателямъ, чтобы убѣдить читателей въ художественной истинѣ этой невѣроятной „истины". Ибо только художникъ можетъ творить „невѣроятное", творить чудо.

Но когда, вмѣсто этого, приходитъ къ намъ публицистъ-Горькій и скучнымъ, вялымъ, соннымъ голосомъ докладываетъ новоявленную „истину", не показываетъ, а поучительно разсказываетъ, что-де вотъ, граждане, довожу до вашего свѣдѣнія, что „огромное большинство населенія Россіи—болтуны и бездѣльники", то не знаешь, куда спрятаться отъ стыда за большого художника, за маленькаго публициста Максима Горькаго, который еще и еще разъ берется не за свое дѣло и самъ своими руками упорно роетъ себѣ публицистическія ямы. Быть можетъ, это—тоже „случайность"? Пусть такъ. Но разъ случайность, два случайность—не слишкомъ ли много „случайностей" вокругъ этого большого писателя и неудачнаго публициста?

25 апрѣля.

Крестный путь.

(Н. Г. Чернышевскій, какъ революціонеръ).

I.

Шестидесятые годы богаты именами крупныхъ дѣятелей русской литературы и общественности; но среди нихъ Н. Г. Чернышевскій выдѣляется совершенно исключительно по своему значенію, по своему дарованію,—просто по своему духовному росту. „По плечу“ ему не былъ почти никто изъ современниковъ, и „помѣряться главами“ онъ могъ бы только съ однимъ Герценомъ.

И самъ Чернышевскій это сознавалъ, а сознавая—не стѣснялся высказывать. Отсюда—обвиненія въ самомнѣніи, въ маніи величія, въ презрѣніи къ противникамъ; послѣднее, правда, часто имѣло мѣсто—и почти всегда вполнѣ заслуженно. Нерѣдко, однако, бывало и другое: не только презрѣніе къ противникамъ, но и бичеваніе союзниковъ—за робость, за слабость, за непослѣдовательность, за недостаточную революціонность.

Чернышевскій-революціонеръ—къ этому до сихъ поръ почтенные историки и изслѣдователи относятся почти что недовѣрчиво. Ну, конечно,—былъ онъ настроенъ „противоправительственно“, но, вѣдь, твердыхъ документальныхъ фактовъ его подлинной революціонной дѣятельности мы не имѣемъ почти никакихъ. Его судили, осудили и сослали. Но, вѣдь, доказано уже, что судъ надъ нимъ былъ шемя-

кинымъ судомъ, грубо инсценированнымъ тогдашнимъ департаментомъ полиціи,—съ наемными свидѣтелями, съ платными провокаторами.

Историкъ этого суда справедливо указываетъ, что процессъ Чернышевскаго былъ процессомъ „подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности“ (М. Лемке). И самъ Чернышевскій уже на каторгѣ и послѣ нея говорилъ: „Богъ ихъ знаетъ, можетъ быть, имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю...“ И онъ былъ правъ: полицейскій судъ сослалъ его на основаніи явно подложныхъ документовъ, и никогда не было доказано „документально“, что Чернышевскій дѣйствительно принималъ участіе въ революціонной жизни своего времени.

И однако, всѣ мы знаемъ или, по крайней мѣрѣ, чувствуемъ, что Чернышевскій былъ подлиннымъ революціонеромъ не только по „внѣшнимъ поступкамъ“, но и по внутреннему устремленію духа. Спорятъ о томъ, принималъ-ли Чернышевскій участіе въ составленіи прокламаціи „Великорусса“, входилъ-ли онъ въ революціонную работу Михайлова, былъ ли прикосновененъ къ обществу „Земля и Воля“, составилъ-ли революціонное воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, написалъ-ли напечатанное въ „Колоколѣ“ письмо къ Герцену со знаменитымъ революціоннымъ воззваніемъ къ русской молодежи. Всѣ эти факты почти несомнѣнны, послѣдніе два даже съ очевидностью доказаны; но, спрошу я, развѣ въ нихъ дѣло?

Изслѣдователи высказываютъ справедливое предположеніе что „революціонная дѣятельность Чернышевскаго, обставленная необыкновенно, по тогдашнимъ временамъ, конспиративно, такъ и не вскроется для насъ: она унесена имъ въ могилу“ (М. Лемке). Это очень правдоподобно; но мы легко могли бы не знать никакихъ фактовъ изъ подпольной дѣятельности Чернышевскаго, и все-таки, зная его жизнь и его литературную работу, могли бы, ни минуты не сомнѣваясь, твердо сказать, что передъ нами—подлинный революціонеръ по духу, по чувству, по мысли, по устремленію.

II.

Дѣйствительно, развѣ дѣло въ подпольныхъ прокламацiяхъ, въ революцiонныхъ призывахъ, даже въ революцiонныхъ дѣйствiяхъ? И кто, въ сущности, революцiонеръ? Революцiонеръ подлинный, революцiонеръ по духу, ибо революцiонеровъ-обывателей гораздо больше на свѣтѣ, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ.

Помните характерную шутку одного революцiонера про Бакунина? Бакунинъ полезенъ до революцiи и во время революцiи, но его надо повѣсить на другой же день послѣ революцiи... И онъ по своему правъ, этотъ революцiонеръ-обыватель, ибо онъ искренно не понимаетъ, что „другой день“ *послѣ* революцiи снова является однимъ изъ дней *до* новой революцiи, или однимъ изъ дней продолжающейся *этой-же* революцiи.

Припомните и другое: какъ нѣмецкiй революцiонеръ-обыватель, Густавъ Струве, былъ возмущенъ непочтительнымъ отношенiемъ подлиннаго революцiонера, Герцена, къ непререкаемымъ авторитетамъ, и какъ, ощупавъ голову Герцена, онъ торжественно провозгласилъ, что „Bürger Herzen hat kein, aber auch gar kein Organ der Veneration“... Это смѣшно и нелѣпо, но зато, вѣдь, и дѣйствительно характерно: „шишки почтительности“ никогда не было у Герцена.

Чернышевскiй стоитъ здѣсь въ одномъ ряду съ Герценомъ и съ Бакунинымъ. И у него тоже никогда не было „шишки почтительности“,—чѣмъ-чѣмъ, а ужъ этимъ онъ не грѣшилъ!—и его, вѣроятно, не мѣшало бы „повѣсить на другой день послѣ революцiи...“ Ибо на другой же день послѣ революцiи цѣлыя полчища былыхъ „революцiонеровъ“ считаютъ, что дѣло революцiи закончено, что пора „поставить точку“. Оглянитесь вокругъ, если хотите видѣть десятки и сотни живыхъ, двуногихъ примѣровъ. Былые „революцiонеры“ постепенно и быстро захлебываются въ потокѣ обывательщины и проявляютъ себя съ такихъ сторонъ, что только диву даешься: да неужели когда-то еще

недавно, съ ними можно было итти чуть ли не въ однихъ рядахъ?

За день до революціи—всѣ „революціонеры“; черезъ день послѣ нея—уже ничѣмъ не замазать щель между революціонеромъ и обывателемъ; черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ—щель обращается въ непереходимую пропасть. И я спрашиваю еще разъ: кто же—дѣйствительно подлинный революціонеръ, революціонеръ по духу, по чувству, по мысли, по устремленію? Можно быть анархистомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, типичнѣйшимъ обывателемъ; дѣло не въ политической и соціальной „платформѣ“, а въ душѣ человѣческой, неудовлетворенной и неудовлетворяющейся, вѣчно алчущей и вѣчно жаждущей.

Эта вѣчная неудовлетворенность—одна изъ характернѣйшихъ чертъ души Н. Г. Чернышевскаго. Не потому онъ революціонеръ, что написалъ подпольное воззваніе и былъ прикосновененъ къ „Землѣ и Волѣ“—мало-ли типичнѣйшихъ мѣщанъ отъ революціи входили въ тѣ же ряды!—а потому, что съ самаго начала своей недолгой дѣятельности и до самаго ея насильственнаго конца онъ горѣлъ непримиримымъ и неугасимымъ пламенемъ борьбы за народное счастье, за народную волю въ полномъ объемѣ, за широко понимаемое благо народное...

Такъ мыслитъ онъ, и смерть ему любезна:
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

III.

Судьба была ясна Чернышевскому дѣйствительно „давно“—гораздо раньше, чѣмъ это могъ предполагать Некрасовъ. Еще въ полу-юношескомъ дневникѣ, писанномъ, когда Чернышевскому было всего около двадцати пяти лѣтъ, мы находимъ не только вполнѣ опредѣленныя предчувствія грядущей судьбы,—казни, ссылки, каторги,—но и сознаніе полной невозможности миновать эту судьбу.

„Я не могу жениться ужъ по одному тому,—говорилъ Чернышевскій своей невѣстѣ въ началѣ 1853 года,—что я не знаю, сколько времени пробуду я на свободѣ. Меня каждый день могутъ взять... У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя... И едва ли я уже выйду изъ крѣпости...“ Это—почти пророчество о будущей своей судьбѣ; но очевидно, что уже и въ это время Чернышевскій былъ прикосновененъ такъ или иначе къ революціонной дѣятельности. По крайней мѣрѣ, рѣшившись жениться, онъ уговариваетъ самъ себя: „я долженъ чѣмъ-нибудь сдерживать себя на дорогѣ къ Искандеру...“

Женитьбой онъ наивно хотѣлъ какъ бы застраховаться отъ „революціоннаго направленія“, усиленно старался стать на обывательскія рельсы (весь дневникъ крайне характеренъ въ этомъ отношеніи). „Мнѣ должно жениться, чтобы стать осторожнѣе. Потому, что если я буду продолжать такъ, какъ началъ, я могу попасться въ самомъ дѣлѣ... Должна быть защита противъ демократическаго, противъ революціоннаго направленія, и этою защитою ничто не можетъ быть, кромѣ мысли о женѣ...“

Тщетныя попытки! Онѣ не могли не остаться только словами. Ибо, если обывателю и застраховывать себя не надо (врожденный иммунитетъ!), то подлиннаго революціонера никакая прививка не беретъ... Прошло всего нѣсколько лѣтъ—и въ автобіографическомъ романѣ „Прологъ пролога“ передъ нами—все тотъ же Чернышевскій (по роману Волгинъ), все съ тѣми же опасеніями насчетъ будущей судьбы, все съ тѣми же предчувствіями, которымъ скоро суждено было осуществиться.

„Дѣла русскаго народа плохи,—говоритъ Чернышевскій-Волгинъ женѣ осенью 1858 года (дѣйствіе ошибочно отнесено авторомъ къ году 1857-му).—Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не позаботился-бы. Но моя репутація увеличивается. Два, три года—и будутъ считать меня человѣкомъ со вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю, и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашею свадьбою я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки. Но чѣмъ дальше

идетъ время, тѣмъ виднѣе, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего непріятнаго тебѣ. Но не могу не видѣть, что черезъ нѣсколько времени...“

Такъ смотрѣлъ на себя Чернышевскій съ самаго начала своей общественной дѣятельности, такъ смотрѣлъ онъ до самаго конца ея. *Обреченный*—вотъ это чувство, вотъ это слово; онъ хорошо зналъ, что не его поколѣнію суждено дойти до земли обѣтованной, что долго долго суждено еще гибнуть лучшимъ сынамъ русской интеллигенціи въ пескахъ пустыни. И Чернышевскій, по словамъ поэта, „ясно видѣлъ невозможность служить добру, не жертвуя собой...“ Онъ хорошо зналъ, что ему, обреченному, нельзя избѣжать личной гибели, если будетъ онъ попрежнему вести борьбу за благо народное. И онъ твердо шелъ на это, памятуя, что

Жить—для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть—возможно для другихъ...

Онъ ждалъ не побѣды, а гибели; но гибель эта—величайшая побѣда въ будущемъ. Въ будущемъ—да; Чернышевскій вѣрилъ въ это. Но онъ не вѣрилъ въ близкую побѣду. И когда Волгинъ-Чернышевскій на „либеральномъ обѣдѣ“ грозитъ крѣпостнику-помѣщику близкой революціей, то „наединѣ со своей душой“ онъ самъ горько надъ этимъ смѣется. „Грозить революціей?.. Не было ли бы это смѣшно? Кто же повѣрилъ бы? Кто не расхохотался бы? Да и не совсѣмъ честно грозить тѣмъ, во что самъ же первый вѣришь меньше всѣхъ...“

Цѣлое поколѣніе русской интеллигенціи должно было признать себя обреченнымъ, должно было признать себя жертвой вечерней. И благо тому, кто вѣрилъ, кто надѣялся на близкую побѣду. Чернышевскій вѣрилъ въ будущее, но въ то же время онъ зналъ, что необходимо самому быть жертвой. Онъ не посылалъ другого на жертву, оставаясь въ полной безопасности въ своемъ кабинетѣ,—онъ шелъ и дѣйствовалъ самъ. Товарищъ Чернышевскаго по каторгѣ (Николаевъ) вѣрно формулируетъ мысли Чернышевскаго его же словами, говоря, что „революція вскорѣ—немыслима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка—стремиться

къ ней и дѣлать все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше дѣйствія...“

Такъ Чернышевскій думалъ.

Такъ онъ и поступалъ.

IV.

Революціонная работа Чернышевскаго въ конспиративномъ „подпольѣ“—фактъ, мимо котораго нельзя пройти; но нельзя на немъ и слишкомъ долго останавливаться, ибо главное значеніе этого факта для характеристики Чернышевскаго въ томъ, что онъ показываетъ полное совпаденіе „слова“ и „дѣла“ въ жизни Чернышевскаго. Въ наше время особенно не мѣшаетъ объ этомъ лишній разъ вспомнить.

Но главное и существенное—конечно, не въ этомъ. Главное—въ той непримиримости и непримиренности, въ той вѣчной неудовлетворенности компромиссомъ, которая дѣлала Чернышевскаго пугаломъ и предметомъ ненависти со стороны всѣхъ мягкотѣлыхъ дѣятелей всѣхъ партій. Чернышевскій иной разъ шелъ на компромиссы,—иначе бы онъ не былъ политическимъ дѣятелемъ,—но онъ не возводилъ компромисса въ принципъ, онъ хорошо зналъ, гдѣ кончаются „предѣлы допустимаго“.

Вѣроятный „петрашевецъ“ по симпатіямъ и явный „фейербахистъ“, онъ все же пошелъ рука объ руку съ господами либералами начала шестидесятыхъ годовъ; онъ не хотѣлъ дробить силъ прогрессивнаго лагеря, онъ готовъ былъ надѣяться на „революцію сверху“. И онъ шелъ съ ними вмѣстѣ до середины 1858 г.,—до вполнѣ опредѣлившагося направленія дѣятельности губернскихъ комитетовъ. Тутъ онъ увидѣлъ, что итти дальше по этому „либеральному“ пути—было бы уже возведеніемъ компромисса въ принципъ, и въ серединѣ 1858 г. рѣзко порвалъ съ былыми союзниками, сталъ ихъ врагомъ. Онъ увидѣлъ, какъ наивны мечты о „революціи сверху“; онъ увидѣлъ, что „мы увлекались, да насъ дурачили“. „Какъ я былъ глупъ!“—воскликнулъ Чернышевскій, осуждая былую свою вѣру.

Но, разъ ставъ на путь безпощадной борьбы съ либерализмомъ, Чернышевскій не остановился на полъ-дорогѣ. Твердо и опредѣленно (поскольку позволялъ гнетъ цензуры пресловутой „эпохи великихъ реформъ“) Чернышевскій повелъ проповѣдь соціализма—въ печати, и подготовку революціонныхъ силъ—въ „подпольѣ“. Компромиссовъ здѣсь уже не было, пощады врагамъ онъ не давалъ, да и самъ пощады не просилъ: „его судьба была ему ясна“...

Какъ ненавидѣли либералы кружокъ Чернышевскаго,—это достаточно извѣстно; извѣстно, что кружокъ этотъ былъ для нихъ гнѣздомъ змѣй—простыхъ и „очковыхъ“... Надо ли напоминать, какъ ненавидѣли его всѣ еще болѣе правые элементы общества? Бранныя анонимныя письма, журнальная ненависть, доносы, шпіонство—все примѣнялось по отношенію къ нему: ибо онъ былъ подлиннымъ представителемъ духа революціи въ косной, тусклой, болотистой средѣ...

„Г-нъ Чернышевскій! Неужели мы можемъ сочувствовать заклятымъ соціалистамъ,—писалъ, напримѣръ, ему одинъ анонимный либералъ-помѣщикъ въ 1861 г.,—соціалистамъ, которые ищутъ и будутъ искать нашей погибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?!.. Кого вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи, дворянство! На кого вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ!.. Вы сами никуда не годитесь и думаете, что грязная лапа мужика выведетъ васъ на дорогу“...

Анонимный либералъ былъ правъ. Чернышевскій, съ 1858 г., не надѣялся больше на „лучшее сословіе“, дворянство; онъ надъ нимъ поставилъ крестъ. Чернышевскій, твердо придя къ революціонному соціализму, сталъ возлагать всѣ надежды на народъ, на „полудикое сословіе мужиковъ“, по злобнымъ словамъ анонима. И не менѣе того надѣялся онъ еще на русскую соціалистическую революціонную интеллигенцію, которая должна была „дѣлать все возможное для приближенія революціи“...

Теперь и слѣпые видятъ—кто былъ правъ. Но зато слѣпые эти—безнадежно слѣпы попрежнему, когда смотрятъ

не назадъ, а впередъ. Та же либеральная ненависть, подъ которой жилъ и работалъ Чернышевскій, обрушивается и теперь на лѣвыя соціалистическія группы, и часто по тѣмъ же самымъ причинамъ. Исторія повторяется.

Но если исторія повторяется, то въ этомъ случаѣ она и въ дальнѣйшемъ—повторится. Исторія была за Чернышевскаго тогда; исторія за насъ теперь. Ибо исторія—всегда за того, кто смотритъ и идетъ впередъ, а не топчется на мѣстѣ. Болото исторіи—предоставляемъ любителямъ...

Чернышевскій ненавидѣлъ это „болото" не менѣе, чѣмъ болото ненавидѣло его. И онъ зналъ, что въ тѣ времена съ либеральнымъ болотомъ и съ правительственными скорпіонами не подъ силу справиться русской интеллигенціи. Лучшіе—были тѣмъ самымъ обреченные. И первымъ среди нихъ былъ Чернышевскій. Задолго можно было предвосхитить слова поэта:

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ...

И часъ его пришелъ.

Крестный путь Чернышевскаго переломился 19 мая 1864 г., когда надъ нимъ былъ совершенъ обрядъ „гражданской казни"... Эта минута величайшаго униженія должна была быть для Чернышевскаго минутою величайшаго душевнаго подъема и торжества,—если онъ только вѣрилъ въ будущее. А мы знаемъ—онъ вѣрилъ. „Наша жизнь,—писалъ онъ изъ тюрьмы женѣ,—принадлежитъ исторіи. Пройдутъ сотни лѣтъ—и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами"!..

19 мая.

Побѣды и пораженія.

(Къ шестидесятилѣтію „Колокола“).

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 1 іюля (нов. ст.) 1857 г., въ Лондонѣ вышелъ первый номеръ герценовскаго „Колокола“. Набатъ его разбудилъ все подлинно живое среди русской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ, и еще долго гулъ его звалъ на революціонную работу однихъ, пугалъ и приводилъ въ неистовство другихъ.

Такъ всегда бываетъ при звукахъ революціоннаго набата: появляются „одни“ и „другіе“, въ разныя времена носящіе разныя имена...

„Одни“ въ эпоху Герцена и его „Колокола“—это были революціонеры шестидесятыхъ годовъ, смѣло пошедшіе *до конца*, до гибели, до жертвы во имя великихъ всечеловѣческихъ идеаловъ. И почти всѣ *революціонеры* эти были *соціалистами*, ибо тогда еще не научились раздѣлять этихъ двухъ словъ, ибо тогда еще не было, наряду съ революціоннымъ соціализмомъ—соціализма мѣщанскаго, умѣреннаго, аккуратнаго, разсчетливаго и обездушеннаго, который теперь, черезъ полвѣка, заслуживаетъ такое сугубое одобреніе и поощреніе отъ всѣхъ „другихъ“, вѣрнѣе—отъ всѣхъ недруговъ революціоннаго пути исторіи.

„Другіе“ въ тѣ времена были подлинными прародителями нашихъ современныхъ „другихъ“: это были все тѣ же „либералы“. Въ самомъ началѣ революціоннаго пути они всегда идутъ хотя и въ „легальномъ отдаленіи“, но все же за революціонерами; однако, черезъ немного шаговъ—пути

ихъ рѣзко расходятся. И вчерашніе либералы (въ родѣ Кавелина шестидесятыхъ годовъ, въ родѣ многочисленныхъ Милюковыхъ нашего времени) становятся злѣйшими врагами продолжающихъ идти впередъ революціонеровъ; вчерашніе либералы становятся запуганными и обозленными реакціонерами революціонной эпохи.

Можно подумать, что рѣчь эта идетъ о 1917 годѣ! Нѣтъ, она идетъ вообще о всѣхъ годахъ революцій, когда бы и гдѣ бы онѣ ни происходили. Такъ обстояло дѣло и въ 1857 г., когда Герценъ впервые ударилъ въ набатъ своимъ „Колоколомъ", когда все живое откликнулось на его зовъ, когда попутчиками его нѣкоторое время были и „одни", и „другіе".

Это „нѣкоторое время" было очень короткимъ временемъ. Лѣтомъ 1857 г. вышелъ первый номеръ „Колокола", встрѣченный горячими привѣтствіями и демократической, и либеральной Россіи; а уже лѣтомъ 1858 года, черезъ годъ, между Россіей либеральной и демократической произошелъ разрывъ. Либералы стали опасаться слишкомъ быстраго хода Россіи на пути „эмансипаціи",—какъ говорили тогда; демократы рѣшительно стали на путь соціализма, на путь революціонной борьбы за свободу.

Не время подробно говорить здѣсь о томъ, что узелъ вопроса первой половины шестидесятыхъ годовъ лежалъ въ вопросѣ крестьянскомъ, что на немъ раскололись демократы и либералы, что значительная группа соціалистовъ была въ этомъ вопросѣ непримиримѣе „Колокола" (Чернышевскій). Все это вещи извѣстныя и такъ напоминающія современное положеніе дѣлъ, когда снова узелъ соціальной революціи въ Россіи лежитъ въ земельномъ вопросѣ! Когда теперь читаешь „Колоколъ", когда на столбцахъ его встрѣчаешь слова объ освобожденіи крестьянъ съ выкупомъ или безъ выкупа, то невольно думаешь о текущемъ моментѣ, о вселиберальномъ требованіи „выкупа" земли „по справедливой оцѣнкѣ"... Мѣняются факты, не мѣняется либеральная психологія.

Но не мѣняется и психологія революціонная,—и это, быть можетъ, съ особенной ясностью сказалось на второй

половинѣ шестидесятыхъ годовъ, на второй половинѣ дѣятельности „Колокола“ и Герцена, когда узломъ эпохи сталъ уже не соціальный вопросъ, а вопросъ политическій. Вопросъ этотъ поставила передъ „либеральной“ Россіей Польша своимъ возстаніемъ 1863 г., своей борьбой за политическое освобожденіе.

Подъ непосильной для либеральныхъ плечъ тяжестью этого вопроса окончательно сломился русскій либерализмъ шестидесятыхъ годовъ; откровеннѣйшая „либеральная реакція“ (Катковъ) нашла здѣсь уже твердую точку опоры. Мало того, многіе изъ демократическаго лагеря не могли переварить „антипатріотической“ позиціи „Колокола“ въ этомъ вопросѣ, и Герценъ здѣсь остался почти одинокъ передъ лицомъ всего „русскаго общественнаго мнѣнія“. Отсюда идетъ паденіе вліянія „Колокола“, вліянія Герцена во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

И снова, когда перечитываешь теперь эти страницы „Колокола“ и враждебныхъ ему „либеральныхъ“ изданій,— снова кажется, что рѣчь идетъ не о времени, отдѣленномъ отъ насъ полувѣкомъ, а о нашемъ времени, о нашихъ дняхъ, о 1917 годѣ.

„Польскій вопросъ“ 1863 г. оцѣнивался россійскими либералами (и не одними либералами) точь-въ-точь такъ же, какъ теперь, въ 1917 г., оцѣнивается тѣми же кругами „украинскій вопросъ“. Прочтите во всѣхъ „либеральныхъ“ газетахъ дышащія злобой, призывающія къ насилію статьи о современномъ украинскомъ самоопредѣленіи, – и вы поймете ту злобу, съ которой россійскіе либералъ-реакціонеры говорили о „свободной Польшѣ“, какъ объ опасномъ врагѣ русской „государственной идеи“. Ибо извѣстно, что идеей этой можно оправдать всякое насиліе, всякое подавленіе свободы. „Россія разваливается!“—раздались тогда такіе же, какъ теперь, озлобленно-перепуганные либеральные (и не только либеральные) вопли; и тогда, какъ и теперь, раздавались призывы къ твердой государственной власти для спасенія разваливающейся Россіи и покоренія подъ нозѣ ея всякаго внѣшняго и внутренняго врага и супостата...

И мы съ гордостью должны вспомнить, что Герценъ не поддался этой вакханаліи „государственнаго національнзма“, что твердо и рѣшительно сталъ онъ за свободу „самоопредѣленія національностей“, говоря словами сегодняшняго дня. „Колоколъ“ съ перваго же момента польской революціи—и еще задолго до нея—говорилъ объ исторической несправедливости, которую русскій народъ долженъ исправить. „Колоколъ“ призывалъ либераловъ понять, что польская свобода есть свобода Россіи, что у польскаго и русскаго народа общій врагъ и общій другъ.

Призывы „Колокола“ остались здѣсь тщетными, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И развѣ не повторилось то же самое полвѣка спустя—на нашихъ глазахъ и съ нами самими? Развѣ та вспышка чисто зоологическаго „патріотизма“, которая привела въ 1914 г. подъ единыя знамена черносотенцевъ и соціалистовъ, либераловъ и реакціонеровъ,—развѣ вспышка эта не была проявленіемъ того самаго духа, съ которымъ такъ боролся Герценъ, такъ боролся „Колоколъ“?

Духу государственнаго національнзма Герценъ не покорился, и это было причиной потери „Колоколомъ“ вліянія въ русскомъ обществѣ той эпохи. Что выше: идея отечества или идея справедливости? - спрашивалъ себя, спрашивалъ своихъ читателей Герценъ по поводу „польскаго вопроса“. Отвѣтъ былъ ясенъ и для него, и для читателей, но отвѣты эти были взаимно противоположные, ибо большинство „либеральныхъ“ читателей „Колокола“ твердо стояло на точкѣ зрѣнія государственно-національной, не менѣе твердо, чѣмъ Герценъ стоялъ на точкѣ соціально-этической. Мира между этими точками зрѣнія быть не можетъ; онѣ непримиримы, ибо несоизмѣримы, ибо говорятъ на разныхъ языкахъ.

Соціалистъ и революціонеръ Герценъ остался почти одинъ на своемъ трудномъ пути; вліяніе „Колокола“ пало, но только на малое время. Ибо вѣчныя идеи не умираютъ. И полвѣка спустя, когда при взрывѣ зоологическаго націонализма погибла, казалось, навсегда, въ средѣ самихъ соціалистовъ идея братства трудящихся народовъ, когда въ единичномъ меньшинствѣ остались соціалисты, вѣрные

былому своему знамени, изъ-за деревьевъ отечества не терявшіе вида на лѣсъ всего человѣчества,—тогда можно было не впасть въ отчаяніе отъ всеобщей измѣны всѣхъ, отъ своего безсилія и одиночества, можно было не впасть въ отчаяніе только потому, что вспоминались и въ быломъ такіе же нерѣдкіе случаи временнаго пораженія идеи и широкой ея послѣдующей побѣды.

Такъ и случилось: побѣдители и властители думъ 1914 г. потерпѣли глубочайшее идейное пораженіе въ 1917 г.; идеи отверженныхъ и одинокихъ 1914 г. ведутъ за собой нынѣшнюю великую русскую революцію.

Такъ было и съ Герценомъ, съ той только разницей, что одиночество его и его идей было болѣе продолжительное, и не удалось ему дожить до торжества тѣхъ самыхъ взглядовъ, которые сдѣлали его одинокимъ въ русскомъ обществѣ конца шестидесятыхъ годовъ.

Начиная „Колоколъ", Герценъ поставилъ эпиграфомъ къ нему бодрыя слова: vivos voco! И первые годы борьбы шли подъ знакомъ этого громкаго „призыва живыхъ". Силы росли, росло и ширилось движеніе, все крѣпче и увѣреннѣе становилось оно на революціонный путь.

Со времени польскаго возстанія 1863 г.—рѣзкій переломъ. Русское „либеральное" общество съ ужасомъ открещивается отъ идеи „справедливости" во имя идеи цѣльности „отечества"; революціонныя силы раздроблены и разгромлены. „Колоколу" приходится не только „звать живыхъ", но и „оплакивать мертвыхъ". Vivos voco, mortuos plango—является печальнымъ эпиграфомъ „Колокола" во вторую половину его существованія.

Но если бы Герценъ могъ заглянуть на полвѣка впередъ, если бы могъ онъ видѣть и 1905 и 1917 годы,—онъ свой эпиграфъ продолжилъ и закончилъ бы гордымъ и мощнымъ: fulgura frango!—„сокрушаю молніи"... Но кто могъ думать тогда, въ 1857 г., что „молніи" бюрократическаго самодержавія будутъ сокрушены такъ скоро, въ полвѣка (мигъ исторіи!), что „Колоколъ"—не онъ одинъ, конечно,—сокрушитъ и сломаетъ тотъ строй, который казался такимъ гранитно-твердымъ и несокрушимымъ!

„Колоколъ“, идеи его—побѣдили теперь по всей линіи. Послѣ побѣды новая начинается борьба, новое разслоеніе, новая группировка,—и ихъ тоже предвидѣлъ Герценъ, и въ дальнѣйшемъ идеи его по прежнему освѣщаютъ нашъ путь. Ибо это онъ первый предвидѣлъ, что соціализмъ-побѣдитель имѣетъ тенденцію отмежевываться отъ революціи и окрашиваться въ защитный мѣщанскій цвѣтъ; онъ первый предвидѣлъ, что худшимъ врагомъ революціоннаго соціалистическаго меньшинства будетъ эволюціонное соціалистическое большинство... Да, Герценъ показываетъ намъ путь еще на многіе и многіе годы впередъ.

И всегда сохранитъ свою силу то внѣшне и внутренне свободное слово, о которомъ Герценъ такъ прекрасно сказалъ въ первомъ номерѣ „Колокола“:

„Трудъ нашъ не былъ напрасенъ. Наша рѣчь, свободное русское слово, раздается въ Россіи, будитъ однихъ, стращаетъ другихъ, грозитъ гласностью третьимъ.

„Свободное русское слово наше раздается въ Зимнемъ дворцѣ, напоминая, что сдавленный паръ взрываетъ машину, если не умѣютъ его направить.

„Оно раздается среди юнаго поколѣнія, которому мы передаемъ нашъ трудъ. Пусть оно, болѣе счастливое, нежели мы, увидитъ на дѣлѣ то, о чемъ мы только говорили. Не завидуя, смотримъ мы на свѣжую рать, идущую обновить насъ, и дружески ее привѣтствуемъ. Ей—радостные праздники освобожденія, намъ—благовѣстъ, которымъ мы зовемъ живыхъ на похороны всего дряхлаго, отжившаго, безобразнаго, рабскаго, невѣжественнаго въ Россіи!“

И помня эти слова, помня судьбу Герцена и его „Колокола“—мы не боимся „пораженій“ нашихъ идей, ибо слишкомъ увѣрены въ ихъ конечной побѣдѣ...

20 іюня.

Соціализмъ и революція.

I.

Съ самаго начала „міровой войны“, этой уже трехлѣтней человѣческой бойни, съ осени 1914 г., раздавались и въ Россіи и за границей одинокіе, разрозненные голоса о томъ, что война эта, ведущаяся двумя военно-купеческими коалиціями—война, чуждая интересамъ демократіи, чуждая для соціализма.

Голоса эти рѣзко заглушались въ то время зычнымъ хоромъ „патріотовъ“ всѣхъ соціалистическихъ лагерей. Вся масса русскихъ народниковъ-соціалистовъ пылко и рѣшительно стала на „соціалъ-патріотическую“ точку зрѣнія. То же самое повторилось и въ рядахъ марксистовъ; та-же картина наблюдалась и среди русской политической эмиграціи, и среди соціалистическихъ партій всѣхъ воюющихъ странъ.

Рѣзкое раздѣленіе, рѣзкое разграниченіе: на одной сторонѣ одинокіе „еретики“, на другой—„правовѣрная“ соціалистическая масса, солидарная въ своемъ военномъ порывѣ съ массой обывательской. Идеологія разная, дѣйствія единыя.

Такъ не выдержалъ соціализмъ испытанія огнемъ войны. Но въ огнѣ мало-по малу перегорало націоналистическое торжество; все больше и больше стало появляться соціалистовъ, отрезвлявшихся отъ этого отуманившаго ихъ угара. Черезъ годъ-полтора послѣ начала войны былое „еретиче-

ство“ уже количественно стало силой, способной „помѣряться главами“ съ правовѣрнымъ соціалъ-патріотизмомъ...

Къ тому времени стали доходить до Россіи сперва смутныя, а потомъ все болѣе и болѣе опредѣленныя вѣсти о „Циммервальдѣ“, о „Кинталѣ“, вѣсти о попыткѣ воскресить Интернаціоналъ, расплавленный въ огнѣ войны. Надо было отлить его въ новую форму, отбросивъ въ сторону всѣ перегорѣлые шлаки націонализма. Работа эта—до сихъ поръ на очереди передъ соціализмомъ всего міра.

И вотъ—пришла русская революція 1917 г. Она была—и не могла не быть—съ самаго же начала полнымъ пораженіемъ соціалъ-патріотизма, великимъ торжествомъ былыхъ „интернаціоналистическихъ“ идей. Ибо ясно стало, насколько правы были тѣ малочисленные „еретики“, которые, въ разгаръ дикой *внѣшней* бойни, призывали къ *внутренней* революціи, какъ къ единственному исходу и спасенію.

Съ чувствомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія могу я теперь повторить слова, написанныя еще въ 1914 году: „спасеніе—не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ мірѣ каждой страны; измѣненія во внутреннемъ политическомъ и соціальномъ строѣ Европы могутъ сдѣлать—и сдѣлаютъ!—невозможными эти міровыя купеческія войны... Только борьбой за направленіе внутреннихъ силъ можно достичь крушенія міровыхъ имперіализмовъ“. И событія показали, что внѣ этого пути для соціализма подлинно нѣтъ возможности борьбы.

Не для того вспоминаю я всѣ эти слова, чтобы лишній разъ подчеркнуть правильность былого „еретическаго“ пониманія вопроса; я въ ней и безъ того всегда былъ твердо увѣренъ. Хотѣлось бы подчеркнуть, наоборотъ, что насколько идейное „одиночество“ не есть признакъ „не-истинности“, настолько и пребываніе въ идейномъ „большинствѣ“ далеко отъ знаменія правоты. „Истина“—независима отъ категоріи количества...

II.

Когда пришла русская революція—былое большинство русскихъ націоналистическихъ соціалистовъ сразу (на сло-

вахъ!) очутилось въ лагерѣ идейныхъ своихъ противниковъ. Всѣ вдругъ стали „интернаціоналистами“, и стали увѣрять, что-де всегда ими и были. Этихъ „тоже-интернаціоналистовъ“ развелось въ одночасье—видимо-невидимо, но подъ знаменемъ „Интернаціонала“ стали они дѣлать прежнія дѣла, стали сперва контрабандой, а потомъ и явно проводить былыя свои націоналистическія идеи. „Революціонное оборончество“ замѣнило теперь былое „оборончество“ tout court; борьба съ подлинными идеями международнаго братства стала вестись теперь съ наибольшей „напористостью“ именно „тоже-интернаціоналистами“ всѣхъ партій и всѣхъ группъ. Этого не было въ первые дни и недѣли революціоннаго подъема, въ дни полнаго пораженія всѣхъ соціалъ-націоналистическихъ идей.

И снова мы стоимъ передъ тяжелымъ испытаніемъ духа революціоннаго соціализма—на этотъ разъ уже не въ огнѣ войны, а въ огнѣ революціи. Останется-ли и въ этомъ огнѣ соціализмъ—революціоннымъ? Въ огнѣ войны онъ испытанія этого не выдержалъ, вмѣсто революціоннаго сталъ, въ большинствѣ своемъ, консервативно-патріотическимъ. А теперь, въ огнѣ революціи—неужто снова не выдержитъ онъ своей „революціонности“?

Повидимому — не выдержитъ. И такой отвѣтъ вновь и вновь приходится давать безъ всякаго „отчаянія за будущее“, ибо слишкомъ вѣрю я, что будущее — наше, тѣхъ немногихъ, которые не боятся оставаться одинокими на распутьяхъ исторіи. Такъ было въ 1914 году; такъ будетъ, повидимому, и въ 1917 году. Такъ было при испытаніи соціализма огнемъ войны; ,такъ будетъ, повидимому, и при испытаніи его огнемъ революціи. „Ближайшее будущее“ — всегда принадлежитъ большинству; будущее вообще (иногда далекое, иногда близкое) — всегда принадлежитъ „еретикамъ“.

III.

Соціалистическое большинство, перегорѣвъ въ огнѣ первыхъ бурныхъ недѣль революціи, вновь не выдержало испытанія огнемъ. Но если въ огнѣ войны мало по малу

перегорѣло соціалъ-патріотическое большинство, легко обратившееся при первомъ удобномъ случаѣ въ „тоже-интернаціоналистовъ“, то въ огнѣ революціи быстро перегораютъ былые интернаціоналисты, незамѣтно катящіеся внизъ по наклонной плоскости къ „революціонному оборончеству“, къ „тоже-патріотизму“.

Вновь огонь революціи, какъ прежде огонь войны, расплавляетъ соціалистическія группы и партіи, и вновь надо отливать въ новую форму идею революціоннаго соціализма, отбрасывая въ сторону всѣ обгорѣлые шлаки. Ибо революція стала рубежемъ того стараго времени, когда слова „соціалистъ“ и „революціонеръ“ были тождественными. Такое обывательское пониманіе раздѣляли сами „до-революціонные“ соціалисты; но теперь оно становится окончательно противорѣчащимъ дѣйствительности.

Соціалистическое большинство уже на третій-четвертый мѣсяцъ революціи стало настроено консервативно. Гдѣ революціонное горѣніе, гдѣ вѣра въ свои и народныя силы? Когда въ іюнѣ 1917 года въ Петербургѣ собрался со всѣхъ концовъ Россіи съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, то его заранѣе назвали „революціоннымъ парламентомъ“; но развѣ можно было представить себѣ что-либо болѣе тусклое и консервативное, чѣмъ этотъ quasi-революціонный парламентъ, составленный исключительно изъ соціалистовъ разныхъ партій?

Примѣръ этотъ—показателенъ, характеренъ; онъ предопредѣляетъ собою ближайшій путь русской революціи, онъ лишній разъ устанавливаетъ пропасть между „соціалистомъ“ и „революціонеромъ“. Понятія эти могутъ совпадать — они совпадаютъ и теперь у соціалистическаго меньшинства; но чаще всего они несовмѣстимы — и соціалистическое большинство всего міра достаточно ясно это доказываетъ.

IV.

Если русская революція пойдетъ по пути этого большинства, то судьбы ея предопредѣлены: она уже достигла въ такомъ случаѣ высшей точки своего пути, и ея даль-

нѣйшій путь — либо плоскогорье, либо склонъ. Земельная реформа дѣлаетъ невозможнымъ замыканіе даже такой революціи въ узко-политическомъ кругу, она неизбѣжно будетъ соціальной; но и здѣсь „революціонность“ будетъ возможно скорѣе заключена въ твердыя рамки, причемъ рамки эти всецѣло будутъ принадлежать *старому міру*. И снова начнется борьба за *новый міръ*, снова начнется борьба меньшинства съ большинствомъ—и въ борьбѣ этой, мы знаемъ, меньшинству всегда уготована конечная побѣда...

Но если эта побѣда уготована ему уже теперь, въ эту революцію 1917 года, то судьбы революціи нашей будутъ иными. Побѣда меньшинства теперь — возможна въ одномъ лишь случаѣ: въ случаѣ торжества демократіи не въ одной Россіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ это торжество — мы вѣримъ; пусть придетъ оно не сейчасъ, а черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ, но оно придетъ, ибо невѣроятно, чтобы милліоны народныхъ жизней не научили демократію увидѣть, гдѣ и кто ея подлинный врагъ.

Если побѣдитъ демократія во всѣхъ странахъ, если революція пороховой нитью пробѣжитъ по „великимъ“ и „малымъ“ державамъ въ ближайшіе годы, въ ближайшія десятилѣтія, то снова вокругъ идей революціоннаго меньшинства сплотится большинство соціализма. Пусть только снова на короткое время—что до того! Лишь бы *было* это „меньшинство“, иной разъ уменьшающееся до единицъ, лишь бы не угасала въ немъ вѣра въ побѣду на пути къ новому міру. И пусть тогда снова осуществятся пророческія слова Герцена, пусть „снова вырвется изъ груди меньшинства крикъ отрицанія“, пусть начнется „смертная борьба“...

V.

Совершится-ли побѣда революціонеровъ теперь, въ эту революцію 1917 года, или ихъ побѣдятъ соціалисты-мѣщане, бывшіе „націоналисты“ и „интернаціоналисты“, нынѣ одинаково вѣрные слуги стараго міра?—Мы не знаемъ, но тѣмъ энергичнѣе будемъ бороться за нашу правду. Ибо, — еще разъ повторю, — пусть эта борьба противъ всѣхъ противо-

рѣчитъ всѣмъ здравымъ принципамъ практической политики, пусть она безсильна теперь зерно горчичное сдвинуть съ мѣста—съ тѣмъ большей смѣлостью должны мы высказать именно теперь нашу правду... И правда нынѣшняго дня— отмежеваніе революціонеровъ-соціалистовъ отъ соціалистовъ мѣщанъ, какое бы названіе они ни носили. Ибо мѣщане эти—во всѣхъ партіяхъ, и, напримѣръ, далеко не всѣ „соціалисты-революціонеры“ суть подлинно революціонеры-соціалисты.

Много ли ихъ?—Въ послѣдній разъ отвѣчу прежними, своими-же словами: „идеи побѣждаютъ не числомъ своихъ послѣдователей; идеи побѣждаются не числомъ своихъ измѣнниковъ“... Идеи побѣждаютъ своей внутренней силой— и вотъ почему мы увѣрены въ побѣдѣ идей, пусть „ничтожнаго меньшинства“, одинокаго, разрозненнаго, придавленнаго въ 1914 году, побѣдившаго въ мартѣ 1917 года и нынѣ вновь начинающаго, по слову Герцена, „смертную борьбу“. Идеи эти побѣдоносно выдержали тяжелое испытаніе огнемъ войны; онѣ побѣдно выдержатъ еще болѣе тяжкое испытаніе огнемъ революціи.

Ибо наша побѣда—*всегда впереди.*

Іюнь.

О прошломъ и грядущемъ.

I.

На рѣкахъ Вавилонскихъ сидятъ и плачутъ теперь всѣ пророки и апостолы „культуры“: гибнетъ, гибнетъ „культура“ въ огнѣ революціи! Все заполонилъ, все захватилъ, все залилъ „мутный потокъ“ политики; газетная рѣка полноводно течетъ по всѣмъ путямъ и перепутьямъ Россіи, брошюры лавиной обрушиваются на новаго многомилліоннаго читателя и хоронятъ подъ своимъ грузомъ былыя „культурныя“ цѣнности...

Гдѣ „литература“? Гдѣ художественныя произведенія, куда дѣвались поэты, романисты, новеллисты, стилизаторы, авторы безчисленнаго числа безчисленныхъ книгъ? Куда дѣвались? Да вотъ именно они и засѣли нынѣ на рѣкахъ Вавилонскихъ: „тамо сѣдохомъ и плакахомъ“. Ибо не ясно ли: разъ „мы“ оказались выброшенными изъ жизни, то, вѣдь, это именно и значитъ, что *культура* погибла, культура гибнетъ, культура въ опасности!

Со всѣми этими плачами и причитаніями не стоило бы теперь и считаться, если бы иной разъ не присоединяли къ нимъ своего встревоженнаго голоса и люди, имѣющіе право говорить о подлинной культурѣ. Тутъ, несомнѣнно, крупное недоразумѣніе, которое не должно остаться неразъясненнымъ. Ибо должно же быть яснѣе яснаго, что о нынѣшней „гибели культуры“ смѣшно и говорить, что ни о какомъ „пониженіи уровня культуры“ не можетъ быть и рѣчи, что взмаху революціи соотвѣтствуетъ взлетъ культуры, что

тѣсная связь намѣчается между первой и второй. Вотъ подождите: пойдетъ революція (или пошла уже?) сильно подъ уклонъ—пойдетъ подъ уклонъ и культура; но будьте увѣрены,—именно тогда снова выползутъ изо всѣхъ щелей, снова появятся въ литературѣ безчисленные „культурные“ радѣтели,—всѣ эти поэты, романисты, новеллисты, стилизаторы и прочіе литературныхъ дѣлъ мастера.

Они появятся—будьте увѣрены! Но какъ же пріятно хоть три четыре мѣсяца, хоть полгода (дай Богъ дольше!) отдохнуть отъ этого проявленія „культуры“ типографскаго станка и литературной цивилизованности нашихъ современниковъ! Они появятся, все это такъ, не подлинная культура тутъ при чемъ же?

„Литература—барометръ культуры“,—сказалъ какой-то не чрезмѣрно острый умомъ нѣмецъ въ поискахъ за яснымъ и краткимъ афоризмомъ. Онъ правъ: литература, конечно, „барометръ“, но такихъ барометровъ у культуры многое множество. И потомъ—о какой культурѣ рѣчь? Вѣдь, существуетъ же и другой афоризмъ, что высота „культуры“ пропорціональна потребленію мыла въ странѣ... Но какъ видите, здѣсь идетъ рѣчь о разныхъ культурахъ: духовное развитіе и зубная щетка—какъ будто явленія разнаго порядка...

О какой же изъ этихъ двухъ культуръ плачутся сидящіе нынѣ на рѣкахъ Вавилонскихъ? Между ними двумя давнымъ давно установлено и словесное различіе—различіе культуры и цивилизаціи, различіе развитія внутренняго и внѣшняго. Къ этой внѣшней цивилизаціи примыкаетъ и та армія литературныхъ производителей, которая нынѣ болѣе всего сѣтуетъ на „паденіе культуры“.

Но если хоть до нѣкоторой степени имѣютъ смыслъ подобныя сѣтованія, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой взлетъ революціи смахнулъ съ дороги все внѣшнее, мелкое, наносное, только „цивилизованное“. А въ литературѣ часто слово „цивилизація“ пишется такъ, а произносится иначе: „стилизація“. Такой „стилизованной культурѣ“ революція, дѣйствительно, нанесла сугубый ударъ; но отсюда до рѣкъ Вавилонскихъ три года скачи—не доскачешь...

II.

Мы, правда, и „скакали“ по этому пути цѣлыхъ три года—три года безумной войны. Тогда дѣйствительно рушились великія культурныя (въ томъ числѣ и литературныя) цѣнности, но тогда кричать объ этомъ не полагалось. А развѣ не было величайшимъ крушеніемъ цѣнностей литературныхъ все то, чему мы тогда были горестными свидѣтелями?

Большіе поэты наши вдохновлялись духомъ человѣконенавистничества и писали, писали стихи, которые имъ самимъ теперь (хотѣлось бы надѣяться!) перечесть стыдно. Были ли исключенія? Такъ мало, что съ трудомъ припоминаются.

Самые яркіе наши художники слова отдали дань духу злобы и, якобы возвышая и защищая культуру, въ дѣйствительности дѣлали все возможное, чтобы ее уронить и унизить. Надо ли приводить примѣры? Ихъ такъ много, что съ трудомъ въ ихъ ворохѣ разбираешься...

Самые крупные и отвѣтственные наши публицисты были ослѣплены духомъ торжествующаго національзма и слѣва направо писали всѣ одно и то же и все объ одномъ и томъ же: о томъ, что „мы“—борцы за правое дѣло, защитники демократическихъ идеаловъ, рыцари міровой культуры. „Мы“ взывали къ борьбѣ съ „варварами“, чтобы не дать погибнуть культурѣ, не замѣчая того, что именно въ самомъ фактѣ этихъ писаній было проявленіе упадка культуры... Были и среди нихъ исключенія, еще болѣе малочисленныя.

Ну, а затѣмъ пришла армія... „стилизаторовъ“; она наводнила литературу разсказами, повѣстями, романами поэмами, сборниками стиховъ, новеллами и тому подобными произведеніями во славу войны и въ защиту культуры... Съ негодованіемъ, съ омерзѣніемъ вспоминаешь теперь эти кошмарные два-три года, когда мы задыхались подъ лавиной „некультурности“ (выражаясь мягко), когда

подлинная литература была оттѣснена торжествующимъ литературнымъ хамомъ.

И вотъ что, казалось бы, странно: тогда почти не раздавалось голосовъ въ защиту попираемой этими „литераторами“ подлинной литературы, а если и раздавались эти голоса, то безотвѣтные, единичные, заглушаемые. А теперь— послушайте только, какой полнозвучный хоръ справа налѣво плачется о гибели культуры! Тогда милліоны пудовъ литературной гнили потокомъ разливались по всей Россіи, теперь разливается широкимъ потокомъ „политическая программа“: газета, брошюра, листовка. Объясните же, граждане на рѣкахъ Вавилонскихъ, почему не тогда, а теперь раздаются ваши встревоженные вопли о гибели культуры, о гибели литературы?!

Вопросъ, конечно, реторическій: мы и безъ того прекрасно знаемъ, „почему“. Ибо мы знаемъ, *кто* большею частью вопитъ теперь на эту тему. Повторяю, иногда среди сѣтующихъ попадаются и люди искренніе и люди, имѣющіе право быть выслушанными. Пусть же они отдадутъ себѣ отчетъ въ своихъ словахъ, пусть поймутъ, что слова ихъ не имѣютъ реальнаго смысла, что подлинная литература была жива тогда, жива и теперь, что въ бурѣ революціи зрѣютъ новыя ея сѣмена, новыя ея побѣды.

III.

Литература была жива тогда, литература жива и теперь: о прошломъ мы это знаемъ, въ настоящее и будущее вѣримъ, и не только „вѣримъ“, а, быть можетъ, тоже „знаемъ“. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди; а пока—нѣсколько словъ о прошломъ, о подлинной нашей литературѣ эпохи войны. Удивляться ли тому, что она, эта подлинная литература эпохи войны, почти совсѣмъ не откликнулась на войну?

Литература—барометръ культуры, пусть такъ; но барометръ этотъ отзывается на событія порою черезъ годы и годы послѣ событій. Ибо подлинный художникъ иной разъ годами выращиваетъ въ душѣ своей сѣмена, посѣянныя

событіями. И здѣсь одно изъ характерныхъ различій между „художникомъ“ и „беллетристомъ“.

Объ одномъ изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ беллетристовъ XIX вѣка Тургеневъ ехидно отозвался, что-де онъ живописуетъ событія „за пять минутъ до ихъ возникновенія“. Такіе есть и теперь — и иной разъ очень талантливые; съ истиннымъ жаромъ готовы они претворять въ драмы и повѣсти событія, если и не за пять минутъ до ихъ возникновенія, то во всякомъ случаѣ, черезъ пять минутъ послѣ ихъ осуществленія.

Талантливый Леонидъ Андреевъ всегда отличался въ этомъ отношеніи, отличился и теперь. Не успѣла „окровавленная Бельгія“ очнуться отъ дикаго военнаго погрома, какъ уже на сценѣ Александринскаго театра спѣшно ставилось драматическое представленіе „Король, законъ и свобода“! Не успѣли русскія войска совершить тяжелое отступленіе изъ Галиціи и Польши, какъ Л. Андреевъ уже писалъ о немъ въ своей повѣсти „Иго войны“. Удивляться ли тому, что эта художественная публицистика прошла мимо подлинной литературы, что была она такъ скоро и единодушно забыта?

Бываютъ изъ правила и исключенія. „Севастопольскіе разсказы“ Толстого, написанные на мѣстѣ дѣйствія, „Отцы и дѣти“ Тургенева, написанные о нигилизмѣ въ разгаръ нигилизма, — вотъ яркіе примѣры. Но Толстыхъ и Тургеневыхъ не оказалось у насъ для явленія міровой войны. И не потому, что нѣтъ у насъ теперь большихъ художниковъ, а потому, что почти всѣ большіе художники наши оказались „правилами“, а не „исключеніями“: годы и годы проходятъ, пока въ душѣ ихъ прорастутъ посѣянныя бурею сѣмена.

Вспомните революцію 1905 года и ту гору литературной макулатуры, обваломъ которой засыпано было тогда подлинное художественное слово. Тогда и послѣ тоже не мало говорили пустыхъ словъ объ упадкѣ русской литературы, о томъ, что она „не отражаетъ событій“, о литературномъ распадѣ, литературной разрухѣ. И всѣ слова эти были пустыя, никчемныя. Ибо не всегда на сценѣ литературы оказывается тотъ поэтъ, про котораго можно сказать:

На каждый звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ...

Бываютъ поэты, бываютъ художники, которые долгіе годы носятъ въ душѣ своей звуки бури и лишь черезъ долгіе годы „родятъ свой откликъ“ на глубоко потрясшія ихъ событія. Такъ на событія 1905 года отозвался лишь черезъ нѣсколько лѣтъ Андрей Бѣлый романомъ „Петербургъ“, который явился и высшей точкой всего литературнаго движенія послѣднихъ десятилѣтій. Этотъ удивительный романъ на тему „о реакціи и революціи“ былъ отвѣтомъ художника, былъ откликомъ его на громовой звукъ революціи 1905 года. Сѣмя, запавшее въ душу, проросло и дало плодъ черезъ годы и годы.

Этотъ примѣръ (да и одинъ ли онъ!) учитъ насъ не торопиться съ заключеніями. Литература наша мертва? Не откликнулась она на громы міровой войны, не откликается и теперь на раскаты міровой революціи? Подождите судить и осуждать; ибо что знаемъ мы о тѣхъ сѣменахъ, которыя невидимо запали тогда, западаютъ теперь въ душу художника? Не всѣ они дадутъ плодъ, — мы это знаемъ. Ибо, говоря словами притчи, иное падетъ „при пути“ и будетъ затоптано, иное упадетъ на камень и заглохнетъ, а иное упадетъ „на добрую почву“ и принесетъ богатый и обильный плодъ сторицею. И мы же сами будемъ питаться имъ со стола литературы...

IV.

Если мы не будемъ забывать всѣхъ этихъ столь простыхъ и столь часто забываемыхъ истинъ, то сумѣемъ хладнокровно отнестись и ко всѣмъ очереднымъ воплямъ о гибели, о разложеніи культуры, о литературной разрухѣ.

Да, пришла революція, а „революціонной художественной литературы“ нѣтъ. И слава Богу, что нѣтъ! Мы сыты по горло ужъ и „военной литературой“, поставлявшейся въ такомъ изобиліи сего дѣла мастерами...

Да, прошла война, а подлиннаго художественнаго отраженія ея нѣтъ—и, быть можетъ, не скоро оно будетъ. Что

изъ этого? Мы знаемъ, что придутъ времена и сроки, и большой художникъ снова „ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“ своими выстраданными словами и о войнѣ, и о революціи...

Революція наша — подлинно міровая; она еще всколыхнетъ народы и повторными, отраженными волнами прокатится по міру, неся народамъ благую вѣсть о грядущемъ, еще болѣе полномъ освобожденіи. А намъ, современникамъ, принесетъ она еще не мало и радостей побѣды, и, быть можетъ, еще болѣе горечи пораженій, горечи недодѣланности, примиренчества и всяческаго оппортунизма въ средѣ самихъ же революціонеровъ. Какъ быть! Тяжелъ, тернистъ и дологъ еще путь къ новому человѣчеству, и волны захлестнутъ насъ прежде, чѣмъ докатятся черезъ наши головы „къ тому берегу“, берегу новаго міра...

Такова наша судьба — и такова же грядущая судьба нашей литературы. Буря революціи невидимо и невѣдомо для насъ уже взметнула душу подлиннаго художника, уже взволновала его тѣмъ безсознательнымъ волненіемъ, которое потомъ найдетъ себѣ исходъ въ художественномъ словѣ, звукѣ, краскѣ.

Вотъ почему такъ равнодушенъ я ко всѣмъ жалобнымъ стенаніямъ на тему, что-де революція погубила литературу, погубила культуру. Какую литературу? Литературу журнальнаго хлама, военныхъ разсказовъ, футуристическихъ заиканій, заразно-хроническаго стихоплетства и мелкаго стилизаторства? Если хоть на время сгинула эта „литература“—канунъ ей да ладанъ! А литература подлинная, литература духа живого, всколыхнутаго бурей революціи, не умерла, ибо не могла умереть, ибо нѣтъ силъ, которыя могли бы убить вѣчно-сущее.

Какъ часто незадачливые пророки провозглашали „конецъ русской литературы“, въ то время какъ передъ ними былъ только конецъ одного изъ ея періодовъ. Такъ и теперь: война и революція — подлинно грань, завершающая опредѣленный періодъ русской литературы, періодъ господствующаго „символизма“. Это—тема особая, не о ней теперь рѣчь, но отсюда до плача о гибели литературы въ огнѣ ре-

волюціи, до стенаній на рѣкахъ Вавилонскихъ — безмѣрное разстояніе.

Революція—тотъ огонь, въ которомъ перегораетъ и испепеляется весь духовный, весь бумажный хламъ, но въ которомъ закаляется все духовно стойкое, все подлинное, все вѣчное. Бумажная душа погибнетъ, душа художника окрѣпнетъ. И не съ опасностями, а съ великими надеждами смотрю я на будущее русской литературы, погруженной нынѣ въ пламя революціи. Ибо подлинно живой духъ, даже погибнувъ, воскресаетъ, какъ фениксъ изъ пепла; такъ изъ огня разныхъ испытаній возрождалась уже не разъ русская литература.

И вотъ здѣсь, быть можетъ, таится совершенно другой смыслъ пріѣвшейся фразы о „гибели литературы“—смыслъ, давно уже скрытый въ евангельской фразѣ: „аще не умретъ, не оживетъ“. Быть можетъ, въ огнѣ революціи выкуются новыя формы для новаго содержанія, родится новая литература изъ пепла старыхъ исканій,—возможно. Но гаданія эти пока остаются гаданіями. И фактомъ остается фактъ— вѣчной жизни художественнаго слова, вѣчныхъ исканій и достиженій, неустаннаго пути впередъ русской литературы. Огонь революціи придастъ ей лишь новую силу,—въ этомъ наша вѣра, наша увѣренность, наше знаніе. Ибо знаніе прошлаго литературы даетъ намъ увѣренность въ ея настоящемъ и незыблемую вѣру въ ея грядущее.

Гюль.

Что впереди?

(Газета, сборникъ, журналъ).

Во время революціи 1905 года многіе пророки предсказывали неизбѣжную гибель „толстаго журнала“, расцвѣтъ „газеты“ и появленіе литературнаго „сборника“. Кое-что изъ предсказаній ихъ оправдалось, кое-что по разнымъ причинамъ не осуществилось; но теперь, при свѣтѣ великой переживаемой нами революціи, мы яснѣе можемъ на опытѣ прошлаго разглядѣть и наше литературное будущее.

Смерть „толстаго журнала“, предсказанная пророками десять лѣтъ тому назадъ, не имѣла мѣста, или, вѣрнѣе, „слухи объ этой смерти оказались сильно преувеличенными“. Дѣйствительно, въ бурные мѣсяцы революціи ежемѣсячный толстый журналъ—слишкомъ „толстъ“, слишкомъ неповоротливъ, слоноподобенъ; онъ не можетъ угнаться за событіями въ тѣ дни, когда день равенъ мѣсяцу, когда событія мѣсяца обгоняютъ былую жизнь на десятилѣтія. И читателю „эпохи революціи“—нѣтъ ни времени, ни желанія уютно присѣсть къ лампѣ за вечернимъ столомъ и, не спѣша, разрѣзать страницы безконечнаго романа („продолженіе слѣдуетъ“), политическаго обозрѣнія, общественной хроники... Гдѣ тамъ читать весь этотъ тяжелый матеріалъ! Жизнь, она—вонъ ужъ гдѣ, и тихоходному толстому журналу ея не догнать!

Расцвѣтъ „газеты“ долженъ былъ явиться другой стороной медали по тѣмъ же самымъ причинамъ, расцвѣтъ

газеты и тѣсно связанныхъ съ нею соціально-политическихъ еженедѣльниковъ и двухнедѣльниковъ: поворотливые, быстрые, поспѣвающіе за жизнью—они имѣли всѣ шансы на процвѣтаніе, если бы... если бы послѣ 1905 не пришелъ 1906 годъ.

„Толстый журналъ" благополучно пережилъ революцію 1905 года; газета, едва-было расцвѣтшая, быстро отцвѣла; но все это случилось только потому, что за двѣнадцатью мѣсяцами революціи пришло двѣнадцать лѣтъ самой удушливой реакціи. Въ иномъ случаѣ, надо думать, пророчество пророковъ было бы очень недалеко отъ своего осуществленія.

Этотъ „иной случай"—теперь передъ нами. Что бы ни было послѣ 1917 года, но тупая, мертвая реакція бюрократическаго режима отнынѣ болѣе невозможна. Какъ бы ни сложились обстоятельства, но въ тихіе берега русская жизнь войдетъ развѣ лишь къ эпохѣ дѣтей нашихъ дѣтей; и думается, что типъ ежемѣсячнаго „толстаго журнала" дѣйствительно осужденъ въ лучшемъ случаѣ на медленное (быть можетъ, временное) угасаніе и что „газетѣ" отнынѣ суждено, дѣйствительно, процвѣтаніе и развитіе въ общеевропейскихъ рамкахъ и условіяхъ.

Цѣлый рядъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ дѣлаютъ исполненіе такого новаго „пророчества" очень вѣроятнымъ. Стоимость бумаги, стоимость набора сами собой убиваютъ толстый ежемѣсячный журналъ (уже теперь часто вынужденный обращаться экономіи ради въ „двухмѣсячникъ"), и только газета, съ ея сравнительно громаднымъ тиражемъ, можетъ обезпечить свое существованіе.

Но если дѣйствительно мы должны ожидать тяжелаго кризиса и, если не смерти, то, по крайней мѣрѣ, затяжной тяжелой болѣзни „толстаго журнала", то что же будетъ тогда съ художественной литературой? Гдѣ, какъ и въ чемъ будетъ она проявлять себя? Еще въ 1905 году „пророки" предсказывали по этому поводу рожденіе и ростъ „литературнаго сборника", замѣняющаго собою первый отдѣлъ журнала и „предсказаніе" это, уже предвосхищенное жизнью (сборники „Знанія" съ громаднымъ успѣхомъ стали выхо-

дить еще до революціи 1905 года), все же осуществилось вполнѣ: почти вся художественная литература „ушла въ сборники“. Сборники „Знанія“, альманахи „Шиповника“— вотъ главные центры приложенія „беллетристическихъ“ силъ послѣ 1905 года, и прошлая судьба этихъ сборниковъ можетъ быть показательной и для нашего будущаго.

Альманахи издательства „Шиповникъ“ могли бы отпраздновать свой десятилѣтній юбилей—срокъ для сборниковъ подобнаго рода не малый; двадцать шесть „литературно-художественныхъ сборниковъ“—тоже не малое число. Оно было, правда, превзойдено сборниками „Знанія“, но сѣрость и серединность литературнаго матерьяла послѣднихъ (несмотря на печатаніе въ нихъ крупныхъ вещей М. Горькаго) давно уже отвлекли вниманіе читающей публики отъ „Знанія“ къ болѣе яркимъ литературнымъ явленіямъ.

Такими „болѣе яркими“ явленіями были въ свое время альманахи „Шиповника“. И до сихъ поръ изъ вышедшихъ двадцати шести томовъ можно насчитать пять-шесть, въ которыхъ впервые появились вещи, крѣпко вошедшія потомъ въ исторію русской литературы. Такъ, въ первомъ альманахѣ была напечатана „Жизнь человѣка“ Л. Андреева, съ третьяго стала появляться „Творимая легенда“ Ѳ. Сологуба, въ тринадцатомъ—появились „Крестовыя сестры“ А. Ремизова, въ пятнадцатомъ—„Крутоярскій звѣрь“ М. Пришвина. Разсказы Б. Зайцева и И. Бунина, повѣсти С. Сергѣева-Ценскаго, романы Ал. Толстого разнообразили содержаніе альманаховъ „Шиповника“, и все это было въ свое время интереснымъ литературнымъ матерьяломъ.

Въ сборникахъ „Знанія“ литературный матерьялъ былъ значительно бѣднѣе и скуднѣе; ихъ почти нечѣмъ помянуть, за исключеніемъ ряда произведеній М. Горькаго, не всегда одинаково удачныхъ, но иной разъ крупныхъ не только по размѣру, но и по силѣ, и по захвату („Исповѣдь“, „Городокъ Окуровъ“). Но эти и еще крайне немногія произведенія—безнадежно тонули въ потокѣ сѣрыхъ, „печатныхъ листовъ“, назойливо никчемныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній. До такой литературной сѣрости и убогости альманахи „Шиповника“ не доходили никогда.

Бѣда только въ томъ, что, кромѣ подлинной литературы, не мало было и въ нихъ неприкрытой макалутары; въ ея ворохѣ часто тонули художественныя произведенія. Чѣмъ бы это ни объяснялось: недостаткомъ ли литературнаго вкуса у издателей, рѣдкостью ли произведеній художественныхъ, но фактъ на лицо: разливъ литературы третьяго сорта затоплялъ въ альманахахъ „Шиповника“ острова художественныхъ произведеній; вслѣдствіе этого литературный вѣсъ этихъ альманаховъ падалъ и падалъ. Кто же виноватъ въ этомъ—писатели или издатели?

Думается, что „недостатокъ“ числа художественныхъ произведеній не можетъ явиться оправданіемъ недостатка литературнаго пониманія у редакторовъ различныхъ серій альманаховъ. Ибо, тѣмъ то и отличается, къ своей выгодѣ, альманахъ отъ „толстаго журнала“, что послѣдній хочетъ не-хочетъ, а долженъ набрать ежемѣсячно порцію беллетристики въ десять печатныхъ листовъ. Что же удивительнаго что изъ этой сотни листовъ въ годъ—уцѣлѣетъ въ памяти читателя какое-нибудь одно произведеніе? Да и то—есть препочтенные журналы, которые изъ года въ годъ заполняли свой „художественный отдѣлъ“ исключительно макулатурой. Найдите въ „Вѣстникѣ Европы“, найдите въ „Русскомъ Богатствѣ“ за десять лѣтъ хоть десять подлинно художественныхъ произведеній, романовъ, повѣстей или разсказовъ, вошедшихъ въ исторію русской литературы? Не пробуйте—даромъ время потеряете.

Альманахи и сборники находятся здѣсь въ выгодномъ положеніи. Они не обязаны передъ своими читателями пичкать ихъ ежемѣсячно (или даже ежегодно) отборной литературной серединностью, многообразной беллетристической сѣростью. Есть хорошій и цѣнный литературный матерьялъ въ изобильномъ количествѣ — можно выпустить и два, и три, и четыре сборника въ годъ (случай рѣдкій и маловѣроятный!); не удалось достать такого матерьяла или удалось достать его лишь на одинъ томъ—и надо удовлетвориться однимъ сборникомъ въ годъ, а, быть можетъ, иной разъ одной книгой и въ два-три года (случай тоже крайній).

Все это, конечно, только pium pesiderium, ибо издательства чаще всего—предпріятія коммерческія, а отнюдь не исключительно идейно-литературныя. Издательствамъ нуженъ „торговый оборотъ“ и какое имъ дѣло до исторіи литературы? Совпадаетъ литературная цѣнность съ цѣнностью издательской,—тѣмъ лучше; нѣтъ,—не прогнѣвайтесь! „Идейныя“ издательства, готовыя итти подъ флагомъ цѣнности художественной, а не коммерческой—всѣ наперечетъ, много ли ихъ? Да нельзя и требовать, чтобы литературное издательство было предпріятіемъ чуть ли не благотворительнымъ: „меценатство“ во всѣхъ его видахъ—слишкомъ шаткая почва для идейнаго литературнаго дѣла. Опытъ издательствъ „Міра Искутства“, „Золотого Руна“, „Мусагета“, „Сирина“ и другихъ показалъ это ясно. Единственнымъ исключеніемъ доселѣ являлись „Старые Годы“, но ласточка одна не дѣлаетъ весны.

За послѣдніе годы содержаніе литературныхъ сборниковъ было довольно однообразно: чаще всего—какая-нибудь очередная пьеса или повѣсть Леонида Андреева, Арцыбашева или Алексѣя Толстого, съ гарниромъ изъ второстепенныхъ „оригинальныхъ“ и переводныхъ произведеній. Кому это было нужно? Издательству для „торговаго оборота?“ Журналу для очередного заполненія номера? Быть можетъ и да; но тѣмъ менѣе причинъ загромождать такимъ мало примѣчательнымъ литературнымъ матерьяломъ сборникъ, отъ котораго всегда ждешь чего-то болѣе значительнаго. А пьесы Леонида Андреева, появлявшіяся за послѣдніе годы въ большомъ количествѣ, давно уже должны были бы перекочевать на страницы ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ „Русскомъ Богатствѣ“ или „Современномъ Мірѣ“ онѣ были бы литературнымъ событіемъ; но выпускать для нихъ спеціально книгу „альманаха“—право же не стоило.

Вотъ, напримѣръ—уже послѣ революціи вышелъ очередной альманахъ „Шиповника“ (26-й), главную часть котораго составляла новая пьеса „Милые призраки“—очередная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Леонида Андреева. Драма эта въ началѣ 1917 года давалась на сценахъ ci-devant „императорскихъ“ театровъ въ Петербургѣ и Москвѣ—и тогда же

получила довольно единодушную должную оцѣнку, какъ произведеніе въ достаточной мѣрѣ „сценическое". Требовать отъ Л. Андреева большаго при громадной драматургической производительности его за послѣдніе годы—было бы явной несправедливостью. „Милые призраки", не смотря на отдѣльныя удачныя мѣста и положенія (Леонидъ Андреевъ—очень талантливъ по-прежнему)—значительно ниже написаннаго имъ даже за послѣдніе годы. Строить весь альманахъ если не на вещи, то на имени ея автора,—одинаково не серьезно для людей, серьезно относящихся къ литературѣ. Пусть бы „Милые призраки" украсили именемъ своего автора страницы какого-нибудь изъ почтенныхъ толстыхъ журналовъ...

Возвращаюсь, однако, отъ частныхъ примѣровъ къ общимъ положеніямъ. Эти общія положенія заставляютъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ роста и развитія газеты, какъ органа соціально-политической мысли,—роста газеты и тѣсно связанной съ ней „брошюрочной" и „листовочной" литературы. Толстый журналъ, наоборотъ, осужденъ въ ближайшемъ времени на прозябаніе и умираніе: второй отдѣлъ распылится по книжкамъ и брошюрамъ, а лучшее изъ отдѣла перваго литературнаго, разойдется по литературнымъ сборникамъ.

Хотѣлось бы помечтать: какъ въ сборникахъ будетъ производиться строгій отборъ беллетристики, какъ заполняющій почти всѣ журналы мусоръ будетъ безпощадно отметаться, къ горести авторовъ и облегченію читателей, какъ отъ этого естественнаго „отбора лучшихъ" процвѣтетъ вся литература и погибнетъ вся макулатура... Мечтать не возбраняется, но всѣ мечты эти, конечно, напрасныя...

Ничто не измѣнится въ этой области, здѣсь и власть революціи безсильна. По-прежнему на одно художественное произведеніе будетъ выходить сотня поддѣлокъ, по-прежнему рядомъ съ талантомъ будутъ писать сотни бездарностей, по-прежнему дутыя знаменитости и калифы на часъ будутъ царить въ литературныхъ кругахъ,—все сіе не прейдетъ „даже до послѣдняго дня"...

Но хорошо и то, что меньше будетъ разсадниковъ литературной серединности подъ флагомъ политической про-

грессивности: авторитетъ „второго отдѣла“ политическаго журнала часто покрывалъ и покрываетъ до сихъ поръ сѣрую безталанность „перваго отдѣла“. Если этого не будетъ, то и то уже слава Богу!

Вотъ въ общихъ чертахъ смыслъ надвигающейся побѣды „газеты“ и „сборника“ надъ „толстымъ журналомъ“; вотъ ближайшее наше литературное будущее—насколько его можно разсмотрѣть и предугадать въ грозѣ и бурѣ великихъ совершающихся событій.

Іюль.

Журналы въ годъ революціи.

I.

„Красное знамя".

Двухнедѣльный журналъ подъ редакціей Александра Амфитеатрова.

Представьте себѣ Ивана Александровича Хлестакова, у котораго не только „легкость въ мысляхъ необыкновенная", но и необыкновенная легкость пера, который не на словахъ только, а и на дѣлѣ можетъ занимательно для средней публики писать все, что угодно, сколько угодно и обо всемъ о чемъ угодно.

„...Я, признаюсь, литературой существую... Въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій, ужъ и названія не помню даже. И все случаемъ; я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь! Думаю себѣ: пожалуй, изволь, братецъ! И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ... Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ..."

До сихъ поръ думали, что все это Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, въ пылу неудержимаго вранья, наплелъ на себя, и на литературу; только въ наши дни стало ясно, что онъ не морочилъ простодушныхъ провинціаловъ, а лишь не раскрылъ имъ своего подлиннаго псевдонима: Александръ Амфитеатровъ.

Тягостная судьба этого политическаго дѣятеля, публициста—и публициста, несомнѣнно, талантливаго: никто, рѣшительно никто, не относится къ нему серьезно. А ужъ онъ ли не старается!

Въ концѣ девяностыхъ годовъ онъ вызываетъ кого-то на дуэль, въ защиту чести своего нововременскаго патрона, Суворина, и его газеты. Дѣло серьезное, а всѣ смѣются. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ либерально-бульварной „Руси" онъ помѣщаетъ свой бойкій фельетонъ „о господахъ Обмановыхъ" и подвергается административной высылкѣ въ Сибирь,—но и этимъ не добивается серьезнаго къ себѣ отношенія. Въ годы послѣ первой революціи издаетъ въ Парижѣ литературно-политическій журналъ „Красное Знамя"—журналъ хлесткій и не серьезный, вскорѣ прекращающійся. За нѣсколько мѣсяцевъ до нынѣшней революціи онъ при помощи Протопопова возвращается въ Россію и становится во главѣ „Русской Воли", сразу пріобрѣтающей обычный хлестаковскій, бульварно-литературный пошибъ. Наканунѣ революціи за такую же бульварно-литературную статью-анаграмму снова высылается въ Сибирь, а послѣ революціи продолжаетъ писать безконечно много и безконечно бойко въ газетахъ, въ юмористическихъ журналахъ,—гдѣ угодно, сколько угодно и все, что угодно. Въ десяткахъ томовъ его сочиненій есть и историческіе романы, и романы бытовые, и драмы, и комедіи, и поэмы, и эпиграммы, и все, чего пожелаете... „Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій, ужъ и названій даже не помню... У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ... Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ".

Стоитъ ли послѣ всего этого говорить о возобновляемомъ „Красномъ Знамени"? Пожалуй, что и не стоитъ: физіономія журнала ясна само собой. Со второй книжки начинается печатаніемъ новый романъ Александра Амфитеатрова „Стѣнь": этотъ анонсъ опредѣляетъ собою „художественный" отдѣлъ журнала, „украшенный" двумя-тремя слабыми стихотвореніями Бальмонта. Въ отдѣлѣ публицистическомъ—бойкая и уныло-многословная статья Александра Амфитеатрова о текущемъ моментѣ. Въ ней—хлестаковское величіе („я... я...

я!..“, „я учуялъ“, „я настаивалъ“, „я не боялся“, „призывъ мой не пропалъ даромъ“ и т. п.), а направленіе ея будетъ ясно читателю хотя бы изъ слѣдующей комично-горделивой фразы:

„Я не боялся деспотическихъ угрозъ при старомъ монархическомъ режимѣ господъ Обмановыхъ, мнѣ обязанныхъ клеймомъ этой общепринятой нынѣ клички,—не убоюсь и деспотическихъ претензій, которыми пытаются развратить и задавить юную республиканскую русскую свободу фанатики, прикатившіе на Русь изъ Циммервальда и Кинталя въ нѣмецкихъ пломбированныхъ вагонахъ, и ихъ единомышленники, съ пломбами и безъ пломбъ“.

Коряво и длинно, но комично тутъ то, что съ Иваномъ Александровичемъ Хлестаковымъ никто, рѣшительно никто, не споритъ ни о чемъ серьезномъ, и „убояться“ ему рѣшительно нечего... Журналъ его, ведущійся въ духѣ вульгарнаго, бульварнаго „патріотизма“, расчитанъ на тотъ кругъ читателей, среди котораго Иванъ Александровичъ чувствуетъ себя, какъ дома: многоголовое обывательское стадо любитъ бойкую пошлость. Недаромъ Хлестаковъ имѣлъ такой большой успѣхъ въ гостинной у городничаго.

II.

„Будущее“.

Сборники статей на злобу дня. Редакторъ-издатель В. Л. Бурцевъ.

Кромѣ „Былого“, о которомъ ниже, возобновляемаго изданіемъ послѣ невольнаго многолѣтняго перерыва, В. Бурцевъ издаетъ еще и „Будущее“, въ которомъ говоритъ, главнымъ образомъ, о настоящемъ... Впрочемъ, о настоящемъ В. Бурцевъ говоритъ также, а, пожалуй, и главнымъ образомъ, на столбцахъ эксъ-протопоповской „Русской Воли“, идейно связывая ее тѣмъ самымъ и съ „Будущимъ“ и съ „Былымъ“. Размахъ—широкій, въ результатѣ котораго можно очутиться, однако, далеко выброшеннымъ изъ рядовъ

демократіи; В. Бурцевъ за послѣднее время сдѣлалъ все возможное, чтобы добиться такого результата.

Его неприличное выступленіе съ проскрипціоннымъ спискомъ двѣнадцати „Іудъ, предающихъ свою отчизну“ (причемъ въ спискѣ этомъ, рядомъ съ явными авантюристами и темными дѣльцами, стояли имена безупречныхъ и незапятнанныхъ политическихъ дѣятелей), его странное восхваленіе дѣятельности пресловутой комиссіи генерала Батюшина и К°, его позорные кивки и подмигиванія на М. Горькаго, какъ чуть ли не на германскаго агента,—все это достаточно ясно обрисовало его по-революціонную физіономію и крѣпко закрыло передъ нимъ двери всѣхъ уважающихъ себя демократическихъ газетъ и журналовъ. Вотъ развѣ въ „Единство“ еще не отрѣзана дорога, гдѣ вкупѣ и влюбѣ съ г. Алексинскимъ можно пачкаться грязью „безъ лишнихъ словъ“? Да вотъ еще въ собственномъ „Будущемъ“ можно будетъ развернуться...

Но это для „Будущаго“—пока еще дѣло будущаго; въ двухъ вышедшихъ номерахъ нѣтъ и этого „злободневнаго“ матеріала, кромѣ статьи о дѣлѣ генерала Батюшина. Доносъ на М. Горькаго отложенъ, очевидно, до № 3. А пока—сѣрый, скучный и старый матеріалъ, перепечатка заграничныхъ статей редактора-издателя и 1904 и 1913 года, фотографіи обложекъ былыхъ заграничныхъ книжекъ и журналовъ В. Бурцева, приговоръ петроградской судебной палаты въ 1915 году по дѣлу того же В. Бурцева. Въ „Быломъ“ всѣ эти мало-интересные документы В. Бурцева о В. Бурцевѣ, быть можетъ и имѣли бы все-таки нѣкоторый смыслъ. Но въ „Будущемъ“? Кому все это теперь нужно и причемъ же здѣсь будущее? Непонятно.

Что же касается статей „Будущаго“ о настоящемъ, то въ нихъ—полная безпомощность политической мысли редактора-издателя. Не въ томъ дѣло, что по взглядамъ своимъ онъ примыкаетъ справа къ группѣ „Единства“, что напыщенно и пересыщенно пишетъ онъ „Привѣтъ Плеханову“ (ожидая его „могучаго вмѣшательства въ текущую политическую борьбу“!), а въ томъ, что не умѣетъ онъ связать концы съ концами своихъ политическихъ мыслей. „Намъ

не нужны ни аннексіи, ни контрибуціи",—читаемъ мы слова редактора-издателя, столь странно примыкающаго здѣсь къ вредному „интернаціонализму"; а черезъ нѣсколько строкъ предложеніе „перечертить дурно теперь начертанныя границы между государствами"...

Пусть онъ попробуетъ въ слѣдующемъ номерѣ „Будущаго" „перечертить границы безъ аннексій": поучительно и смѣшно будетъ посмотрѣть...

Впрочемъ, врядъ ли и выйдутъ дальнѣйшіе номера этого журнала: слишкомъ явно онъ никчеменъ и никому не нуженъ. Его единственнымъ читателемъ скоро можетъ остаться редакторъ-издатель.

III.

„Русская Свобода".

Еженедѣльникъ, издаваемый редакціей „Русской Мысли". подъ редакціей П. Б. Струве.

Объ этомъ политическомъ еженедѣльникѣ „правѣй кадетовъ" стоило бы поговорить пообстоятельнѣе: слишкомъ много въ немъ характернаго для физіономіи кадетоидовъ разной окраски—отъ П. Струве и С. Франка до Н. Бердяева и С. Булгакова, причудливо соединяющихъ реакціонную идеологію съ либеральной фразеологіей, позитивное доктринерство съ гностическимъ христіанствомъ...

Первый № „Русской Свободы" вышелъ вскорѣ послѣ революціи, еще во времена милюковско-дарданельскія. Кадетоиды еще надѣялись тогда, что революція наша ограничится лишь областью политической—и они восторженно привѣтствовали „новый строй". Правда, и вступительная статья „Русской Свободы" предвидѣла, что „за политическимъ переворотомъ идутъ вослѣдъ соціальныя *преобразованія*", но вѣдь это и значитъ какъ разъ, что за политической *революціей* они представляли себѣ лишь соціальную *эволюцію*. Они всѣ—„эволюціонные соціалисты"—ну конечно же! Но когда они увидали, что не соціальная эволюція, а соціальная революція идетъ у насъ за революціей полити-

ческой— съ ближайшихъ же номеровъ „Русской Свободы" подняли они плачъ, стонъ и причитанія.

Уже въ № 3 (сейчасъ же послѣ отставки Милюкова) II. Струве начинаетъ плакаться на паденіе „культуры", которой онъ, конечно, противопоставляетъ революцію: хорошо знакомое фарисейское противопоставленіе! П. Струве „сотоварищи" начинаютъ спасать культуру отъ революціи создаютъ „Лигу Русской Культуры". Лига эта должна бороться за „здоровый патріотическій инстинктъ", причемъ остается не совсѣмъ выясненнымъ: а какъ же милюковско-дарданельскій патріотическій инстинктъ—„здоровый" онъ, или „нездоровый"? Думается, что вполнѣ „здоровый", пышущій здоровьемъ, если судить по всей сововокупности статей „Русской Свободы".

А такъ какъ извѣстно: „что Струве смерть, то Ленину потѣха" (и наоборотъ), то можете себѣ представить, какое кислое „нездоровье" царило во всѣхъ послѣдующихъ номерахъ „Русской Свободы", за май и іюнь мѣсяцы! И такая досада: лишь только просвѣтлѣло немного на горизонтѣ, лишь только начался съ іюля мѣсяца склонъ и спадъ первой волны русской революціи, лишь только милюковскіе „здоровые инстинкты" стали снова ощущать и ощупывать почву подъ ногами—какъ скоро прекратился и дальнѣйшій выходъ номеровъ „Русской Свободы"! Будемъ надѣяться—лишь временно. Ибо эта полоса „кадетоидной" мысли—очень характерна, и намъ жаль было бы лишиться въ дальнѣйшемъ столь любопытнаго соціально-политическаго матеріала. Впрочемъ, если даже и прекратилась бы „Русская Свобода", то осталась „Русская Мысль" съ тѣми же идеями, тѣми же сотрудниками. И мы еще непремѣнно вернемся къ этому кругу идей, чтобы поговорить о нихъ пообстоятельнѣе.

IV.

„Кличъ“.

Двухнедѣльникъ, подъ редакціей Алексѣя Борового.

Для кого и для чего издается этотъ журнальчикъ?

Въ предисловіи „отъ редакціи“ заявляется, что цѣль журнала—„утвержденіе свободы во всѣхъ планахъ человѣческаго творчества“: задача настолько общая, что даже и безсодержательная.

Яснѣе и опредѣленнѣе вторая, „чрезвычайно важная и дорогая для журнала задача“: эта задача—„защита правъ и интересовъ умственнаго труда“. На страницахъ журнала выступаютъ съ декларацiями „піонеры объединенія умственнаго труда“, желающіе объединить въ одну классовую группу „интеллектуальный пролетаріатъ“ внѣ политическихъ партій, исключительно на экономической основѣ. Въ журналѣ уже разработанъ проектъ устава московской федераціи „Союзовъ Работниковъ Умственнаго Труда“. Въ этой всероссійской in spe организаціи С. Р. У. Т. все предусмотрѣно: и жалованье секретаря, и функціи ревизіонной комиссіи, и взаимоотношенія между федеральнымъ совѣтомъ и федеральными союзами.

Такъ, бывало, „въ доброе старое время“, устраивали мы, гимназисты среднихъ классовъ, различныя общества для спасенія человѣчества, а также и для благополучнаго окончанія нами гимназіи. Мѣсячные взносы (10 копеекъ) тратились нашимъ „федеральнымъ совѣтомъ“ на покупку общественныхъ подстрочниковъ, секретарь жалованья не получалъ, а ревизіонная комиссія обнаружила однажды значительный перерасходъ противъ смѣты (2 р. 37 к.), о чемъ и сдѣлала докладъ общему собранію.

Есть что-то безпомощно гимназическое во всей этой затѣѣ московскихъ анархистовъ,—во главѣ и журнальчика и всего „движенія“ стоятъ „идеологи“ московскаго анархизма, г. г. Алексѣй Боровой, Левъ Черный и иные, еще

менѣе знаменитые. Наивностью проникнутъ весь журнальчикъ,—и очень кстати встрѣчаешь на его страницахъ еще одинъ проектъ „федераціи“, на этотъ разъ федераціи русскихъ художниковъ: этотъ новый гимназическій уставъ, подъ названіемъ „Гильдія св. Луки“, излагаетъ съ очень серьезнымъ видомъ Максимиліанъ Волошинъ. Не перевелись еще великовозрастные гимназисты на святой Руси!

За этимъ „вѣчно-гимназическимъ“ лежитъ, однако же, цѣлая соціологическая теорія, не шутите: теорія о „классовой природѣ умственнаго пролетаріата“. Быть можетъ кое-кто еще помнитъ, что десять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ первой русской революціи, довольно шумно появилось на свѣтъ Божій теченіе „махаевщины“ (книга Е. Лозинскаго: „Что такое интеллигенція“ и рядъ брошюръ такого же направленія). Теченіе это, нынѣ растворившееся въ лѣвомъ анархизмѣ и синдикализмѣ, впервые провозгласило теорію „классовой природы умственнаго рабочаго“, предало, поэтому, классовую интеллигенцію проклятію и вылило на нее ушаты неблаговонныхъ помоевъ.

Нынѣ редакція „Клича“ подбираетъ эту старую теорію, посвящаетъ ей на своихъ страницахъ рядъ „этюдовъ о классовой природѣ интеллигенціи“ (гимназическія упражненія Льва Чернаго); повидимому, она хочетъ еще „аршиномъ глубже“ продолжить махаевскую теорію строенія „интеллигенціи“. И, не боясь ни проклятій, ни ушатовъ махаевской брани, смѣло поднимаетъ перчатку, признаетъ себя „классовой организаціей“ и устраиваетъ свой союзъ съ призывомъ: „интеллектуальные пролетаріи всѣхъ странъ—объединяйтесь!“

Все это очень хорошо, только вотъ что плохо: прежняя путаница понятій, обычное и для былой „махаевщины“ безпомощное смѣшеніе „интеллектуальныхъ пролетаріевъ“ съ „интеллигенціей“. По прежнему они не могутъ понять, что хотя представитель „интеллигенціи“ дѣйствительно чаще всего „умственный рабочій“, но зато далеко не всегда „умственный рабочій“ входитъ въ ряды „интеллигенціи“. Ибо „умственные рабочіе“—огромная соціально-экономическая группа, а „интеллигенція“—сравнительно небольшая

соціально-этическая категорія. Группы эти не только не покрываютъ другъ друга, но часто даже сталкиваются враждебно. Пока этой азбучной истины не поймутъ руководители московскаго журнальчика, ихъ С. Р. У. Т. останется гимназической затѣей, въ которой какъ разъ и не будетъ принимать никакого участія подлинная интеллигенція.

V.

„Современный Міръ".

„Ежемѣсячныхъ" толстыхъ журналовъ — больше нѣтъ; всѣ они по условіямъ экономическимъ, обратились въ „двухмѣсячники" и „трехмѣсячники"; такой типъ толстыхъ журналовъ и установится, вѣроятно, на ближайшее (а быть можетъ, и не только ближайшее) время, къ взаимной выгодѣ и редакцій и читателей. Редакціямъ меньше труда по составленію номера, читателямъ—меньше труда по одолѣнію того мертваго балласта (особенно въ беллетристикѣ), который составляетъ на девять десятыхъ грузъ всѣхъ нашихъ „ежемѣсячниковъ".

Вотъ тройной номеръ „Современнаго Міра". Перелистываешь, читаешь — и съ облегченіемъ душевнымъ думаешь: какъ хорошо, что такихъ книжекъ журнала въ годъ придется перелистывать лишь четыре, а не двѣнадцать.

Беллетристика: наивно - тенденціозный и аляповатый (мягко говоря) разсказъ А. Прибоя „Порченый", къ которому даже невзыскательная редакція журнала сочла нужнымъ сдѣлать наивное примѣчаніе, что-де она „считаетъ полезнымъ напечатать этотъ разсказъ", разсказъ о нѣкоемъ запасномъ унтеръ-офицерѣ звѣрскаго облика: „пусть граждане новой Россіи — съ паѳосомъ заключаетъ редакція — еще разъ проклянутъ позорное иго царизма!" Примѣчаніе прелестное и показываетъ всю глубину художественнаго вкуса редакціи. О самомъ же разсказѣ больше сказать рѣшительно нечего.

Другой разсказъ — „Табачный дымъ" В. Лидина — столь же непереносенъ отъ потугъ на тонкость и психологичность. Рядомъ съ нимъ даже не мудрящій бытовой разсказъ А. Се-

макина „Безъ хвоста“, кажется чѣмъ то похожимъ на подлинную жизнь. А между всѣми этими разсказами вкраплены посмертныя стихотворенія А. Лозина-Лозинскаго, который, быть можетъ, былъ очень интереснымъ человѣкомъ, но несомнѣнно, очень скучнымъ и слабымъ поэтомъ.

Вотъ и вся оригинальная „художественная литература“ тройного номера. Ну, какъ тутъ не вздохнуть съ облегченіемъ: слава Богу, такой литературы будетъ ежегодно появляться въ три раза меньше, чѣмъ прежде!

Переводный романъ Штильгебауера „Inferno“ о міровой войнѣ, очень слабъ, но знакомство съ нимъ все же представляетъ интересъ, какъ съ однимъ изъ прославленныхъ „анти-военныхъ“ европейскихъ романовъ (другой, болѣе талантливый—„Le feu“, Барбюса). Интересно также во второмъ отдѣлѣ журнала продолженіе перевода новой книги Жана-Лонгэ „Проблемы международныхъ отношеній“, и этими двумя переводными вещами ограничивается все, имѣющее хотя-бы относительную цѣнность во всемъ тройномъ номерѣ журнала.

Ибо русская публицистика этого номера—вполнѣ въ уровень съ его русской беллетристикой. Жалко-мелочныя и никому неинтересныя воспоминанія Льва Дейча о его жизни въ Америкѣ до и послѣ войны, и еще нѣсколько блѣдныхъ и вялыхъ статей, ни на одной изъ которыхъ нельзя остановиться. И это—въ дни величайшаго мірового переворота, въ дни, когда и камни, казалось бы, должны „возопіять“..! Въ эти дни — сѣро-суконная беллетристика, въ эти дни — сѣро-суконная публицистика, никчемная, ненужная...

VI.

„Русское Богатство“.

О „Русскомъ Богатствѣ“ можно повторить совершенно то же самое, что и о большинствѣ другихъ толстыхъ журналовъ: безпросвѣтная скука, какъ общее правило, царила въ немъ за всѣ послѣдніе десять лѣтъ. По сравненію съ другими журналами—беллетристика въ немъ была всегда „самобытнѣе“, но сѣрѣе, стихи — безцвѣтнѣе и бездарнѣе, и

лишь въ отдѣлѣ публицистики попадалось иногда умѣренно-живое слово — въ обзорахъ А. Пѣшехонова, въ полубеллетристическихъ очеркахъ Ѳ. Крюкова. Умѣренно оппозиціонный духъ этого журнала за послѣднее десятилѣтіе завоевалъ ему прочную популярность въ среднихъ демократическихъ кругахъ; эта умѣренная оппозиціонность стала заволакивать собою для средняго читателя и имя Михайловскаго, который такъ серединно упрощался и уплощался въ ежемѣсячныхъ статьяхъ созданнаго имъ журнала.

Такъ бы и дальше шло; но вотъ — пришла революція. Пришла — и окончательно выявила подлинное лицо всѣхъ этихъ эпигоновъ Михайловскаго, людей очень почтенныхъ, но и во всѣхъ отношеніяхъ среднихъ. Возьмите среднее пропорціональное между двумя крайними, правымъ кадетомъ и лѣвымъ эсъ-эромъ, и вы получите народнаго соціалиста изъ „Русскаго Богатства“. Такъ было всегда, такъ съ особенною ясностью выявилось теперь, послѣ революціи; но выявилось это въ формахъ, которыя надо признать глубоко прискорбными, — хотя бы въ виду того, что именемъ Михайловскаго прикрываются теперь столь несоотвѣтствующія ему идеи и настроенія, мѣщанско-обывательская публицистика А. Петрищева, казацко-мѣщанское брюзжанье Ѳ. Крюкова и еще многое, все въ такомъ же стилѣ, все въ такомъ же родѣ. Духъ революціи не носится надъ этими страницами, надъ этими писаніями запуганныхъ и озлобленныхъ революціей эпигоновъ Михайловскаго.

Никому ненужные переводы тягучихъ и скучнѣйшихъ англійскихъ романовъ; какъ на подборъ сѣрыя, штампованныя стихотворенія рядовыхъ поэтовъ, среди которыхъ даже П. Радимовъ является звѣздой первой величины; уныло-тягучая, какъ гумиластикъ, критика; многословнѣйшія корреспонденціи; сѣрыя популярныя статьи; бытовыя „Записки охранника“, злободневныя по темѣ и слабыя по выполненію; еще одинъ-два среднихъ разсказа, еще два-три болѣе или менѣе удачныхъ или неудачныхъ очерка—вотъ содержаніе типичной для журнала книги.

Не менѣе типичны для „по-революціонныхъ“ номеровъ журнала и очерки Ѳ. Крюкова, и хроника внутренней жизни

А. Петрищева: напуганные революціей и негодующіе авторы-обыватели такъ и выдаютъ себя головой на каждой страницѣ, въ каждой строкѣ. Хроникеръ внутренней жизни, повидимому не особенно краснѣя, проводитъ, напримѣръ, излюбленную мелодію „Рѣчи“ о сходствѣ, если не тождествѣ дореволюціоннаго самодержавія справа съ по-революціоннымъ самодержавіемъ слѣва: тогда правые мечтали чуть-ли не о возрожденіи крѣпостного права, теперь лѣвые—о ужасъ!—мечтаютъ чуть ли не объ установленіи соціализма. Старыя идеи, старыя лица замѣнены новыми, а суть осталась прежней, неизмѣнной. „Нѣтъ Маркова II и Пуришкевича — есть Ленинъ и Нахамкесъ, нѣтъ гр. Бобринскаго — есть Черновъ, нѣтъ Панчулидзева—есть Церетели, нѣтъ совѣта депутатовъ дворянскихъ обществъ—есть совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Все по новому. И всетаки слышится въ новизнахъ старина“...

Такъ пишутъ теперь въ журналѣ, на которомъ когда-то стояло имя Михайловскаго, въ журналѣ, который до сихъ поръ, вѣроятно, считаетъ себя соціалистическимъ и, чего добраго, революціоннымъ.

VII.

„Былое“.

„Изданіе журнала „Былое“, прекращенное „навсегда“ судебнымъ приговоромъ, возобновляется съ 1 іюля 1917 г.“,—объявляетъ редакція журнала. И послѣ десятилѣтняго перерыва теперь вышла первая книга воскресшаго „Былого“, содержаніе которой полно захватывающаго интереса и для широкой публики и для болѣе узкаго круга спеціалистовъ. Если первые, несомнѣнно, прежде всего накинутся на офиціальные протоколы по дѣлу объ убійствѣ Григорія Распутина, на скандальную бесѣду министра внутреннихъ дѣлъ Хвостова съ редакторами „Рѣчи“ и „Новаго Времени“, на сенсаціонныя нынѣ, изъ-за имени автора, воспоминанія г. Савинкова объ убійствѣ Плеве, то вторые съ глубокимъ интересомъ обратятся къ историческимъ документамъ — къ перепискѣ двухъ императоровъ, Николая II и Вильгельма II

въ 1904—1907 гг., и къ человѣческимъ документамъ—письмамъ Евно Азефа тѣхъ же годовъ къ своему начальнику въ департаментъ полиціи.

Объ этихъ характернѣйшихъ письмахъ двухъ императоровъ и одного провокатора слѣдовало бы поговорить подробно и особо; о такихъ документахъ, историческихъ и человѣческихъ, нельзя отозваться мимоходомъ. Пока скажу только о томъ общемъ характерѣ, который объединяетъ обѣ эти переписки этихъ коронованныхъ и некоронованныхъ провокаторовъ. Ибо, если суть провокаціи есть „двойная игра", то она одинаково лежитъ въ основѣ и позорныхъ „дипломатическихъ комбинацій" Николая съ Вильгельмомъ—въ отношеніи Франціи и Англіи, и провокаторской игры Евно Азефа въ отношеніи революціонеровъ и охранниковъ. И тамъ и тутъ, въ конечномъ итогѣ, лежитъ предательство и кровь: Азефъ тайно выдаетъ головою своихъ явныхъ „партійныхъ товарищей", тайно организуя въ то же, время вмѣстѣ съ ними террористическіе акты; Николай II связанный явно союзомъ съ Франціей, за ея спиною тайно выдаетъ ее головой Вильгельму, заключая съ нимъ секретный договоръ. Партійная провокація здѣсь, государственная провокація тамъ; двойная игра въ обоихъ случаяхъ.

Воспоминанія г. Савинкова написаны очень живо и съ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ; Сазоновъ, Каляевъ, Швейцеръ и многіе другіе „боевики" партіи с.-р. проходятъ передъ глазами читателя, всюду сопутствуемые черною тѣнью Азефа. Такъ какъ въ началѣ мемуаровъ стоитъ помѣтка: „Часть первая. Глава первая", то, повидимому, воспоминанія эти растянутся на большую книгу, которую можно было бы озаглавить—„То, что было". Для полноты необходимо, однако, чтобы кто-нибудь изъ былыхъ товарищей г. Савинкова написалъ свои воспоминанія о немъ самомъ: повидимому „То, что было" будетъ нуждаться въ этомъ дополненіи не меньше, чѣмъ раньше нуждалось въ поясненіяхъ „То, чего не было". Главнаго психологическаго выясненія требуетъ, конечно, личность самого автора: не черезмѣрно загадочная, она, однако, интересна для нагляднаго различенія „революціонера" отъ „авантюриста". Кѣмъ

и чѣмъ всегда былъ г. Савинковъ? Или постепенно изъ идейнаго революціонера, друга Каляева и Сазонова, обращался онъ въ политическаго авантюриста, друга генераловъ Корнилова и Каледина? Воспоминанія о г. Савинковѣ когда-нибудь выяснятъ намъ этотъ не очень, повидимому, спорный вопросъ.

Изъ другихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ первой книжкѣ „Былого", слѣдуетъ отмѣтить еще обстоятельныя и методичныя воспоминанія І. Лукашевича о покушеніи 1 марта 1887 г., исторически-цѣнные документы изъ недавно найденнаго архива „Народной Воли", дѣло Зинаиды Коноплянниковой, характерные документы по исторіи зубатовщины, нѣсколько анекдотическихъ „высочайшихъ резолюцій" и не менѣе анекдотическое „дѣло о надписяхъ нелегальнаго содержанія на стѣнахъ общественнаго ретирада въ гор. Петровскѣ"...

Съ этимъ послѣднимъ дѣломъ вполнѣ гармонируетъ откровенная до цинизма бесѣда министра внутреннихъ дѣлъ Хвостова съ гг. Гессеномъ и М. Суворинымъ, записанная послѣдними. Откровенныя изліянія министра о „Гришкѣ", о Ржевскомъ и Барачѣ, о высочайшихъ особахъ, о филерахъ и о многомъ подобномъ, въ теченіе двухъ часовъ безъ малѣйшей брезгливости выслушиваются его собесѣдниками, заискивающе именующими господина министра по имени и отчеству, и извиняющимися, что отняли у него „такъ много драгоцѣннаго времени"... Если въ послѣднемъ заявленіи и могла быть скрытая иронія (хорошо скрытая, вродѣ комбинаціи изъ трехъ пальцевъ въ карманѣ), то все же—очень хороши всѣ эти три собесѣдника...

Не менѣе характерно и дознаніе по дѣлу объ убійствѣ Григорія Распутина; новаго, впрочемъ, въ немъ нѣтъ почти ничего, за исключеніемъ ряда бытовыхъ черточекъ (вродѣ радости смиренной монахини, великой княгини Елизаветы Федоровны, по поводу убійства, или вродѣ наивнаго желанія замести слѣды и т. п.). Всѣ эти хвостовскіе и распутинскіе документы болѣе всего заинтересуютъ, навѣрное, массоваго читателя; но не въ нихъ, конечно, цѣнность матеріаловъ первой книжки „Былого".

Надо думать, что и въ дальнѣйшемъ журналъ будетъ изобиловать богатымъ и цѣннымъ историческимъ матеріаломъ; нельзя не пожелать ему, поэтому, самаго широкаго распространенія и полнаго успѣха. И въ томъ, и въ другомъ мы не сомнѣваемся. Пусть работой въ знакомой ему области исторической г. Бурцевъ, одинъ изъ редакторовъ „Былого", загладитъ хоть немного свое печальное недавнее прошлое, свои позорныя выступленія въ роли редактора „Будущаго" и сотрудника желтой погромной печати.

Августъ-Сентябрь.

Творчество и революція.

„Революція—продолжается!" Слова эти мы теперь слышимъ часто, быть можетъ даже слишкомъ часто: отъ повторенія теряется убѣдительность, ибо не словами, а дѣлами доказывается творчество жизни. Но такъ или иначе, а вотъ уже полгода, съ самого начала революціи, слышите вы, что продолжается творчество революціонное. Скажите же, много ли разъ слышали вы за все это время, что продолжается и должно продолжаться строительство культурное, въ томъ числѣ и творчество литературное, творчество художественное?

Врядъ ли часто слышали. Но почему? Потому ли, что „inter arma silent musae", что въ эпоху революціи не время и не мѣсто говорить о творчествѣ иномъ, кромѣ политическаго и соціальнаго? Потому ли, что всякое иное творчество—пустяки, забава, побрякушки, которыя надо отложить въ сторону „впредь до"? Сначала успокоеніе, а потомъ реформы? Сначала революція, а уже потомъ искусство, литература, творчество?

Если и есть среди демократіи старозавѣтные и „старокolѣнные" люди, готовые поддерживать такое положеніе, то надо сказать твердо и опредѣленно, что ни съ какого боку не соприкасаются они съ революціонной демократіей. Ибо для послѣдней давно уже не требуетъ доказательствъ та истина, что подлинное искусство, подлинное творчество—*всегда революціонно*: и въ эпоху злѣйшей реакціи, и во время стремительнѣйшей революціи. Творчество глубоко

„революціонно“ по самому своему существу, и потому нѣтъ грани, нѣтъ рубежа между нимъ и революціей; нѣтъ грани, ибо оба они—одного духа; и если революція есть сила вѣчно-творческая, то и творчество есть сила вѣчно-революціонная.

Вотъ отчего только очень „примитивнымъ“ людямъ надо еще настойчиво доказывать, что и во время революціи творчество художественное, творчество литературное • „имѣетъ право на существованіе“, что нельзя угашать духа, нельзя ограничивать революцію лишь политическими и соціальными гранями. Если есть люди, нуждающіеся въ подобномъ доказательствѣ — тѣмъ хуже для нихъ; но еще разъ—съ этими почтенными ископаемыми не по пути живымъ силамъ революціонной демократіи, живымъ силамъ всегда революціонной и всегда творческой русской интеллигенціи.

Революція не есть нѣчто „внѣшнее“: сила ея—въ мысли, сила ея—въ духѣ. Штыки безсильны противъ идей—истина безспорная и давно извѣстная. Всѣ копья, мечи и стрѣлы всего міра—что могли они въ свое время противъ христіанства? Всѣ ружья, штыки и пушки—что могли они за послѣднее столѣтіе противъ соціализма? Пусть христіанство „не удалось“, пусть „не удадутся“ еще и многія многія попытки человѣческаго духа къ самоосвобожденію—все же каждый новый шагъ есть шагъ на пути къ побѣдѣ, каждый новый „идейный ударъ“, каждый новый „духовный взрывъ“ сокрушаетъ твердыни стараго міра и пробиваетъ пути къ міру новому.

И работа эта — безпрестанная, безустанная, въ этой области подлинно всегда „революція продолжается“ и нѣтъ конца пути, и нѣтъ предѣла возможностямъ. Какія бы ни были внѣшнія обстоятельства, мы не должны забывать объ этомъ внутреннемъ движеніи, внутреннемъ горѣніи, иногда скрытомъ подъ корою пепла, иногда бурно прорывающемся наружу. И съ глубокой вѣрой въ силу человѣческаго духа мы можемъ сказать всегда, скажемъ это и теперь:

Творчество—продолжается!

13 августа.

Искусство и демократія.

Вѣчно острый вопросъ объ искусствѣ и демократіи въ дни революціи обострился, какъ будто, еще сильнѣе. Обострился—и лезвіемъ своимъ раздѣлилъ всѣхъ на два непримиримыхъ стана. Если въ области политической и соціальной двумя враждебными и отъединенными станами стоятъ другъ противъ друга демократія и буржуазія, то и въ области искусства, какъ будто, враждебно противостоятъ другъ другу своеобразныя „буржуазія" и „демократія"...

Ибо что другое, какъ не типичная „буржуазія отъ искусства" та группа пресыщенныхъ снобовъ и эстетовъ, которая въ первые дни революціи фальшиво пѣла гимны освобожденію, „свободному народу" и даже „Интернаціоналу" для того, чтобы въ послѣдующіе же дни брюзгливо и брезгливо отгородиться и отъ народа и отъ революціи, ибо—„искусство для избранныхъ"! Въ разныхъ литературныхъ шантанахъ собираются эти эстеты и снобы отъ искусства, въ разныхъ мертвыхъ эстетическихъ журналахъ будутъ они, еще будутъ, поносить и революцію, и демократію. Пути живого творчества закрыты передъ ними, ихъ „аристократическое" искусство—искусство мертвое, безъ путей въ жизнь, безъ надеждъ впереди. Эстеты и снобы всегда были и всегда будутъ; но какъ и всегда, живое искусство идетъ мимо нихъ, идетъ мимо всѣхъ этихъ, что-то гордо чирикающихъ и пиликающихъ, идетъ мимо и—выражаясь недостаточно вѣжливымъ стихомъ поэта—„насѣкомыхъ болтовни внятіемъ не тѣшитъ"...

Въ противовѣсъ имъ выступаютъ отъ имени искусства люди, желающіе итти „къ народу“ съ призывомъ: „искусство для массъ“! Люди эти, быть можетъ, очень искренніе „демократы“ и очень почтенные политическіе дѣятели, но, Боже мой, что они даютъ „народу“! Вы можете узнать это изъ сердитыхъ отзывовъ изъ „писемъ въ редакцію“ многихъ рабочихъ, возмущенныхъ тѣми балаганными увеселеніями, которыя преподносятся этими людьми „народу“ подъ видомъ искусства. „Искусство для массъ“, это значитъ въ ихъ устахъ—искусство-забава, искусство-развлеченіе, а потому „народъ“ пичкается бездарными комедіями и водевилями, лубочными картинами, пошлѣйшими вальсами, польками, и маршами. Но, конечно, это вовсе не „искусство для массъ“, по той простой причинѣ, что все это—вовсе не искусство...

Но гдѣ же третій путь—путь одинаково далекій и отъ мертвой „аристократичности“ эстетовъ и отъ ложной „демократичности“ популяризаторовъ? Третіи и единственный путь—путь искусства живого, не запирающагося въ кабинетѣ, но и не приспособливающагося для площади, путь искусства, идущаго „своимъ путемъ“, „дорогою свободною туда, куда влечетъ его свободный умъ“. Ибо „аристократическаго“ искусства для избранныхъ—нѣтъ, его замѣняетъ поддѣлка эстетства; ибо „демократическаго“ искусства для массъ—нѣтъ, его замѣняетъ поддѣлка популяризаторства. Живое искусство—едино, и только оно—подлинно. Марксистскія теоріи о „буржуазномъ искусствѣ“ и „пролетарскомъ искусствѣ“—только малограмотныя разсужденія людей, о подлинномъ искусствѣ не имѣющихъ понятія.

Подлинное искусство—едино, и оно, въ общемъ смыслѣ, всегда демократично, ибо оно общенародно, ибо оно—общечеловѣчно. Часто оно бываетъ трудно доступнымъ и для массъ, и даже для одинокихъ цѣнителей, но и въ такомъ случаѣ вопросъ принятія и признанія его есть лишь вопросъ времени. И не приспособлять его нужно „къ массамъ“, а поднимать массы къ нему; путь же этого подъема—не популяризація, а ознакомленіе, „зараженіе“, „воспріятіе“, поднятіе со ступеньки на ступеньку. Чуткій къ искусству

„мужикъ“ изъ глухой деревни, рабочій изъ фабричнаго квартала можетъ сперва остановиться въ недоумѣніи передъ девятой симфоніей Бетховена, но онъ же можетъ глубоко почувствовать всю прелесть „Сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ“ Римскаго-Корсакова. Это одинъ примѣръ,—ихъ тысячи.

Въ дни демократической революціи особенно остро стоитъ вопросъ объ искусствѣ. Особенно остро потому, что оно часто считается и часто само объявляетъ себя—„аристократическимъ“, для „массы“ недоступнымъ, непригоднымъ, ненужнымъ. Но считается оно такимъ лишь по недоразумѣнію, а объявляетъ себя такимъ лишь по недоразумѣнію. И именно въ такіе дни съ особенной настойчивостью надо вскрывать обычныя заблужденія, надо повторять, надо помнить, что подлинное искусство всегда въ конечномъ счетѣ „демократично“, общенародно, общечеловѣчно, что нѣтъ искусства „буржуазнаго“ и „пролетарскаго“, а есть лишь поддѣлки подъ него, что живое искусство—едино, что живое искусство—вѣчно-революціонно и ведетъ за собою всѣхъ. Всѣхъ—кто хочетъ итти.

26 августа.

Третій Римъ.

„Два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не быть“.

Такъ когда то московскіе книжные люди XVI вѣка говорили о Римѣ, Византіи и Москвѣ. И они были правы, хотя и въ совершенно неожиданномъ для себя смыслѣ: та идея духовнаго самодержавія, автократіи, которая лежала въ основѣ и католическаго Рима, и каѳолической Византіи и царской Москвы—нашла въ Москвѣ послѣднее свое выраженіе. Выраженіе и вырожденіе: идея эта выродилась на протяженіи двухъ послѣднихъ вѣковъ русской исторіи; „Москва“ нашла свой конецъ въ Петербургѣ 28 февраля 1917 года.

Такъ погибъ „третій Римъ“ идеи самодержавія, „а четвертому не быть...“ Міръ вступаетъ нынѣ въ новую полосу исторіи, новый Римъ зарождается на новой основѣ, и съ новымъ правомъ повторяемъ мы теперь старую формулу XVI-го вѣка, только относимъ ее къ идеѣ не автократіи, а демократіи, не самодержавія, а народодержавія. „Два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не быть“.

Въ папѣ, въ патріархѣ, въ царѣ выражалась идея „стараго Рима“, стараго міра; въ идеѣ *Интернаціонала* выражается соціальная идея демократіи, идея міра новаго. И если идея самодержавія была по самому своему существу неизбѣжно реакціонной и духовно мѣщанской, то настолько же является неизмѣнно революціонной идея народодержавія:

она должна смести всѣ препоны, снести всѣ плотины, чтобы соединить въ одной свободной человѣческой семьѣ народы всего міра.

Два раза уже пробовали строить этотъ новый Римъ революціонеры минувшаго вѣка, и оба раза вся ихъ работа разрушалась *войною:* ею старый міръ пытался осуществить свои идеалы, поддержать свое господство—господство сѣраго Интернаціонала имущихъ классовъ, раздѣленныхъ лишь государственными перегородками. И первый красный Интернаціоналъ погибъ уже въ 1870—1871 году, въ дымѣ пожаровъ франко-прусской войны; споръ Бакунина съ Марксомъ, анархизма съ соціализмомъ, лишь заключилъ собою его гибель двумя годами позднѣе.

Черезъ пятнадцать-двадцать лѣтъ сталъ строиться второй Интернаціоналъ и, казалось, выросъ въ крупную міровую силу въ наши дни; лишь міровая война показала всю мнимость этой силы второго краснаго Интернаціонала, насквозь пронизаннаго сѣрыми націоналистическими стремленіями. Руководители соціалистическихъ массъ, главари второго Интернаціонала оказались при первыхъ же звукахъ войны въ плѣну мелкой и злобной національной нетерпимости. Говорятъ: они были обмануты своими правительствами. Жалкое оправданіе, врядъ-ли не горшее обвиненія! Такъ палъ второй Интернаціоналъ, не сумѣвшій духовно устоять въ вихрѣ національной злобы, поднятой старымъ, изживающимъ себя міромъ. И лишь немногіе, духовно стойкіе, нашли въ себѣ достаточно силы, чтобы тутъ же, подъ ударами своихъ же бывшихъ товарищей, заложить первые камни новаго зданія, новаго третьяго Интернаціонала. Медленно и тяжело закладывался фундаментъ; тюрьмы, преслѣдованія, ненависть и клевета окружали строителей; но шла война, гибли милліоны— и прозрѣвали ослѣпшіе, начинали понимать правду обманутые и обманувшіеся.

Пришла русская революція—и сразу, въ нѣсколько дней, дѣло созданія третьяго Интернаціонала подвинулось впередъ на десятилѣтія. „Третій Римъ" теперь поистинѣ „стоитъ"—это можно сказать твердо и увѣренно, несмотря на всѣ черныя тучи, обложившія его горизонтъ, несмотря

на всѣ подкопы, на всѣ попытки разрушить новое міровое зданіе, и даже—несмотря на то сѣрое и вязкое соціалистическое болото, которое стремится засосать и обезличить русскую революцію.

Это болото духовно-мѣщанскаго соціализма—у всѣхъ насъ передъ глазами. Минувшіе полгода для большинства соціалистовъ—это позорная лѣтопись затаскиванія революціи въ трясину трусливой умѣренности, продажи права революціоннаго первородства за чечевичную похлебку „всеобщаго признанія". Потихоньку-то вѣрнѣй, полегоньку-то пріятнѣе—вотъ вѣчный припѣвъ; до революціи ли тутъ! И гдѣ ужъ тутъ думать о Новомъ Мірѣ, о третьемъ Римѣ!

И все таки онъ стоитъ, и все таки онъ растетъ упорнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Еще три года тому назадъ одинокіе, разрозненные его работники начинали свой трудъ; а теперь уже—онъ громадная духовная сила, сила меньшинства, съ которымъ всѣ должны считаться. Побѣда его—впереди, пусть черезъ годы и годы, когда послѣ безсмысленной и преступной войны народныя массы всюду прозрѣютъ и поймутъ правду. Отъ великой европейской, міровой революціи не уйти не одному изъ правительствъ, втянувшихъ въ бойню свой народъ: такъ будетъ и въ Румыніи и въ Италіи, такъ будетъ и въ Англіи и въ Германіи; когда бы это ни было, но такъ будетъ. И только на почвѣ этой міровой революціи будетъ завершенъ постройкой „третій Римъ", третій и послѣдній Интернаціоналъ.

Послѣдній, ибо „четвертому не быть", ибо въ будущемъ—либо міровая революція, либо крушеніе всей европейской культуры, автократіи вмѣстѣ съ демократіей, вѣка упадка и запустѣнія. Будущаго мы не знаемъ, но будущее мы и творимъ; въ неизжитыя силы духа человѣческаго мы вѣримъ, и мы знаемъ, что подлинно подходимъ мы теперь къ двѣнадцатому часу исторіи. Въ этотъ часъ побѣдитъ либо міровая революція—политическая, соціальная, духовная, соціализмъ революціонный, міръ новый, либо побѣдитъ міровая реакція, мѣщанскій соціализмъ, міръ старый. Смертельная схватка міровой революціи съ міровой реакціей быть можетъ недалека, и уже теперь каждый долженъ осознать себя

бойцомъ одного изъ двухъ促 становъ, одного изъ двухъ міровъ. Непримиримое внутреннее раздѣленіе—единый и неизбѣжный путь къ грядущему объединенію человѣчества въ новомъ мірѣ, въ „третьемъ Римѣ“.

14 сентября.

Дарданельскихъ дѣлъ мастера.

I.

„Константинополь и проливы"...

Неужели и теперь, черезъ полгода послѣ начала революціи, есть еще въ какой-нибудь захолустной россійской дырѣ наивная душа, продолжающая этимъ окаменѣлымъ милюковско-дарданельскимъ пирогомъ питаться и по сей день? Кто онъ, тотъ гончаровскій герой изъ обломовской дворни, который въ пятницу неустрашимо съ трескомъ сокрушалъ засохшій воскресный пирогъ, „наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это—господскій пирогъ, нежели самимъ пирогомъ"?

Кто онъ? Да, конечно, все онъ же, Павелъ Милюковъ, онъ же пекарь, онъ же и потребитель; самъ мѣсилъ тѣсто въ „Рѣчи" и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, самъ и поѣдаетъ засохшіе остатки въ жалобной статьѣ „Вѣстника Европы". Хочетъ подбодриться, говоритъ „о своихъ многочисленныхъ единомышленникахъ", и тутъ же горько плачется на обиды, нанесенныя ему „теченіями, присвоившими себѣ право говорить отъ имени русской демократіи". Черезъ силу продолжаетъ ѣсть свой пирогъ; но, видимо, болѣе наслаждается сознаніемъ, что это подлинный имперіалистскій пирогъ, нежели самимъ пирогомъ, уже превратившимся въ любопытную окаменѣлость.

Русская жизнь, русская революція давно уже столкнули эту окаменѣлость со своего пути; и если о ней еще стоитъ сказать теперь нѣсколько словъ „по поводу", то лишь для

для того, чтобы лишній разъ напомнить демократіи, *съ кѣмъ* наивные люди предлагаютъ ей „коалицію"... Дарданельскіе кадеты — упорны и настойчивы: коль выгонятъ въ окно — сейчасъ влетятъ въ другое; дайте имъ и ихъ „многочисленнымъ единомышленникамъ" усѣсться на краешекъ стула хоть въ министерствѣ общественнаго призрѣнія—сейчасъ же протянутъ руку къ дарданельскому пирогу...

Скажемъ же объ этомъ пирогѣ въ послѣдній разъ, послушаемъ напослѣдокъ самые убѣдительные доводы лидера дарданельскихъ кадетовъ, постараемся войти въ его психологію, въ психологію откровенно признаваемаго имъ „національнаго эгоизма". Съ однимъ только условіемъ: не будемъ забывать, что „національнымъ эгоизмомъ" обладаютъ въ равной мѣрѣ дарданельскіе кадеты всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. А „Дарданелы" эти въ разныхъ мѣстахъ называются по разному: здѣсь это—„Бельгія", тамъ - „лѣвый берегъ Рейна", тутъ — „Польша", „Литва" и „Курляндія", тамъ—„Африканскія колоніи". Una nomine varia appellatur.

II.

„Государственный ростъ есть жизненный, а не гнилостный процессъ"—вотъ первое положеніе дарданельской мудрости. А разъ это такъ, то осуждать этотъ процессъ—„анти исторично". Многовѣковый процессъ привелъ Россію къ Черному морю и поставилъ на очередь (еще съ эпохи Екатерины II) вопросъ объ овладѣніи ключами къ этому морю. Поэтому „пріобрѣтеніе проливовъ есть не чужой, а *нашъ* жизненный интересъ, это есть цѣль, поставленная нашимъ національнымъ эгоизмомъ".

Пусть такъ. Но тогда настолько же вѣрно, что историческій процессъ государственнаго роста привелъ германцевъ къ „Drang nach Osten", къ Малой Азіи, и что недопущеніе захвата кѣмъ бы то ни было проливовъ есть ихъ жизненный интересъ, есть цѣль, поставленная ихъ національнымъ эгоизмомъ.

А когда два національныхъ эгоизма сталкиваются—одинъ долженъ перегрызть другому горло, не такъ-ли? Отсюда

вполнѣ логичный выводъ: „война до полной побѣды“. Отчего же на этомъ выводѣ сломалъ себѣ шею дарданельскій министръ иностранныхъ дѣлъ 20 апрѣля 1917 года? Да оттого, что перегрызть другъ другу горло приходится не отвлеченнымъ „національнымъ эгоизмамъ“, а милліонамъ живыхъ людей, цѣлымъ народамъ, и что именно здѣсь *національные и народные* интересы расходятся безповоротно. Если справедливо старинное положеніе, что часто „національное богатство есть народная нищета“, то въ этомъ случаѣ, поистинѣ, спорное національное благо есть подлинное народное бѣдствіе.

Но впервые только теперь, къ XX вѣку, народы стали понимать, что народное бѣдствіе есть тѣмъ самымъ бѣдствіе и національное, ибо только къ XX вѣку демократія начала становиться національной силой. Когда она ею крѣпко „станетъ“—навсегда сдѣлаются невозможными звѣрскія схватки національныхъ эгоизмовъ. Но это навсегда же и безповоротно останется непонятнымъ для дарданельской психологіи.

Географія и ариѳметика призываются ею на помощь. „Знаете ли вы, — съ ужасомъ вопрошаютъ народолюбивые дарданельцы,—что Турція всегда можетъ закрыть проливы для вывоза хлѣба и тѣмъ самымъ больно ударитъ по русскому хлѣборобу“? Знаете ли вы, — съ паѳосомъ сообщаетъ Павелъ Милюковъ, — что Россія уже до войны „испытала невыгоды закрытія проливовъ съ особой отчетливостью: стоило Портѣ въ 1912 году закрыть временно проливы по случаю войны съ Италіей, какъ...“ какъ русскіе, турки, греки и „всѣ другіе“ потерпѣли убытковъ — страшно сказать!—на одиннадцать милліоновъ.

Вопрошающій хорошо знаетъ, конечно, что до 1912 года проливы были открыты цѣлыхъ *тридцать пять лѣтъ* со времени послѣдней турецкой войны; онъ хорошо знаетъ, конечно, что *одинъ день* нынѣшней трехлѣтней войны обходится, одной Россіи свыше пятидесяти милліоновъ. Конечно, онъ это хорошо знаетъ,—но твердо помнитъ мудрое правило: не все говори, что знаешь.

III.

„Говорятъ, что пріобрѣтеніе проливовъ противорѣчитъ освободительнымъ цѣлямъ войны“, — сообщаетъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ и возмущается: какой вздоръ! Вѣдь освободительныя цѣли войны „преслѣдуютъ наши союзники“, и они же, по договорамъ, согласились на пріобрѣтеніе проливовъ Россіей. Ясно, значитъ, что ни малѣйшаго противорѣчія между цѣлями и дѣйствіями нѣтъ...

Это не анекдотъ, а подлинное доказательство Павла Милюкова!

Но злостные оппоненты не унимаются: „Ну, что же, — говорятъ они, — это лишь доказываетъ, что союзныя правительства лицемѣрятъ, что въ дѣйствительности они, какъ и наше правительство, преслѣдуютъ цѣли имперіалистскія, а вовсе не освободительныя“. Знаете, какъ отвѣчаетъ на это бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ? Кратко и ясно: „было бы безполезно отвѣчать на это, что, дѣйствительно, цѣли, преслѣдуемыя войною, въ самомъ дѣлѣ имѣютъ освободительный характеръ“...

Ну развѣ-же не прелестно?

И еще прелестнѣе вотъ что: съ изумленіемъ и огорченіемъ констатируетъ нашъ дарданельскихъ дѣлъ мастеръ, что и въ Россіи, и въ Англіи, и во Франціи ему „не разъ приходилось слышать“, что-де „пріобрѣтеніе проливовъ (Россіей) противорѣчитъ интересамъ Турціи...“ Какой невѣжественный взглядъ на вещи! „Я лично думаю, что потеря европейскихъ владѣній не противорѣчитъ правильно понятымъ интересамъ Турціи“,—заявляетъ отъ себя эксъ-министръ. Взглядъ здоровый и правильный. „Пробѣгаешься по холодку—тебѣ же полезнѣй будетъ“,—резонно замѣтилъ однажды, снимая шубу съ прохожаго, сихъ дѣлъ мастеръ. Мудрый политикъ, онъ хорошо зналъ, что потеря шубы не противорѣчитъ правильно понятымъ интересамъ ближняго.

Точно также правильно понятые интересы Германіи не противорѣчатъ полному закрытію ея путей на востокъ: этимъ она будетъ только возвращена „въ рамки современ-

наго мірового коммерческаго товарообмѣна, т. е. въ тѣ самыя рамки, въ которыхъ ей жилось вовсе недурно до этой войны". (Ахъ, я увѣренъ, что въ эту же самую минуту въ Германіи какой-нибудь искусный дарданельскихъ дѣлъ мастеръ строитъ буквально такое же самое умозаключеніе относительно Россіи!). „Правда,—продолжаетъ Павелъ Милюковъ,—наши союзники хотятъ итти дальше и отнять у Германіи колоніи..." Какъ! А святыя освободительныя цѣли войны! Развѣ за нихъ не заступится сейчасъ же нашъ бывшій министръ? Нѣтъ, онъ резонно и солидно умозаключаетъ: разъ союзники въ освободительныхъ цѣляхъ, хотятъ отнять у Германіи колоніи, то „тѣмъ легче они согласятся, что пріобрѣтеніе Россіей проливовъ... еще не есть лишеніе Германіи всѣхъ средствъ существованія".

Если все это не перлы для „Сатирикона", то что же это такое, я васъ спрашиваю!..

IV.

Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ—въ роли партійнаго кадетскаго юмориста: неужели же это можетъ привлечь „многочисленныхъ единомышленниковъ"? Сердецъ демократіи это ему, во всякомъ случаѣ, не привлечетъ. И еще менѣе привлечетъ ихъ та постыдная бушменская мораль, съ которою дарданельскій министръ подходитъ къ своимъ и чужимъ странамъ, къ своимъ и чужимъ демократіямъ.

Теперь и именно теперь,—убѣждаетъ онъ,—надо захватить Босфоръ, надо захватить Константинополь; шагъ этотъ нынѣ особенно благопріятенъ „по тому крайнему предѣлу разложенія и слабости, котораго именно въ данное время достигла Оттоманская имперія, наглядно показавшая всей Европѣ, послѣ неудачной революціи 1908 года, свою неспособность стать государствомъ въ современномъ смыслѣ..." О, конечно, современная „буржуазная" политика чужда сентиментализма, но зачѣмъ же такъ откровенно вскрывать ея волчье обличіе? И остроумно ли это для лидера кадетовъ въ тотъ самый моментъ, когда газета „Рѣчь", подъ руководствомъ того же Павла Милюкова, изо дня въ день

злобно твердитъ о томъ крайнемъ предѣлѣ разложенія и слабости, котораго именно въ данное время достигла Россія послѣ „неудачной революціи“ 1917 года? Если Турція слаба, то рви ее на куски, дѣли ее на части... Неужели же кадетскій лидеръ хоть на минуту думаетъ, что эта готтентотская политическая мораль прибавитъ ему единомышленниковъ среди подлинной демократіи нашихъ дней?

Константинополь необходимо отнять у турокъ,—продолжаетъ убѣждать читателей дарданельскій министръ. Во-первыхъ, это въ интересахъ самой Турціи („тебѣ же полезнѣй будетъ!“). Во-вторыхъ, какой же онъ турецкій городъ? Въ немъ, правда, турокъ полъ-милліона, но зато двѣсти тысячъ грековъ, двѣсти тысячъ армянъ, двѣсти тысячъ иностранцевъ: не Константинополь, а Космополисъ! А если такъ, то „вопросы національные, когда дѣло идетъ о Космополисѣ... не существуютъ! Занимая Константинополь, мы не нарушаемъ ни одного національнаго интереса!..“

Убѣдительно и откровенно. Къ тому же—это слово въ слово то самое, что говорятъ германскіе имперіалисты объ Одессѣ, на которую они облизываются столь же аппетитно, сколь и нашъ россійскій имперіалистъ на Константинополь... Да что Одесса! Съ этой же точки зрѣнія дарданельскій министръ давно уже со вкусомъ проповѣдуетъ полный раздѣлъ Австріи... а въ Австріи и Германіи говорятъ о Россіи, какъ о конгломератѣ національностей. У имперіалистовъ всѣхъ странъ одинаково волчьи повадки.

V.

Еще одно и послѣднее доказательство необходимости отнять у турокъ... то бишь, освободить турокъ отъ Константинополя (я все забываю, что война эта—освободительная). Почему иногда полезно освободить ближняго своего отъ шубы,—мы это уже слышали: тамъ были доводы политическіе, историческіе, экономическіе, географическіе, юмористическіе. Не было только одного—довода морально-эстетическаго. Пробѣлъ этотъ блестяще восполняется, однако, слѣ-

дующимъ разсужденіемъ—привожу его во всей неприкосновенной прелести:

„Когда мы освободимъ турокъ отъ Константинополя,—это послужитъ всему городу на великую пользу. Исчезнутъ шпіоны и рабы, бюрократы и концессіонеры, иностранные послы и германскіе банки. „Но не исчезнутъ служившіе пріѣзжимъ развлеченія Перы, не исчезнутъ отели для англичанъ и американцевъ, потому что не исчезнетъ историческая красота города, не исчезнетъ декорація Стамбула. Къ радости археологовъ возстанетъ изъ забвенія, изъ мусора вѣковъ, древній византійскій городъ, съ его церквами и дворцами. И потокъ туристовъ, быть можетъ, даже усилится. Движеніе исторіи остановится для Второго Рима, его счастливые обитатели не будутъ болѣе нервно слѣдить за міровыми событіями, не будутъ принимать участія въ грядущихъ міровыхъ переворотахъ... Воздухъ Константинополя будетъ только оздоровленъ“.

О, счастливая, грядущая Аркадія! Ну, какъ же послѣ этого не присоединиться для блага самихъ турокъ, для блага Константинополя, для блага всего міра—къ военному кличу имперіализма: война до полной побѣды—и до освобожденія нами Константинополя отъ турокъ, то, бишь, турокъ отъ Константинополя!

И лишь злобные, злонамѣренные, упорные „демократы“ останутся нетронутыми этими лирикополитическими изліяніями и лишній разъ увидятъ, почему демократіи не по дорогѣ съ дарданельскихъ дѣлъ мастерами, почему дѣло о *коалиціи* съ ними есть несомнѣнная измѣна дѣлу *революціи*.

Въ наши бурные дни и этотъ азбучный выводъ кое-кому изъ наивныхъ людей повторить, помнить и затвердить очень и очень не мѣшаетъ.

17 сентября.

Съ Антихристомъ за Христа.

I.

Двѣ стихійныя бури, одна за другой (и одна изъ-за другой) потрясли русскую народную душу на короткой полосѣ трехъ лѣтъ міровой исторіи: война и революція. И твердо знаемъ мы, что вошли безвозвратно въ „грозовой переходъ“, въ царство „грозы и бури“, что отъ міровой войны этотъ путь ведетъ къ міровой революціи, что раньше или позже она потрясетъ всѣ, захваченные войною, народы.

Когда первая стихійная буря, буря войны потрясла Россію въ 1914 году—народъ „отъ земли“ выдержалъ это тяжкое испытаніе огнемъ войны; безъ злобы и безъ ненависти къ „врагу“ пошелъ онъ, куда повели его убивать и умирать. Но не выдержали этого испытанія почти всѣ „на горѣ стоящіе“, почти всѣ писатели, художники, ученые, вся эта „соль земли“, сразу переставшая быть соленою. А для чего служитъ такая несоленая соль—объ этомъ еще въ Евангеліи сурово сказано: „ни въ землю, ни въ гной потребна есть—вонъ изсыплютъ ю, да попираема будетъ человѣки“...

Писатели и художники, тогда духовно павшіе въ болото, теперь виновато оправдываются порою: они не могли не отвѣтить на голосъ стихійной бури войны, не могли не отвѣтить „народу“ на его „порывъ“. Какъ же, помилуйте:

Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ.
Когда возмущена стихія.

Вотъ они и „возмутились“ и стали съ самаго же начала въ прозѣ и стихахъ, въ картинахъ и статьяхъ служить духу войны и верховному его повелителю, духу націонализма, которому никогда не служилъ народъ, всюду обманутый и обманываемый. Они полными пригоршнями сѣяли злобу и вражду между народами, забывъ слова той же міровой книги: „имѣйте соль въ себѣ и миръ имѣйте между собою“. А многіе ли изъ нихъ взывали тогда къ миру всего міра?

Нѣтъ, не многіе: одинъ, два, три—и обчелся. Да и эти двое-трое не взывали, а шептали, не шли до конца, а робко плелись въ хвостѣ; другіе—замолчали, точно молчаніемъ можно исповѣдывать свою вѣру! Но эти хоть молчаніемъ своимъ не предавали высшихъ человѣческихъ цѣнностей. А остальные—всѣ провалились въ болотныя низины, всѣ были развѣяны смерчемъ войны. Испытанія огнемъ ея—они не выдержали.

Можно было бы назвать крупныхъ художниковъ слова, безславно опустившихся до общаго уровня толпы въ эти тяжелые дни испытанія:

> Храбрыхъ россійскихъ героевъ
> я всѣхъ поименно исчислю!

Трудъ этотъ былъ бы, однако, слишкомъ обширенъ: этими храбрыми героями оказалась сразу полна вся литература, этихъ россійскихъ героевъ можно было встрѣтить на каждомъ литературномъ перекресткѣ. А вотъ „поименно исчислить“ писателей, пошедшихъ въ тѣ дни противъ теченія—легче легкаго.

Но какъ трудно итти было нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ сбивались съ пути они, какъ невольно поддакивали они толпѣ, даже расходясь съ нею въ разныя стороны, какъ боялись договорить до конца свои мысли, какъ часто, охотою и неволею, садились они между двумя стульями!

Вотъ и наглядный примѣръ, на немъ надо остановиться: книга Д. Мережковскаго „Отъ войны къ революціи“ („Дневникъ 1914—1917 г.г.“), книга писателя, не поклонившагося звѣриному лику войны, духу націонализма, несумѣвшаго въ то же время отвернуться отъ этого лика и безпомощно

пошедшаго за толпой какъ разъ съ того мѣста, гдѣ, казалось бы, онъ долженъ былъ рѣзко разойтись съ ней въ разныя стороны.

II.

Д. Мережковскій и въ этой своей книгѣ остался все тѣмъ же Д. Мережковскимъ: новаго мы не получимъ ничего изъ этого его „дневника“ дней войны. Иной разъ кажется даже, что читаешь старую-престарую его книгу, написанную лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

„Отецъ—въ Первомъ Завѣтѣ, Сынъ,—во Второмъ; не въ послѣднемъ ли, Третьемъ — Духъ? Явленіе Духа — Святая Плоть, Святая Земля, Вѣчное Материнство, Вѣчная Женственность“ — и такъ далѣе, и такъ далѣе. Нельзя не засмѣяться—такъ все это отъ слова до слова похоже на старое, начиная отъ соединенія двухъ завѣтовъ въ третьемъ и кончая изобильными прописными буквами. Чѣмъ былъ, тѣмъ и остался!

Стоитъ ли говорить послѣ этого, что остался онъ вѣренъ и прежнему духу произвольнаго толкованія цитатъ и часто слабой освѣдомленности въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ твердо судитъ, и вѣчнаго тяготѣнія къ схематическимъ противопоставленіямъ. Все прежнее! Смѣло говоритъ онъ, напримѣръ, о славянофилахъ, какъ „ученикахъ нѣмца Гегеля“, хотя кто же не знаетъ съ давнихъ поръ, что были они, за малыми исключеніями, послѣдователями не Гегеля‘ а Шеллинга. Другой примѣръ: Мицкевичъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ о славянахъ говоритъ о духовномъ родствѣ славянъ и французовъ; Д. Мережковскій немедленно же, замѣняетъ послѣднихъ „англо-романскимъ племенемъ“ (что это за „племя“ такое?) и далѣе всюду орудуетъ уже противопоставленіемъ германцевъ союзу славянъ съ англо-романцами. Такъ именно раздѣлилась Европа въ 1914 г. — и такъ помогъ Д. Мережковскій обновить и подправить пророчество Мицкевича: „это и значитъ — племена славянское и англо-романское соединяются для борьбы съ германскимъ племенемъ“ (статья „Распятый народъ“).

А какъ же Турція? И ее надо притянуть за волосы къ германскому міру: для этого надо написать статью „Два Ислама“, въ которой и провести довольно неглубокую параллель между воинственными притязаніями пангерманцевъ и воинственнымъ духомъ Ислама. А отсюда ясно: если христіанство возродится въ насъ, то двойной Исламъ Германіи и Турціи будетъ побѣжденъ... И не замѣчаетъ писатель, какъ онъ проваливается здѣсь въ яму того самаго націонализма, съ которымъ борется на другихъ страницахъ книги.

Примѣры можно было бы и удесятерить. Но не въ нихъ дѣло, а въ одномъ, общемъ, основномъ вопросѣ борьбы съ націонализмомъ и пораженія писателя въ этой борьбѣ. Съ націонализмомъ Д. Мережковскій борется на религіозной почвѣ и проваливается въ него на почвѣ политической.

Настоящая міровая война есть для него казнь за „религіозный націонализмъ“ съ его крайнимъ выводомъ—„народобожествомъ“. Славянофильскій религіозный націонализмъ въ этой войнѣ окончательно вырождается въ зоологическій патріотизмъ. „Вотъ почему исконная задача русской общественности—борьба съ націонализмомъ—сейчасъ труднѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ когда-либо“.

Ибо религіозный націонализмъ можно побѣдить лишь религіозной идеей „абсолютнаго человѣчества“, а эта идея—вся безъ остатка воплощена въ Христѣ. „И если Христа не было, то не будетъ конца абсолютному націонализму, абсолютной войнѣ, и міръ погибъ, и мы уже видимъ начало этой гибели. Но Христосъ былъ—и міръ спасенъ, и мы уже видимъ, или скоро увидимъ, начало спасенія“...

Такова вѣра человѣка—а всякая искренняя вѣра заслуживаетъ уваженія. Но при одномъ условіи: если она не подчиняется низшимъ цѣнностямъ, не служитъ, какъ рабыня, худшимъ сторонамъ человѣческаго духа. Но какова же цѣна этой вѣрѣ, если отъ борьбы съ „зоологическимъ патріотизмомъ“ человѣкъ приходитъ, совершивъ кругъ, къ той же ямѣ, если отъ Христа онъ приходитъ къ войнѣ „до побѣднаго конца“?

III.

Именно таковъ послѣдній путь Д. Мережковскаго. Въ разгарѣ борьбы своей съ „національмомъ звѣринаго образа“ онъ какъ будто самъ испугался возможныхъ выводовъ изъ борьбы; боролся со звѣремъ — и охромѣлъ, и заковылялъ вслѣдъ за толпой совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ итти.

Онъ ясно видѣлъ „порабощающій“ исходъ войны для Россіи. Этотъ исходъ — „побѣда звѣрскаго національма и милитаризма, которая страшнѣе всѣхъ пораженій“. Онъ зналъ, что „почти вся льющаяся кровь — вода на эту мельницу“. А если такъ, — спрашиваетъ онъ себя, — то „желать ли побѣды? Внутренній врагъ не злѣе ли внѣшняго?“ И сейчасъ же пугается: „нельзя не желать побѣды! И если нельзя побѣдить, не соединившись съ внутреннимъ врагомъ, то надо съ нимъ соединиться“... А соединяясь — лишь памятовать, съ кѣмъ ты соединяешься: съ національмомъ звѣринаго образа...

Д. Мережковскій—христіанинъ. Гдѣ и когда Христосъ училъ побѣждать во имя Его—въ союзѣ съ Дьяволомъ?

Но разъ соединившись съ дорогимъ союзникомъ, не трудно уже пойти по общей дорожкѣ какъ разъ во вражескій станъ, къ тому самому „звѣриному образу“, въ борьбѣ съ которымъ побѣжденъ Д. Мережковскій.

Сперва это маленькія уступочки, оговорочки, извиненія передъ царящимъ мѣщаниномъ. Говоря о германцахъ, о „душѣ великаго христіанскаго народа“, Д. Мережковскій вдругъ спохватывается: „да, все-таки великаго, все-таки христіанскаго“. *Все-таки*—робкая, первая, маленькая уступка властителю общественнаго мнѣнія. Но — лиха бѣда начало.

Еще нѣсколько дней, еще нѣсколько страницъ—и Д. Мережковскій идетъ дальше. Онъ смѣло и храбро признаетъ, что „нѣмцы — не звѣри, а такіе же люди, какъ мы“. Эта крайне новая и оригинальная мысль кажется, однако, ему столь смѣлой, что онъ тутъ же спѣшитъ заявить про нѣмцевъ: „не они звѣри, а въ нихъ звѣрь. И едва ли кто-нибудь улыбнется сейчасъ, какъ улыбался недавно, если мы назовемъ этого звѣря Антихристомъ“...

Такъ падаетъ Д. Мережковскій въ яму самаго крайняго, подлинно „звѣринаго“ націонализма. И когда онъ тутъ же рядомъ негодуетъ на какого-то „писателя“, заявляющаго, что вся Германія — „точно насосавшійся клопъ“, что „весь народъ ея озвѣрѣлъ, оскотинѣлъ“, то мы, положа руку на сердце, не можемъ не сказать, что Д. Мережковскій шагнулъ по тому же пути много дальше этого „писателя“, которому самъ Богъ проститъ. Ибо что лучше: обвинить ли весь народъ въ озвѣрѣніи, или сказать, для христіанина, что весь народъ — носитель духа Антихриста? И тутъ же, соревнуя лаврамъ „писателя“, Д. Мережковскій говоритъ о германскомъ народѣ: „сумасшедшій, бѣсноватый народъ или, вѣрнѣе, нечистый оборотень, лживый призракъ, двойникъ народа—вотъ съ чѣмъ борется человѣчество“.

А если такъ, если въ Германію вселился Антихристъ, то ясно: „кто скажетъ „миръ“, не побѣдивши—измѣнникъ не только своему народу, но и всему человѣчеству...“ И смѣло, отъ лица матери, потерявшей сына, отъ лица художника, чье созданіе разрушено, отъ лица пахаря, чья нива выжжена, смѣло заявляетъ Д. Мережковскій: „вотъ и они говорятъ: не надо мира, война до конца!“ Настолько смѣло, что смѣлость граничитъ здѣсь съ преступленіемъ.

И послѣдній итогъ этой книги, послѣдній выводъ изъ борьбы, поднятой во имя Христа съ „звѣринымъ націонализмомъ“, таковъ: „не будетъ мира, пока не побѣдимъ!“

Такъ за три года войны свершилъ Д. Мережковскій свой печальный путь отъ Христа къ войнѣ „до побѣднаго конца“.

Такъ пришелъ онъ, борясь съ религіознымъ націонализмомъ, къ худшему его виду—къ признанію цѣлаго народа носителемъ духа Антихриста. А можетъ ли быть что-либо болѣе антихристіанское, чѣмъ такое признаніе?

Такъ въ союзѣ съ Антихристомъ борется Д. Мережковскій противъ Антихриста...

IV.

Испытанія огнемъ войны не выдержалъ Д. Мережковскій, какъ ни боролся онъ сперва съ духомъ націонализма. „Отъ

войны къ революціи" продѣлалъ онъ этотъ путь отъ горныхъ вершинъ къ болотнымъ низинамъ—тѣмъ самымъ болотнымъ низинамъ, съ которыми такъ боролся. А теперь, подойдя къ революціи, выдержитъ-ли онъ ея, неизмѣримо труднѣйшее, испытаніе въ грозѣ и бурѣ?

Испытаніе въ грозѣ и бурѣ революціи оказалось тоже непосильнымъ почти для всѣхъ русскихъ писателей, художниковъ, поэтовъ. Какъ въ войнѣ, такъ и въ революціи почти всѣ они духовно завязли въ болотныхъ низинахъ, озлобились, чуть-ли не „озвѣрѣли". Свою ненависть они перенесли съ Германіи на революцію, на „революціонную демократію", и нѣтъ тѣхъ злобныхъ словъ, какихъ бы они не прилагали къ революціи, къ демократіи. И опять—исключеній такъ мало, такъ мало!

Но объ этомъ рѣчь особая. Здѣсь—только о Д. Мережковскомъ. И, говоря о немъ, можно безъ ошибки предсказать весь его путь по этой дорогѣ, хотя онъ до сихъ поръ еще не высказался, не высказывается. Молчалъ о войнѣ, потомъ заговорилъ—и отъ борьбы съ религіознымъ національизмомъ пришелъ къ худшему его виду. Молчитъ о революціи, потомъ заговоритъ—и отъ борьбы за духъ революціи (въ статьѣ „14 марта") придетъ къ ярому его отрицанію.

Если ошибусь я въ этомъ предсказаніи,—тѣмъ лучше и для литературы, и для г. Д. Мережковскаго; но врядъ ли ошибусь, ибо уже въ книгѣ его вижу, чего *ждалъ* онъ отъ революціи и какъ онъ ошибся.

Онъ думалъ, до революціи, что Россія—едина, что раздѣленіе есть только между общественнымъ „мы" и бюрократическимъ „они", что стоитъ лишь „намъ" смести „ихъ", какъ сразу „единая Россія" всей тяжестью обрушится на „врага"—и побѣдитъ. „Что Россія будетъ единою, и тогда побѣдитъ,—если въ этомъ кто-либо изъ „нихъ" сомнѣвается, то изъ „насъ" никто. Единая Россія куется молотомъ войны. Единство будетъ скоро, но единства нѣтъ сейчасъ"...

И вотъ—пришла революція и показала (для тѣхъ, кто этого не зналъ раньше), что единства нѣтъ и среди „насъ", что духъ націонализма и „насъ" раздѣлилъ на два несоединимыхъ лагеря, что былыя надежды Мережковскихъ (ихъ

было много)—наивны и несбыточны, что совсѣмъ инымъ путемъ идетъ и пойдетъ русская революція, что инымъ путемъ пойдетъ и революція міровая.

Крушеніе всѣхъ былыхъ надеждъ—вотъ чѣмъ должна быть для Д. Мережковскаго и для многихъ русская революція. И отсюда—ненависть къ ней, къ ея духу непримиреннаго исканія, къ ея безпощадной, а не половинчатой, борьбѣ со звѣринымъ національизмомъ *до конца.*

Революція принесла „не миръ, но мечъ", и это труднѣе всего перенести какъ разъ тѣмъ, кто въ войнѣ взывалъ именно не къ миру, а къ мечу. Отъ Христа къ войнѣ до побѣднаго конца—этотъ путь Д. Мережковскій продѣлалъ: обратный путь—до побѣднаго конца революціи—врядъ ли будетъ ему по силамъ.

Ибо для этого человѣку нужно то жаркое, пусть скрытое, духовное горѣніе, которое всегда было враждебно холодной стихіи Д. Мережковскаго. И книга его—„Отъ войны къ революціи"—лишній разъ это подтверждаетъ. Испытанія огнемъ войны онъ не выдержалъ; не ему выдержать и испытаніе въ грозѣ и бурѣ революціи.

15 октября

Поэты и революція.

I.

Отчего это такъ случилось: въ дни революціи стали громко звучать только голоса *народныхъ* поэтовъ? И притомъ „народныхъ“ въ смыслѣ не только широкомъ, но и узкомъ: Клюевъ, Есенинъ, Орѣшинъ — поэты народные не только по духу, но и по происхожденію, недавно пришедшіе въ городъ съ трехъ разныхъ сторонъ крестьянской великой Россіи, съ поморья, съ поволжья и „съ рязанскихъ полей коловратовыхъ“. Такъ вотъ: почему, спрашиваю я, только ихъ голосъ громко прозвучалъ въ „грохотѣ громовъ“ великой революціи, которую такъ усердно стараются сдѣлать малой всѣ мѣщане отъ обывательщины и отъ соціализма?

Клюевъ—первый народный поэтъ нашъ, первый, открывающій намъ подлинныя глубины духа народнаго. До него, за три четверти вѣка, Кольцовъ вскрылъ лишь одну черту этой глубинности, открылъ передъ нами народную поэзію земледѣльческаго быта. Никитинъ, болѣе блѣдный, Суриковъ, Дрожжинъ, совсѣмъ уже поэтически безпомощные — вотъ и всѣ наши народные поэты. Клюевъ среди нихъ и послѣ нихъ — подлинно *первый* народный поэтъ; въ болѣе слабыхъ первыхъ своихъ сборникахъ и во все болѣе и болѣе сильныхъ послѣднихъ — онъ вскрываетъ передъ нами не только удивительную глубинную поэзію крестьянскаго обихода (напримѣръ, въ „Избяныхъ пѣсняхъ“), но и тайную мистику внутреннихъ народныхъ переживаній („Братскія пѣсни“, „Мірскія думы“, „Новый псаломъ“). И если не онъ,

то кто-же могъ откликнуться изъ глубины народа на грохотъ громовъ и войны, и революціи?

На войну онъ откликнулся почти никѣмъ непонятымъ „Бесѣднымъ наигрышемъ“, въ которомъ такъ удивительно вскрылъ стародавнюю народную правду объ исконной борьбѣ „земли“ съ „желѣзомъ“. Рядъ не менѣе глубокихъ стихотвореній на ту же тему въ „Мірскихъ думахъ“ (а также и въ кругѣ стиховъ „Земля и желѣзо“ въ первомъ сборникѣ „Скиѳы“) — были единственнымъ подлиннымъ дуновеніемъ поэзіи среди безчисленныхъ виршей о войнѣ, надуманно вымученныхъ даже знаменитѣйшими нашими поэтами, за исключеніемъ двухъ-трехъ.

И на революцію отозвался онъ хоть немногими, но глубокими и подлинными строками. „Пѣснь Солнценосца“ по глубинѣ захвата далеко превосходитъ все написанное до сихъ поръ о русской революціи. Ибо революція для Клюева, народно-глубиннаго поэта—не внѣшнее только явленіе; онъ переживаетъ ее изнутри, какъ поэтъ народный; за революціей политической, за революціей соціальной онъ предчувствуетъ и предвидитъ революцію духовную. И, стремясь къ послѣднимъ достиженіямъ, онъ зоветъ „на бой“ за первыя приближенія.

Есенинъ—много моложе Клюева, пути его еще впереди; но почти все, сказанное здѣсь о поэзіи революціи, можно повторить и о немъ, о его поэтическомъ творчествѣ. На войну онъ отозвался „Марѳой Посадницей“ — первой революціонной поэмой о внутренней силѣ народной, написанной еще въ тѣ дни (сентябрь 1914 года) когда почти всѣ наши большіе поэты—исключеній мало! — восторженно воспѣвали внѣшнюю силу государственную... И цѣлый кругъ поэмъ („Товарищъ“, „Пѣвущій зовъ“, „Отчарь“) явились въ дни революціи единственнымъ подлиннымъ проявленіемъ народнаго духа въ поэзіи—ибо и этотъ поэтъ чувствуетъ и принимаетъ революцію изнутри, а не извнѣ. Пути его, повторяю, еще впереди; но и въ дни революціи стоялъ онъ впереди другихъ, болѣе знаменитыхъ, но имѣвшихъ меньше права на поэтическое слово. Ибо право это—не берется талантомъ, а дается подлиннымъ внутреннимъ чувствомъ поэта.

Орѣшинъ — давно уже пробовалъ свои силы (въ „Завѣтахъ“ 1913 года), но только съ революціей силы эти окрѣпли; онъ написалъ длинный рядъ „революціонныхъ“ стихотвореній (напечатаны въ петербургскихъ „эсъ-эровскихъ“ газетахъ). И онъ подлинный народный поэтъ, но, сравнительно съ предыдущими — безмѣрно менѣе сложный по формамъ поэтическаго творчества. Клюевъ не только „народный поэтъ“, но и безсознательный, утонченнѣйшій техникъ; Есенинъ въ позднѣйшихъ своихъ вещахъ идетъ по этому же пути обогащенія формы. Форма же эта всегда является отраженіемъ и проявленіемъ сущности духа. Клюевъ — поморье, Орѣшинъ — поволжье, съ его бурнымъ революціоннымъ вихремъ, не проникающимъ однако вглубь явленія. Если у Клюева революція духовная, соціальная, политическая сплетены въ одинъ космическій вихрь, если у Есенина глубоко и исконно переплетены въ вихрѣ революція духовная и политическая, то Орѣшинъ захваченъ лишь одной стороной этого вихря—революціей соціальной. Но въ этомъ кругѣ вихря — переживанія его искренни, переживанія его подлинны, и настолько же искренне и подлинно его поэтическое творчество. Вотъ почему о революціи имѣетъ право слагать свои простыя пѣсни онъ—и не имѣютъ этого права неизмѣримо болѣе знаменитые поэты, революціонныя стихосложенія которыхъ о „Землѣ и Волѣ“ читаешь порою съ тѣмъ же стыдомъ, съ какимъ раньше читалъ ихъ же воинственныя версификаціи.

Подлинность переживаній — вотъ то малое (и великое), что дало силу голосамъ народныхъ поэтовъ въ дни революціи. И знаменательно то, что почти всѣ „городскіе поэты“ такъ же постыдно провалились на революціи, какъ и на войнѣ. Кто, кромѣ народныхъ поэтовъ, сказалъ о войнѣ сильное слово, которое хоть немного запомнится? Не Бальмонтъ, не Брюсовъ, не Сологубъ, а развѣ только (въ поэмѣ „Война и Миръ“) единственный небездарный футуристъ, Маяковскій, ломовой извощикъ поэзіи. Еще два-три подлинныхъ большихъ поэта нашихъ — молчали: ихъ слова — впереди; быть можетъ еще не скоро, черезъ годы, подлинныя переживанія ихъ воплотятся въ звукъ и слово. Такъ о войнѣ;

такъ и о революціи. Кто о ней сказалъ въ поэзіи подлинное слово, кромѣ народныхъ поэтовъ?

И, повторяю—знаменательно, что лишь у нихъ оказалась подлинность поэтическихъ переживаній въ дни великой революціи. Ихъ устами *народъ* изъ глубины Россіи откликнулся на „грохотъ громовъ". Отчего же были въ эту минуту закрыты уста большихъ нашихъ городскихъ поэтовъ, а если и были открыты, то непереносно фальшивили. Не потому ли, что устами этими откликался не великій народъ, а мелкодушный мѣщанинъ, *Обыватель*?

II.

Мы издавна знаемъ: поэту—нѣтъ отзвука, онъ—гласъ вопіющаго въ пустынѣ, святая святыхъ его—смѣшно и никчемно для „толпы", и часто надъ нимъ „ругается слѣпой и буйный вѣкъ". Самъ же онъ, поэтъ, откликается „на всякій звукъ", онъ внемлетъ и „грохоту громовъ" войны и мирной „пѣснѣ дѣвы за холмомъ", онъ идетъ дорогою свободной, куда влечетъ его свободный умъ... Относится это, конечно, лишь къ „великому" поэту. Но вѣдь всякій подлинный поэтъ — всегда поэтъ великій, хотя бы въ узкой области своего дарованія.

Все это такъ, но надо договорить до конца и вторую половину „истины о поэтѣ": часто самые великіе изъ нихъ бываютъ не только въ жизни, но и въ своей поэзіи, малодушно погружены „въ заботахъ суетнаго свѣта"; часто поэтъ и въ жизни и въ поэзіи—ничтожнѣй всѣхъ „межъ дѣтей ничтожныхъ міра"; часто при „грохотѣ громовъ" онъ именно въ поэзіи первый „къ ногамъ народнаго кумира" клонитъ свою голову...

Пришла война—кто первый склонилъ голову къ ногамъ кумира войны? Пришла революція—кто первый передъ ней преклонился? Придетъ контръ-революція—кто первый „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ" побѣжитъ за ея дрожками, на которыхъ поѣдутъ Городничій и Хлестаковъ подъ охраною Держиморды? Все онъ же, подлинный поэтъ, великій въ

маломъ, малый въ великомъ. Великіе въ великомъ—не преклонятся, не пойдутъ; но много-ли ихъ?

Слишкомъ чутокъ поэтъ и не можетъ не откликаться „на каждый звукъ"; часто слишкомъ слабъ онъ, и сила стихіи его увлекаетъ; въ силѣ видитъ онъ красоту—и сила красоты его покоряетъ. Война, высшее проявленіе государственной силы, заставляетъ его слагать ей гимны; революція, высшее проявленіе силы народной, покоряетъ его своей власти. Многіе ли поэты и художники сумѣли не склонить своей головы передъ міровой войной нашихъ дней? Многіе-ли изъ нихъ устояли противъ вихря духовно чуждой имъ революціи?

Ибо надо признать откровенно: громадному большинству нашихъ поэтовъ стихія революціи чужда и враждебна. Демократія для нихъ—„толпа", исконный ихъ врагъ; бурный и тяжелый путь революціи слишкомъ труденъ для нихъ, слишкомъ непосиленъ; испытанія въ грозѣ и бурѣ революціи не могъ выдержать почти ни одинъ изъ нихъ. Я знаю, есть исключенія; но, еще разъ,—много ли ихъ?

Я знаю еще и другое: всѣ поэты считаютъ себя подлинными революціонерами духа; для нихъ всякая внѣшняя революція слишкомъ „мелка", слишкомъ матеріальна; они смотрятъ глубже, они видятъ дальше, они не удовлетворяются малымъ. Опять спрошу: многіе ли изъ поэтовъ *имѣютъ право* на такое оправданіе? Ибо для громаднаго большинства—доля правды здѣсь покрыта густымъ слоемъ либо самообмана, либо лицемѣрія.

Въ первые дни революціи всѣ поэты и художники стали вдругъ революціонерами. Тягостное это было зрѣлище и постыдное. Ибо слишкомъ хорошо чувствовалось, что лишь немногіе и немногіе изъ нихъ имѣли на это право. Перьевъ еще не иступили, которыми писали они дифирамбы войнѣ, еще голоса и восторженнаго выраженія лица не измѣнили, съ которыми славословили міровую бойню—и сразу запѣли гимны революціи, хвалу красному Интернаціоналу, славословіе народу...

А гдѣ же были они, когда этотъ же народъ преступно и безсмысленно обрекался на гибель въ теченіе трехъ лѣтъ?

Во всей Европѣ нашелся только одинъ, хотя и второстепенный, но подлинный художникъ слова, не пріявшій братскаго самоистребленія народовъ. Это былъ Ромэнъ Ролланъ, возросшій на русской закваскѣ толстовства. Прибавьте къ нему двухъ-трехъ англичанъ, нѣмцевъ и итальянцевъ—и итогъ будетъ почти полонъ. Два-три русскихъ поэта—подлинныхъ, большихъ поэта—хранили упорное молчаніе, тѣмъ болѣе краснорѣчивое, чѣмъ больше дифирамбовъ раздавалось вокругъ.

И они же хранятъ молчаніе и теперь, во время революціи; они чувствуютъ, они знаютъ, что если не могли они воспѣвать войну за сотни верстъ отъ окоповъ и смерти, то еще труднѣе, еще непереноснѣе—быть Тиртеями тыла революціи, славить или поносить революцію, будучи лишь безвольными зрителями ея. Ахъ, много слишкомъ много у насъ тыловыхъ Тиртеевъ и войны, и революціи; но отрадно знать, что хоть нѣсколько подлинныхъ художниковъ молчатъ въ эти минуты стаднаго и постыднаго „тыловаго" поэтическаго творчества!

И какъ разъ эти художники впослѣдствіи первые *будутъ имѣть право* говорить о войнѣ и о революціи. Ибо глубоко переживаютъ и собираютъ они въ своемъ молчаніи тѣ чувства, которыя тыловые поэты спѣшно расточаютъ въ легковѣсныхъ словахъ.

А всѣ остальные? Остальные—Тиртеи войны, „умѣренной" революціи и всего того, что пріемлетъ *Обыватель*, міровой мѣщанинъ. Это онъ говоритъ устами даже большихъ нашихъ поэтовъ, столь духовно малыхъ въ своемъ поэтическомъ величіи. И отрадно знать, что устами подлинныхъ народныхъ поэтовъ говоритъ глубинная сила земли, которой въ будущемъ вѣчная уготована побѣда.

Октябрь.

Раздѣленіе.

(Отрывокъ [1]).

I.

Безкровно родилась въ дни февральскихъ вьюгъ „великая русская революція“. Безкровно? А милліоны жизней, уготовившихъ ей крестный путь за безумные годы міровой войны, за столѣтіе жертвенной занародной борьбы? Правда. Но вѣдь и радостное рожденіе Сына Человѣческаго („Христосъ рождается—славите!“) подготовилось вѣками человѣческихъ мукъ.

Февральская русская революція родилась безбольно, при всенародномъ ликованіи и радости; родилась къ миру всего міра она, революція крестьянская, рабочая, народная, родилась подлинно въ пастушьихъ ясляхъ, родилась безкровно, безбольно, беззлобно—подлинно къ миру всего міра.

За корявыми словами, русской революціей всемірно провозглашенными: „миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ“—только душевно глухой могъ не разслышать словъ вдохновенныхъ, когда-то провозглашенныхъ міру: „на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволѣніе“... Это разслышали народные наши поэты, они разслышали „пѣвучій зовъ“ новаго благовѣстія—и воспѣли рожденную въ виѳлеемскихъ ясляхъ русскую революцію:

---

[1]) Изъ статьи „Двѣ Россіи“, полностью напечатанной во второмъ сборникѣ „Скиѳы“.

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорѣли
Синія метели,
И змѣя потеряла
Жало.

. . . .

Въ мужичьихъ ясляхъ
Родилось пламя
Къ миру всего міра!
Новый Назаретъ
Передъ вами.
Уже славятъ пастыри
Его утро.
Свѣтъ за горами...

II.

Вѣчная мечта міра о мирѣ воплотилась въ жизнь въ первые дни горѣнія русской революціи. Пусть слова были косныя, глиняныя, временныя, но за ними стояла мысль пламенная, мѣдная, вѣчная. Не та-ли же мысль металломъ гудѣла когда-то въ пророчествахъ Библіи?

„...Ибо будетъ въ послѣдніе дни явлена гора Господня и домъ Божій на верху горы, и возвысится превыше холмовъ, и придутъ къ ней всѣ народы. И пойдутъ народы многи и рекутъ: пріидите и взыдемъ на гору Господню... И раскуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы, и не возьметъ народъ на народъ меча, и не будетъ научаться воевать... И отдохнетъ каждый подъ лозою своею, каждый подъ смоковницею своею, и не будетъ устрашающаго... И изобличитъ Господь сильные народы даже до земли дальней... Пути его видѣлъ, и исцѣлилъ его, и утѣшилъ его, и далъ ему утѣшеніе истинное: миръ на миръ далече и близъ сущимъ“...

Съ огненными словами пророковъ, съ религіозной вѣрой ихъ въ Градъ Новый—перекликается черезъ два тысячелѣтія своеобразный голосъ философіи XVIII вѣка. Слова—переходящія, мысль—вѣчная; и когда Руссо, Сенъ-Пьеръ и Кантъ философски рѣшаютъ „проблему о вѣчномъ мирѣ“,

то сила все той же вѣчной мысли сквозитъ за ихъ слабыми словами. И когда Кантъ въ трактатѣ „Zum ewigen Frieden“ требуетъ созданія изъ всей Европы „федераціи свободныхъ республикъ“, когда всемірное гражданство онъ ограничиваетъ лишь „всеобщимъ гостепріимствомъ“, когда сухо перечисляетъ онъ „отрицательныя и положительныя условія вѣчнаго мира на землѣ“, то не та-же ли вѣчная мысль плѣняетъ все-же его душу?

Столѣтіемъ позднѣе та-же мысль вспыхиваетъ еще разъ въ человѣчествѣ, но на этотъ разъ уже не въ религіозномъ обликѣ, и не въ философскомъ, а въ соціальномъ. Когда „интернаціоналистическія бредни“ начинаютъ все больше и больше проростать въ міръ, когда безумная міровая война безжалостно давитъ эти ростки въ своемъ побѣдномъ злобномъ шествіи, когда, наконецъ, пламенемъ вспыхиваетъ русская революція и въ первые же побѣдные дни свои провозглашаетъ миръ всему міру—то лишь духовно глухой, повторяю, можетъ не разслышать за случайными, временными словами вѣчной, всемірной мысли.

На языкѣ соціальномъ—„да здравствуетъ Интернаціоналъ!“; на языкѣ философскомъ—„проблема вѣчнаго мира“; на языкѣ религіозномъ—„чаемъ Града Новаго“: въ пылающемъ клубкѣ первыхъ дней великой революціи сочетались всѣ смыслы, слились всѣ ожиданія. Разными словами всѣ душевно не извращенные міровой бойней люди, думали одно и то-же: „слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволѣніе“...

III.

Но въ мирныхъ мужичьихъ ясляхъ Христосъ родился не къ миру всего міра: нѣтъ мира тамъ, гдѣ есть тяжелый крестный путь. Самъ о себѣ сказалъ онъ: „не миръ пришелъ я принести, но мечъ“; не миръ, но раздѣленіе. И еще сказалъ: „тотъ, кто упадетъ на этотъ камень—разобьется, а на кого онъ упадетъ—того раздавитъ“. Такъ и съ русской революціей.

Да, не миръ, но мечъ; не миръ землѣ, но раздѣленіе. И мечъ этотъ многимъ „прошелъ душу“: въ концѣ крестнаго пути—стоитъ Голгоѳа. И крестный путь этотъ сталъ путемъ русской революціи: не къ нашимъ-ли днямъ примѣнимы вѣчныя слова о всеобщемъ раздѣленіи? „Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ хочу, чтобы онъ уже возгорѣлся!“ Часто уже возгорался онъ въ душахъ человѣческихъ—и поспѣшно тушился онъ водою болотной. И вотъ снова онъ возгорѣлся.

„Будутъ отнынѣ пятеро во единомъ дому раздѣлены, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ пойдетъ на отца, мать на дочь, и дочь на мать...“ И все, что сказано въ вѣчной книгѣ о крестномъ пути Христа—все отъ слова до слова повторить можно теперь о крестномъ пути Народа въ великіе и страшные дни русской революціи.

Пусть всѣ слова „благой вѣсти“—только Символъ; но символъ этотъ—поистинѣ вѣчный, безмѣрно реальнѣйшій многихъ скудныхъ дѣяній міра и жизни. Да, великую революцію, великій Народъ—книжники и фарисеи снова повели по извѣчному крестному пути.

И много Понтійскихъ Пилатовъ.
И много предателей Іудъ
Христа своего распинаютъ
Отчизну свою предаютъ...

Снова болотная вода тушитъ пламя, охватившее, было, міръ. Снова засыпаютъ ученики. Снова Іуда предаетъ Сына Человѣческаго. Снова Симонъ Петръ, въ послѣдній часъ безвольно отрекается отъ своей вѣры. Снова Анна и Каіафа судятъ Вѣчное „по буквѣ закона“ временнаго, жалкаго. Снова Понтій Пилатъ умываетъ свои руки, предавая безвиннаго на пропятіе...

И вотъ—довели мы уже революцію крестнымъ путемъ до Голгоѳы. Наступаютъ тяжелые, страшные, страстные часы и дни: кажется, подлинно преданъ уже великій Народъ на казнь торгашами и книжниками, напоенъ оцтемъ и желчью, сопричтенъ къ разбойникамъ, поднятъ на крестное древо,

увѣнчанъ терновымъ вѣнцемъ, и объ одеждѣ его уже мечутъ жребій... И стихъ каликъ перехожихъ о распятіи жуткимъ отзвукомъ слышится въ наши дни:

А мы били-мучили Исуса Христа,
Яже бивше-мучивше, въ темницу всадя,
Въ шестомъ часу въ пятницу распяли Его.
Въ ноги и во длани прибиша гвоздьми,
Вѣнецъ наложили на главу Его,
Мученія и ранъ невозможно и счесть.
Исуса копіемъ ребра прободи
И земля обагрися отъ крови Его...

А „мимоходящіе“—злословятъ, „покивающе главами своими“: хотѣлъ міръ спасти, а себя не спасъ! Обѣщалъ воздвигнуть разрушенное братство между народами, а самъ отданъ на пропятіе! „Уа! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій—спасися самъ!“ И книжники, и фарисеи тутъ же у подножія креста глумятся: „другихъ спасалъ—себя ли не можетъ спасти?.. Пусть сойдетъ съ креста—и увѣруемъ въ Него!“

Лгутъ: и тогда не увѣруютъ.

IV.

...И тогда не увѣруютъ, ибо уже поздно: мечъ прошелъ черезъ душу человѣческую, раздѣленіе совершилось. Стоятъ толпами у креста злословящіе и „мимоходящіе“, стоятъ и немногіе „вѣрные“; и между двумя станами этими—пропасть. Поистинѣ—насталъ уже девятый часъ, уже слышны послѣднія слова со креста: „Или, Или, лима савахѳани!..“ Между двумя станами—подлинно пропасть, уже завѣса во храмѣ раздралась надвое, съ верхняго края до нижняго, и земля потряслась, и камни распались.

Да, мечъ прошелъ черезъ наши души, да, всѣ мы раздѣлились на два стана, и пропасть между нами. И по одной сторонѣ провала—остались всѣ люди Ветхаго Завѣта, обитатели Стараго Міра, озабоченные спасеніемъ старыхъ цѣнностей: вѣками, вѣдь, складывались цѣнности эти—государство, церковь, бытъ... А по другой сторонѣ—стоятъ тѣ,

кто не боятся душу погубить, чтобы спасти ее, стоятъ люди Новаго Завѣта, стоятъ чающіе Міра Новаго. И нѣтъ перехода, нѣтъ пониманія, нѣтъ примиренія—нѣтъ и не будетъ надолго.

Не днями, не мѣсяцами, даже не годами созидается Новый Міръ; долгимъ путемъ человѣческихъ страданій, путемъ творчества и строительства горящихъ душою людей созиждется онъ на развалинахъ Міра Стараго. И стоятъ сплоченной стѣною всѣ обитатели стараго міра, съ ужасомъ и съ ненавистью глядятъ на разверзшуюся подъ ногами землю, на распавшіеся камни, на разодранную завѣсу.

Много среди нихъ всесвѣтныхъ мѣщанъ, злобно хватающихся за ускользающія блага стараго міра; но есть среди нихъ и подлинно „взыскующіе Града Новаго", не могущіе лишь примириться съ мыслью, что новое построится неизбѣжно на развалинахъ стараго, и потому идущіе по старому пути; обращены они лицомъ къ закату солнца, и не чуютъ за спиной солнца новаго, восходящаго...

И по другую сторону пропасти разные стоятъ люди: есть среди нихъ лишь словесно чтущіе Новый Міръ, а сердцемъ далеко отъ него отстоящіе, есть и „тати духовные", пытающіеся торопливо оторвать себѣ тканый золотомъ кусокъ разодранной завѣсы, есть и подлинно „Града Новаго взыскующіе", обращенные лицомъ не къ закату, а къ восходу Солнца, ибо—

Новый путь имъ уготованъ:
Отъ заката на востокъ...

Повернуться бы лицомъ другъ къ другу, имъ, чающимъ, протянуть бы другъ другу черезъ пропасть братскія руки! Вѣдь ближе люди эти другъ къ другу, чѣмъ къ тѣмъ, съ которыми бокъ о бокъ стоятъ они! Нѣтъ, не обернутся: мечъ прошелъ черезъ ихъ души. И какъ повернуться имъ—стать каждому спиною къ своему Солнцу!

И вотъ—двумя вершинами стоятъ въ жизни эти люди прошлаго и будущаго, эти чающіе рожденія новаго и ожидающіе сохраненія стараго. Одна вершина освѣщена темными лучами заката—и въ лучахъ этихъ съ ужасомъ, со злобой, съ болью душевной глядятъ люди ветхаго завѣта

на развалины того, что имъ дорого было въ старомъ мірѣ. Другую вершину золотятъ лучи зари еще далекаго восхода— и въ лучахъ этихъ съ надеждою, съ вѣрою и все же съ болью душевной (крестный путь—и радостенъ и тяжекъ) люди новаго завѣта глядятъ на вырисовывающіеся берега новаго міра.

Два завѣта, два міра, двѣ Россіи...

Ноябрь.

Старый и Новый міръ [1].

I.

...Вѣра во всемірность русской революціи, въ далекое торжество ея—вѣра наша. И только вѣра эта поможетъ намъ пережить тяжелые и возможные впереди дни распятія и „положенія во гробъ“ русской свободы—подобно тому, какъ вѣра въ воскресенье Распятаго оживляла сердца вѣрующихъ христіанъ. Вѣра въ грядущее поможетъ пережить надвигающееся настоящее. Впереди—темные дни возможнаго торжества черныхъ силъ, которыя нынѣ собираются на одной сторонѣ пропасти вмѣстѣ со всѣми представителями мѣщанскаго соціализма.

Я знаю, что Старый Міръ еще соберетъ свои силы и поведетъ ихъ въ бой противъ Міра Новаго—и побѣдитъ въ этой борьбѣ, и завалитъ камнемъ гробъ народной свободы, и приставитъ ко гробу стражу, воиновъ и рабовъ архіерейскихъ. И радоваться будутъ книжники, законники и фарисеи, радоваться будутъ съ ними и сторонники мѣщанскаго соціализма. И издѣваться будутъ надъ вѣрующими въ воскресеніе: „уже смердитъ, ибо уже три дня, какъ онъ во гробѣ“! Еще мало пройдетъ—и черви могильные закопошатся...

Да, закопошатся. Придетъ, приползетъ могильный червь революціи во образѣ торжествующаго и всепоѣдающаго все-

[1]) Изъ статьи „Двѣ Россіи“.

свѣтнаго Хама—всесвѣтнаго мірового Мѣщанина. И трагедія всѣхъ искреннихъ „правыхъ соціалистовъ"—въ томъ, что они теперь въ одномъ станѣ съ могильными червями... Какъ всесвѣтный Мѣщанинъ ненавидитъ Новый Міръ, какъ ненавидитъ онъ революцію, какъ жадно будетъ разлагать ее—кто же изъ насъ этого не знаетъ? Но немногіе изъ насъ хотятъ видѣть, что ему въ этой борьбѣ уготована пока временная побѣда.

Я знаю это, но знаю и другое; я знаю также, что вновь созиждется „черезъ три дня" разрушенный Храмъ, хотя и неизвѣстно, сколько времени будутъ длиться „три дня" вселенской исторіи. Сколько бы ни длились—но въ міровой жизни не было случая, чтобы золотые лучи восхода были побѣждены темными закатными лучами. Остановить солнце на нѣсколько міровыхъ часовъ—это все чего могутъ достигнуть Іисусы Навины ветхаго завѣта, стараго міра. Но не Іисусу Ветхаго завѣта побѣдить Іисуса завѣта Новаго, не старому міру суждена конечная побѣда въ міровой борьбѣ.

...Да, въ этомъ будущая наша судьба. Намъ дана была великая радость—увидѣть пришедшую въ міръ свободу, и намъ же дана великая скорбь—крестный путь свободы: „чашу съ кровью, всемірнымъ причастьемъ, намъ испить до конца суждено"... Грязь мірового ливня покроетъ теперь поля—если еще не близко чудо всемірной революціи. Свое мы дѣлаемъ—мы боремся, и впредь до конца будемъ бороться за свою правду; полна была ею наша жизнь. И если мы погибнемъ, „дочерпавъ волю", то погибнемъ не напрасно: мы „вытекшей душою удобримъ черноземъ", и взойдутъ на ней весеннія сѣмена, которыя разбрасываетъ теперь по всему міру русскій вихрь.

II.

...Раздѣлилась отъ этого огненнаго вихря сама на себя Россія—и вотъ двѣ Россіи передъ нами. Политически, соціально, духовно—на два стана дѣлится она и сметаетъ съ пути все промежуточное, дряблое, примиренческое, согла-

шательское. И то, что свято на одномъ берегу пропасти—грѣховно на другомъ; божественное тамъ—здѣсь демонично... И еще долго нѣтъ и не будетъ моста, нѣтъ и не будетъ взаимнаго пониманія, довѣрія, общаго языка. Нѣтъ и не можетъ быть.

Странно раскололись двѣ Россіи, линія излома ихъ могла быть создана поистинѣ только землетрясеніемъ—такъ причудливо перемѣшались глубинные земляные и сухіе поверхностные слои. Былые наши мистики и эсхатологи отъ интеллигенціи—Бердяевы, Булгаковы, Мережковскіе и подобные имъ—всѣ оказались теперь на той же сторонѣ провала, гдѣ и злѣйшіе ихъ бывшіе враги, а нынѣ союзники: всѣ умѣренные и аккуратные мѣщане отъ соціализма, всѣ благоразумные и кабинетные государственники отъ „буржуазіи". И тутъ же съ ними—рачители старой Россіи, о себѣ же служащіе панихиды. И на звукъ заупокойнаго плача—поползъ къ нимъ, предвкушая поживу, Могильный Червь революціи, всесвѣтный Хамъ, всесвѣтный Мѣщанинъ.

И на другой сторонѣ провала, наряду съ подлинными представителями „революціоннаго соціализма", оказались подлинные наши „старовѣры" отъ земли, едва ли не „двуперстники", подлинные эсхатологи, не кабинетные, а земляные, глубинные, народные. Такъ старовѣры оказались въ „революціонерахъ", а былые революціонеры—въ „старовѣрахъ". И на этой сторонѣ пропасти тоже кишатъ духовные мѣщане, мелкіе хищники, примкнувшіе къ революціи только для поживы; они первые предадутъ ее, первые присоединятся къ пиру могильныхъ червей.

Но что бы ни было на одной сторонѣ пропасти—нѣтъ перехода на другую сторону: слишкомъ глубоко раздѣленіе между двумя Россіями, слишкомъ широко и далеко разверзлась земля. „Между нами и вами—пропасть великая утверждена: хотящіе перейти отсюда къ вамъ не возмогутъ, ни оттуда къ намъ не переходятъ".

И въ то время, какъ на одной сторонѣ служатъ панихиды по старой Руси, отпѣваютъ самихъ себя, копятъ „злобу безсильную" и „злость лютую", ропщутъ, кричатъ проклятія во мракъ и видятъ во всемъ происходящемъ лишь

„бѣсовское дѣйство“, лишь жалкій преходящій мигъ исторіи, безъ корней въ прошломъ, безъ правъ на будущее— съ другой стороны пропасти народный поэтъ (С. Есенинъ, въ поэмѣ „Октоихъ“) отвѣчаетъ всѣмъ имъ исповѣданіемъ своей вѣры, отрицаніемъ ихъ панихиднаго плача...

О, горе, кто ропщетъ
Не снявши оковъ!
Кричащему въ мракѣ
И бьющему лбомъ,
Подъ тайные знаки
Мы вратъ не сомкнемъ...
Но сгибни, кто вышелъ
И узрѣлъ лишь мигъ!
Мы звѣздною крышей
Придавимъ слѣпыхъ...

Такъ раздѣлилась русская литература, раздѣлилось русское общество и вся русская земля; такъ, быть можетъ, скоро раздѣлится весь міръ... И каждый изъ насъ долженъ твердо знать, за какую правду онъ готовъ стоять до конца.

Великая могила.

(Памяти Некрасова).

I.

Въ наши дни, въ дни всѣми болотноводными поносимой и проклинаемой великой русской революціи (великой, несмотря ни на что), въ дни почти всеобщаго откровеннаго проявленія былой, якобы „соціалистической“ и „революціонной“, русской „интеллигенціей“ своего подлиннаго мѣщанскаго лика—въ эти дни невольно все чаще и упорнѣе вспоминаешь горькія слова Некрасова о великихъ могилахъ прошлаго и о мелкихъ людяхъ настоящаго. Да. поистинѣ—

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ...

Такъ писалъ Некрасовъ за мѣсяцъ до смерти. Передъ его подлинно великой могилой останавливаешься съ горькимъ и радостнымъ чувствомъ за прошлое, съ горькимъ и радостнымъ чувствомъ за настоящее.

Да, „величія въ живыхъ“—не ищите. Позорно провалилась въ революціи почти вся русская литература (къ счастью—не вся), почти вся русская „интеллигенція“—въ кавычкахъ. Ея „революціонности“—хватило лишь на борьбу съ самодержавіемъ, хватило лишь на политическую революцію; ея „соціализма“—хватило лишь на робкое „соглашательство“, хватило лишь на полугодовое топтаніе на одномъ мѣстѣ. Испытанія въ грозѣ и бурѣ революціи рус-

ская литература не выдержала. И болѣе, чѣмъ когда либо— именно теперь „нужны намъ великія могилы“.

Героемъ Некрасовъ не былъ. Всѣ мы знаемъ, что не разъ рука поэта

„У лиры звукъ невѣрный исторгала“—
„Когда грозилъ неумолимый рокъ...“

Но этотъ невѣрный звукъ бывалъ лишь слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ душевной слабости, но не разслабленнаго умственнаго и духовнаго шатанія.

Возьмите почти всѣхъ нашихъ современныхъ знаменитыхъ поэтовъ, вспомните ихъ военныя стихосложенія 1914—1916 г.г., ихъ размахъ отъ каннибальства и звѣринаго патріотизма къ расцвѣченному націонализму — вчужѣ стыдно вспомнить, не такъ-ли? Весь этотъ поэтическій тлѣнъ и прахъ уже сейчасъ забытъ и разсѣянъ по вѣтру. И у великой могилы Некрасова мы вспоминаемъ подлинно безсмертныя—ибо подлинно всечеловѣчныя—его слова о томъ же явленіи, вспоминаемъ его незабываемыя строки о войнѣ:

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!
О, любовь!—гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!
Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны...

Такъ пророчески предчувствовалъ поэтъ—и такъ человѣчески чувствовалъ онъ. Съ волненіемъ перечитываешь теперь его „военные стихи“—и горько чувствуешь, что подлинно „нѣтъ величія въ живыхъ“... Ибо о чемъ пѣли намъ эти „живые“, о чемъ говорили они намъ, „внимая ужасамъ войны“? О „слезахъ бѣдныхъ матерей“? О дѣтяхъ, павшихъ „на кровавой нивѣ“? О проклятой человѣческой бойнѣ? О томъ, что „не поднять плакучей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей“?—Нѣтъ, эти проникновенныя слова доно-

сятся къ намъ съ великой могилы; а великіе наши поэты-современники въ этомъ случаѣ показали себя только подлинно маленькими людьми.

II.

Такъ о войнѣ—такъ и о революціи. Теперь, когда русское „культурное общество“ въ массѣ своей съ такой ненавистью, съ такой злобой относится къ народу, къ революціи, зашедшей „слишкомъ далеко“,—въ эти дни снова отдыхаешь душою на строкахъ Некрасова о народѣ, о вихрѣ грядущей революціи, объ изживающемъ себя дряхломъ Старомъ Мірѣ.

Да—„дни идутъ, все такъ же воздухъ душенъ, дряхлый міръ—на роковомъ пути“; да, и въ серединѣ 1917 года было такъ же, какъ и полувѣкомъ раньше—„душно! безъ счастья и воли, ночь безконечна длинна“... И въ то время, какъ наши современники, „живые“ литераторы пуще всего боятся грозы и бури—устали они отъ революціи, спокойствія они возжаждали и взалкали!—въ это самое время отъ великой могилы доносятся слова вѣчнаго кипѣнія, вѣчнаго горѣнія:

Буря бы грянула, что-ли?
Чаша съ краями полна!
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!

И вмѣсто ненависти къ народу, вмѣсто презрѣнія къ народу, отъ великой могилы доносятся—надо-ли напоминать?—слова великой любви къ народу. Ибо знаетъ поэтъ, что „сила народная—сила могучая: совѣсть спокойная, правда живучая“; ибо вѣритъ поэтъ, что „золото, золото—сердце народное!“; ибо чувствуетъ поэтъ, что „сила съ неправдою не уживается, жертва неправдою не вызывается“...

Не страхъ, не ненависть и не презрѣніе, столь обычные для нынѣшнихъ „живущихъ“, а любовь чувствовалъ поэтъ къ тому, „чьи не плачутъ суровыя очи, чьи не ропщутъ

нѣмыя уста, чьи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусства, въ науки, предаваться мечтамъ и страстямъ"...

Это „почтительное предоставленіе" нынѣ подкошено соціальной революціей—и какъ же не возненавидѣть за это и революцію и народъ! И что если—страшно подумать!—завоеванія соціальной революціи будутъ закрѣплены?.. Со скрежетомъ зубовнымъ, но придется съ этимъ примириться! Что же! „Покорись, о, ничтожное племя, неизбѣжной и горькой судьбѣ"...

Да, глубоко любилъ Некрасовъ народъ и готовъ былъ идти съ нимъ до конца. И хочется вѣрить, что если бы всталъ онъ теперь отъ своей великой могилы, то подлинно пошелъ бы онъ съ народомъ *до конца*—до побѣды или до пораженія... По другому поводу сказалъ онъ слова, которыя хочется теперь приложить къ днямъ нашей революціи, которыя слышатся намъ теперь съ великой могилы, которыя останутся въ силѣ даже и тогда, если рабы и мѣщане временно побѣдятъ и распнутъ революцію:

Народъ-герой! Въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца!
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца...

27 декабря.

„Благоразумные“ и „безумные“.

(Герценъ о нашихъ дняхъ).

I.

„Исторія февральской революціи представляетъ три фазы: ее начала парламентская оппозиція, которая далѣе реформы идти не хотѣла; ее совершилъ народъ провозглашеніемъ республики; ее закончили журналисты, адвокаты и былые „революціонеры“, воспользовавшіеся общимъ разгромомъ и своими либеральными и „революціонными“ именами, чтобы сѣсть на тронъ. Парламентская оппозиція съ ужасомъ увидѣла, что завоевала больше, нежели хотѣла. Адвокаты и „революціонеры“ стали между народомъ и мѣщанами, обоимъ присягнули, обоимъ протянули руки и основали свою власть на попыткѣ нелѣпаго примиренія“.

Да, такова исторія перваго полугода нашей „февральской революціи“. Но не думайте, что я изложилъ ее своими словами: я только, съ незначительными измѣненіями, буквально, переписалъ слова Герцена изъ его письма отъ 1 іюня 1848 года... Такъ писалъ онъ о тогдашней „февральской революціи“; такъ можемъ мы повторить теперь о „февральской революціи“ минувшаго года.

Герцена перечитываешь теперь, какъ самаго современнаго, какъ самаго „своевременнаго“ писателя. И часто забываешься, часто путаешься: тогда это происходило или теперь? Въ дни Кавеньяка или въ наши дни? Вотъ глава

исполнительной власти правительства республики въ іюньскіе дни: „посмотрите, что за роль начинаетъ здѣсь играть К*: онъ ѣздитъ съ драгунами, со штабомъ—и это нравится; да кому же? толпѣ? а хоть бы и ей: вѣдь suffrage universel (всеобщее голосованіе) дало ей въ руки государство... Вотъ и выпутывайтесь тутъ“... О комъ это? о чемъ это? Да о Кавеньякѣ! письмо Герцена помѣчено 6-мъ сентябремъ 1848 года.

Франція не выпуталась; Россія теперь выпутывается. Она выпуталась изъ паутины „соглашательства“ (по Герцену—„нелѣпаго примиренія“), она вышла изъ подъ власти тѣхъ „революціонеровъ“, которые „стали между народомъ и мѣщанами, обоимъ присягнули, обоимъ протянули руки и основали свою власть на попыткѣ нелѣпаго примиренія“.

Правда, на борьбу съ этой властью загублено было болѣе полугода; правда, властью этой была, быть можетъ, загублена вся русская революція. Но только тяжелымъ путемъ борьбы со всяческимъ „соглашательствомъ“ могъ народъ, могли всѣ до единаго придти къ глубокому убѣжденію, что надо всѣмъ раздѣлиться на *два стана*, что иного нѣтъ пути для революціи, что по двѣ разныя стороны пропасти стоятъ революціонеры, чающіе міра новаго и былые „революціонеры“ стараго міра.

Хотите вспомнить, что говоритъ объ этомъ Герценъ? А вотъ что:

II.

„...Раньше было дешево либеральничать: стоило толковать о прогрессѣ, о самодержавіи народа, о демократическихъ симпатіяхъ, сидѣть въ „лѣвомъ центрѣ“, пугнуть иногда мѣщанъ воспоминаніемъ о конвентѣ...—и все это, оставаясь не только защитникомъ правъ, но и порядка, т. е. существующаго.

„Все перемѣнилось и серьезно теперь; нельзя быть революціонеромъ не только по двумъ-тремъ фразамъ, рѣчамъ, но и по благороднымъ воспоминаніямъ о прошлыхъ бояхъ, строивши и защищая баррикады. Ни личная храбрость, ни

доблестный нравъ не могутъ сдѣлать человѣка революціонеромъ, если онъ не революціонеръ въ смыслѣ современной эпохи.

„Революціонеры XVIII вѣка были велики и сильны именно потому, что они такъ хорошо поняли, въ чемъ имъ слѣдовало быть революціонерами, и, однажды понявши, безбоязненно и безпощадно шли своей дорогой. Быть теперь революціонерами въ смыслѣ конвента было бы почти то же, что явиться въ конвентъ гугенотомъ. Въ XVIII столѣтіи достаточно было бы быть республиканцемъ, чтобы быть революціонеромъ; теперь можно очень легко быть республиканцемъ и отчаяннымъ консерваторомъ. Но соціалисту въ наше время нельзя не быть революціонеромъ.

„Никакой нѣтъ обязанности быть революціонеромъ, но тотъ, кто поднимаетъ знамя, кто добровольно становится въ ряды, тотъ долженъ знать, что *революція обязываетъ*, что нельзя по капризу идти до того мѣста или до другого.

„По счастью, въ послѣднее время революція и консерватизмъ такъ раздвинулись, что какимъ колоссомъ Родосскимъ ни будь, но все же невозможно стоять на обоихъ берегахъ... Время политическаго эклектизма прошло,—надобно стоять на томъ берегу или на этомъ.

„Кто желаетъ сохранить что бы то ни было изъ основаній христіанскихъ, феодальныхъ, римскихъ, у того въ душѣ дремлетъ консерватизмъ и реакція; обстоятельства непремѣнно его обойдутъ. Дѣло очень просто: революціонная идея нашего времени несовмѣстна съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ"... (1 іюня 1849 г.; „Письма изъ Франціи и Италіи").

III.

Читаешь все это—и нѣтъ-нѣтъ, да забудешь: о комъ, о чемъ тутъ рѣчь? „Лѣвый центръ"—ужъ не о пресловутомъ ли „лѣвомъ центрѣ" партіи правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ пророчески говоритъ Герценъ? Объ этомъ лѣвомъ центрѣ правой партіи, весь годъ ухитрявшемся садиться мимо двухъ стульевъ прямо въ лужу соглашательства...

„Теперь нельзя быть революціонеромъ по благороднымъ воспоминаніямъ о прошлыхъ бояхъ, строивши и защищая баррикады“... Да, поистинѣ—нельзя. Ибо защищавшіе одну сторону баррикадъ въ 1905 году защищали другую ея сторону въ 1917-омъ. И славныя революціонныя имена послѣднихъ десятилѣтій вылиняли, поблекли, а подчасъ стали и глубоко враждебными революціи въ тяжелый и великій 1917-й годъ. Ибо—никакія прошлыя заслуги „не могутъ сдѣлать человѣка революціонеромъ, если онъ не революціонеръ въ смыслѣ современной эпохи“. Это твердо зналъ Герценъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но этого не могутъ до сихъ поръ понять всѣ наши „революціонеры“ въ кавычкахъ.

И еще зналъ Герценъ то, что такъ основательно забыли многіе изъ этихъ, заключенныхъ въ кавычки людей: онъ зналъ, а они забыли, что *революція обязываетъ*, что „нельзя по капризу идти до того мѣста, или до другого“...

Онъ зналъ еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что подлинная революція, революція соціальная—„несовмѣстна съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ“... Онъ ждалъ, онъ звалъ такую революцію. А когда она пришла—мѣщанскіе соціалисты, прикрываясь его именемъ, стали всячески бороться за отжившее „европейское государственное устройство“, стали всячески тормозить движеніе революціи „къ тому берегу“, на которомъ уже три четверти вѣка тому назадъ стоялъ Герценъ. И нѣтъ худшаго врага, чѣмъ Герценъ, для этихъ мѣщанъ соціализма.

Одного не предвидѣлъ Герценъ—не предвидѣлъ онъ этого нарожденія мѣщанъ соціализма... „Соціалисту въ наше время нельзя не быть революціонеромъ“,—говорилъ онъ тогда; и подлинно, въ то время рожденія революціоннаго соціализма, слова „соціалистъ“ и „революціонеръ“ были синонимами. А теперь?

Недавніе „соціалисты-революціонеры“ не обратились ли въ большинствѣ своемъ въ „соціалистовъ-реакціонеровъ“, въ соціалистовъ мѣщанъ, слугъ стараго міра? И не попробовали ли они утопить въ мѣщанскомъ болотѣ революцію 1917 года?

Не только пробовали, но и долго еще будутъ пробовать. И хотя всякому духовному мѣщанству отъ вѣка уготовано конечное пораженіе, но не такъ-то сразу дастся побѣда революціонному міровому соціализму. Впереди много еще черныхъ дней и годовъ. Но и ихъ тоже предвидѣлъ Герценъ...

IV.

Герценъ зналъ, что побѣда революціоннаго соціализма возможна лишь при полномъ разрушеніи, полномъ „истребленіи" („экстерминаціи", говорилъ онъ) стараго міра; зналъ также, что силы этого міра еще велики, что борьба съ нимъ будетъ страшная, затяжная, безмѣрно тяжелая. Онъ предвидѣлъ не розовый и сладенькій соціалистическій рай впереди, а долгіе годы страданій, исканій, борьбы. Вѣщія слова о нашихъ дняхъ звучатъ въ его письмѣ отъ 8 ноября 1848 года:

„Побѣда демократіи и соціализма можетъ быть только при экстерминаціи (истребленіи) существующаго міра съ его добромъ и зломъ и его цивилизаціей; революція, которая теперь приготовляется (я вижу ея характеръ очень вблизи), ничего не имѣетъ похожаго въ предыдущихъ. Это будутъ сентябрьскіе дни (1792 года) въ продолженіе годовъ... Старому міру не устоять: демократія—c'est l'armée militante de l'avenir (боевая армія будущаго), этого—„коррозивное (разъѣдающее) начало"... Да зачѣмъ она только разлагающая, dissolvant стараго? вѣроятно, можно объяснить, но не въ томъ дѣло,—дѣло въ томъ, что фактъ таковъ. Массы... не готовы къ гармоническому вступленію во владѣніе плодомъ цивилизаціи, но не готовы массы, съ другой стороны, и терпѣть, а потому характеръ взрыва будетъ страшный. Въ 93 году терроръ и все прочее сдѣлано мѣщанами и парижанами; вообразите, что будетъ, когда весь пролетаріатъ въ Европѣ станетъ на ноги"...

Герценъ не былъ ни слѣпымъ оптимистомъ, ни Маниловымъ; онъ видѣлъ, что готовитъ будущее, онъ зналъ, что демократія еще не готова къ міру новому и въ то же время должна подойти къ „экстерминаціи" міра стараго... Не можетъ

войти въ міръ новый и должна разрушить міръ старый: не въ этомъ-ли величайшая трагедія демократіи? Никто изъ евреевъ, исшедшихъ съ Моисеемъ изъ Египта, не достигъ земли Обѣтованной: ея достигло лишь молодое, новое поколѣніе, послѣ сорока лѣтъ блужданія въ пустынѣ...

V.

Но тутъ „благоразумные“ люди начинаютъ вопіять противъ такого „преждевременнаго“ исхода изъ Египта стараго міра; они называютъ „безумцами“ тѣхъ, кто идетъ на явную гибель, въ поискахъ земли Обѣтованной. Грады и веси переполнены этими „благоразумными“ мѣщанами міра стараго; и даже среди чающихъ новаго міра не рѣдки эти „благоразумные“ голоса...

Не такъ-ли и при исходѣ изъ Египта „благоразумные“ изъ „сыновъ израилевыхъ“ корили своихъ вождей: „чтобы не погибнуть въ Египтѣ извели вы погубить насъ въ пустыню! Зачѣмъ сіе сотворили еси намъ, извели насъ изъ Египта? Не говорили-ли мы вамъ въ Египтѣ: оставьте насъ! пусть работаемъ мы египтянамъ! Ибо лучше было бы намъ работать египтянамъ, нежели умереть въ пустынѣ сей!“

Вѣчная это исторія: „благоразумные“ корятъ и поносятъ „безумныхъ“. Вѣчные это два стана. „Благоразумные“ всегда стоятъ за прочный, твердый старый міръ; „безумные“ всегда ищутъ землю Обѣтованную, хотя бы на пути къ ней десятилѣтія надо было бы скитаться въ пустынѣ. И каждый изъ насъ долженъ твердо выбрать, къ которому изъ двухъ становъ хочетъ онъ принадлежать.

Нашъ выборъ сдѣланъ давно и освященъ всѣмъ крестнымъ путемъ героевъ мысли и дѣла минувшаго вѣка, минувшихъ вѣковъ.

Но со злобой и ненавистью бросаютъ намъ укоръ мѣщане стараго міра (особенно—мѣщане-соціалисты), что не въ правѣ мы вести на гибель за собою народъ, „малыхъ сихъ“, что пусть погибнемъ мы въ пустынѣ—тѣмъ лучше, но не смѣемъ мы губить съ собою другихъ...

VI.

Вѣское слово и „благоразумное“. Но этимъ благоразумнымъ людямъ (отъ вѣка ведущимъ за собою къ гибели довѣрившихся имъ слѣпыхъ) давно уже отвѣтилъ Герценъ въ своемъ письмѣ отъ 1 іюня 1849 г.:

„...Можно быть очень добросовѣстнымъ человѣкомъ и плохимъ историкомъ, еще худшимъ психологомъ. У человѣчества другая экономія, нежели у кухарокъ: оно починаетъ всѣ круги сыра разомъ, а не ждетъ, чтобъ первый былъ съѣденъ: оно паритъ со всѣхъ концовъ. Когда является въ сознаніи новая великая мысль и поражаетъ сильнѣйшія разумѣнія своего времени, ее остановить или задержать невозможно; массы какъ будто предчувствуютъ ее; каждое слово, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, безпокоитъ, волнуетъ. И кто же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сказать людямъ, какъ Гамлетъ говорилъ себѣ: „Сердце, погоди, не бейся; я выжду, что скажетъ Гораціо?“ Развѣ мысль не такой же фактъ, какъ всѣ другіе факты? Развѣ она не имѣетъ своего необходимаго рожденія и развитія, непреложнаго, неотвратимаго? Соціализмъ долженъ былъ поднять свое знамя при первомъ кликѣ республики и заявить свое существованіе; обманутый два раза Временнымъ Правительствомъ, обманутый Учредительнымъ Собраніемъ, онъ потребовалъ сначала словомъ, потомъ баррикадами исполненія обѣщаннаго“...

Перечитываю это—и снова на минуту забываю: о какой революціи идетъ здѣсь рѣчь? о какомъ Временномъ Правительствѣ? о какомъ Учредительномъ Собраніи?.. Не о нашихъ ли дняхъ говорилъ, впрямь, „безумный“ Герценъ?

VII.

Такъ или иначе—но съ „благоразумными“ намъ не по пути; пути наши давно разошлись. И пусть для нихъ „безуміе“ наше является „неразуміемъ“—для насъ „благоразуміе“ ихъ является тѣмъ прѣснымъ духовнымъ мѣщанствомъ, съ которымъ нѣтъ и не можетъ быть ни мира, ни перемирія.

И худшимъ, ненавистнѣйшимъ врагомъ является для насъ мѣщанскій соціализмъ, этотъ вѣрный союзникъ стараго міра.

Нѣтъ мира, нѣтъ перемирія и въ борьбѣ революціоннаго соціализма за новый міръ. Съ первой битвы соціализма, разбитаго въ 1848 году, сдѣлавшаго первые шаги къ побѣдѣ въ 1917 году, и до послѣдней, далекой еще битвы—лежитъ тяжелый, трудный, долгій путь. Будетъ ли впереди конечная побѣда? Вѣримъ, что да; хотя и „не знаемъ ни часа, ни срока". И снова вспоминаются пророческія слова Герцена:

„...Погибли всѣ надежды на спокойное и мирное прогрессивное развитіе, разрушены всѣ мосты переходныхъ соглашеній. Или Европа падаетъ подъ ужасными ударами соціализма, расшатанная имъ и сброшенная со своего фундамента, какъ нѣкогда палъ Римъ усиліями христіанства; или Европа, какова она есть, со всей своей рутиной, вмѣсто идей, со своею старческой дряхлостью вмѣсто энергіи,—побѣдитъ соціализмъ и, какъ вторая Византія, станетъ влачиться въ длительной апатіи, предоставивъ другимъ народамъ и другимъ странамъ прогрессъ, будущее, жизнь. Будь возможенъ третій исходъ, онъ былъ бы хаосомъ всемірной войны безъ побѣды съ чьей-либо стороны, былъ бы смутой всеобщаго возстанія, которая, въ концѣ концовъ, привела бы къ деспотизму, къ террору, къ окончательному истребленію. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: мы наканунѣ эпохи слезъ и страданій, воя и скрежета зубовъ"...

Да будетъ такъ!—ибо измѣнить эти пути мы безсильны. Мы можемъ только всѣ свои силы, всю свою волю приложить къ тому, чтобы осуществился въ міровой исторіи первый изъ этихъ трехъ путей. Пусть духовные мѣщане, соціалисты и не соціалисты, всѣми силами поддерживаютъ „старую Европу", старый міръ, пусть клянутъ они неизбѣжный исходъ черезъ пустыню, пусть ихъ будетъ „благоразумное большинство"—тѣмъ упорнѣе пойдемъ мы по нашему пути. И пойдемъ отчасти по новымъ, отчасти и по уже протореннымъ тропамъ: мы видѣли, какъ далеко ушелъ по этому пути хотя бы Герценъ, еще три-четверти вѣка тому назадъ...

Пусть мы не дойдемъ, пусть дойдутъ дѣти дѣтей нашихъ—

развѣ *въ этомъ* дѣло? развѣ *это* дорого, цѣнно и важно? Лишь бы была вѣра въ путь, ведущій хотя бы къ первымъ ступенямъ внѣшняго раскрѣпощенія человѣческаго, лишь бы издали, въ туманѣ видѣть обѣтованную землю...

„И показахъ ю очесемъ твоимъ, и тамо не внидеши". Пусть такъ. Но въ грозѣ и бурѣ революціи, въ ея тяжелыхъ и душныхъ раскатахъ, я уже вижу и предчувствую будущую обѣтованную землю человѣческой свободы. И какъ ни тяжекъ путь, но съ благодарностью къ судьбѣ часто повторяю слова поэта:

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель...

9 янв. 1918 г.

КНИГИ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА.

Исторія русской общественной мысли. Изд. 5-ое, переработанное, въ восьми томахъ; каждый томъ размѣромъ свыше 200 стр., ц. за каждый 3 р. 50 к. Изд. „Революціонная Мысль“, Спб. 1918 г.

О смыслѣ жизни. Изд. 2-ое, 1910 г. Распродано.

Объ интеллигенціи. Изд. 2-ое, 1910 г. Распродано.

Литература и общественность. Статьи публицистическія. Спб. 1911 г. Распродано.

Творчество и критика. Статьи критическія. Спб. 1912 г. Распродано.

Великія исканія. (В. Г. Бѣлинскій). Распродано.

Левъ Толстой. Спб. 1913 г. Распродано.

Пушкинъ и Бѣлинскій. Статьи историко-литературныя. Спб. 1916 г. Распродано.

4 р.